

Лариса Кузнецова.

Долгая

темная

ночь...

Действие книги разворачивается в наши дни в Мексике. Девушка из бедной семьи знакомится с криминальным авторитетом и он в нее влюбляется. Ей же нужны деньги на лечение матери, поэтому она соглашается на сделку — он ей деньги, она будет принадлежать ему. Но, давая слово, она даже не представляла чем обернется эта сделка...

По моему мнению, брак и его узы или величайшее добро, или величайшее зло; середины нет.

Вольтер

Я стояла на балконе роскошного пентхауса в самом сердце ночного города. Сверху открывался потрясающий вид на Мехико — прямо перед моими глазами, как на ладони, лежал разноцветный живой мегаполис. Его центральная часть была залита светом фонарей, ночных клубов, неоновых вывесок магазинов. Глядя на это оживление, можно было подумать, что сегодня выходной день, по тому как все вокруг дышало расслабленностью и какой-то бесшабашностью.

Я посмотрела на свои часы, было уже около двух ночи вторника. А точнее среды, и хоть завтра всем было на работу, тем не менее ночью город не спал и жил своей жизнью. До меня долетали звуки музыки и смеха, а в застывшем безветренном воздухе пахло разлитыми пряными ароматами ресторанной пищи и острыми специями. За день над многомиллионным городом скапливался густой смог и лишь ближе к вечеру тяжелое пыльное облако рассеивалось и воздух становился почти прозрачным и можно было разглядеть вершины далеких гор, которые как неровный частокол разрезали линию горизонта.

Чем дальше мой взгляд отдалялся от центра города, тем меньше света было на улицах. А на его окраинах царил полумрак. Я с трудом могла различить лишь смутные силуэты серых приземистых зданий. Это был другой Мехико. Не веселый и нарядный, а бедный и отчаявшийся. Там люди рождались в бедности и в ней же умирали. Слово 'надежда' было нарицательным. Мало кто из этих людей еще имел иллюзии относительно своей судьбы. Это только в слезливых фильмах, герои преодолевая многочисленные страдания, выбирались из этих страшных районов и обретали счастье и богатство. А в жизни, они рождались в пыли и в ней же умирали не оставив после себя никакого следа, кроме как еще более обветшалого жилья, которое переходило дальше по наследству. И их дети и внуки, также как и их родители жили в этих хибарах, которые про блага цивилизации слышали весьма отдаленно.

Я родилась в бедной семье иммигрантов, которые ища лучшей жизни переехали сюда из Испании в поисках новой жизни, но судьба была к ним не справедлива. Сейчас родители стали старыми и надеется на что-либо хорошее не приходилось, так что вполне возможно и мы когда-нибудь вынуждены будем переехать в какой-нибудь глухой бедняцкий район...

Из раздумья меня вывел оклик:

— Детка!

Я обернулась и увидела входящего Андре. В руках он держал открытую бутылку шампанского и два фужера. Сквозь расстегнутый ворот белой рубашки была видна его волосатую грудь и большой золотой медальон на массивной цепи.

— Мария, ты о чем задумалась?

Улыбаясь, Андре подошел ко мне и протянул один из фужеров. Я дрожащей рукой взяла фужер и посмотрела на него через золотистую пузырящуюся жидкость. Андре был одним из тех, кого называют родившимся с серебряной ложкой во рту. Ему было около тридцати пяти, а он уже был заместителем коммерческого директора на телеканале, где я работала примером. Его отец был видным чиновником, который дал сыну отличное образование. И когда тот закончил в Америке престижный университет, устроил его на 'теплое' место, на телеканал 'Мексика сегодня'. Кроме того, отцу, Андре был обязан шикарным пентхаусом в центре города и приличным счетом в банке.

Девушка типа меня вряд ли бы когда-нибудь познакомилась с таким преуспевающим красавчиком Андре, но моя сестра, которая работала на телевидении ведущей прогноза погоды вовремя успела мне сообщить об открывшейся вакансии гримера. После долгих тестирований меня взяли на телеканал с адским графиком и минимальной зарплатой. Я с утра до вечера занималась тем, что накладывала грим на различных ведущих и гостей студии. Многие из работающих на канале, были также как и Андре детьми богатых и известных людей, поэтому мне приходилось быть терпеливой и на различные капризы и истерики, отвечать заискивающей улыбкой. Я понимала, что для моей семьи моя зарплата — это единственный шанс хоть как-то сводить концы с концами. Мы жили с родителями в старом, но еще довольно неплохо сохранившемся трехэтажном доме на четырех соседей. Наша квартира была на втором этаже и в нашем распоряжении были четыре крохотные комнатки в каждой из которых чудом вмещались кровать и еще немного мебели. Также у нас была небольшая гостиная и крохотная кухонька.

Кроме меня и родителей, с нами жила моя родная сестра Оливия, у которой тоже была небольшая зарплата, так как хорошие места на канале доставались либо очень "близким", либо очень "нужным" людям нужных людей. Оливия как и я, к ним не принадлежала, кроме того, она была законченная эгоистка, которая даже те крохи что получала умудрялась спускать на шмотки и походы в ночные клубы.

Так что я и моя зарплата — были очень нужны семье, несмотря на то, что работа мне не очень нравилась и особенно тяжело было из-за отношения некоторых коллег.

Как-то раз, когда я гримировала одну известную ведущую новостей Сальму Тепурос, она накричала на меня и дала мне сильную пощечину, но рука сорвалась и задела нос, из которого потекла кровь. Она была любовницей одного продюсера, поэтому с ней никто не спорил, а Сальма пользуясь этим вымещала свой гнев на простом персонале. Я смотрела на ее искаженное злостью лицо и молча плакала от обиды и боли. А затем вышла и села на подоконник возле окна. Как раз в этот момент рядом проходил Андре. Он протянул мне носовой платок, а потом долго болтал всякую ерунду, пока я не начала смеяться. Так мы начали с ним каждый день здороваться. Затем мы еще пару раз случайно сталкивались, когда выходили с работы. После двух месяцев такого общения он пригласил меня на ужин с фразой: "В нашей бестолковой жизни не бывает простых случайностей!". И я пошла.

Когда мы сталкивались на работе в людных коридорах телеканала, то держались отстраненно, но после работы мы ходили вместе ужинать, и там уж расслаблялись и болтали обо всем на свете. Он рассказывал мне много интересного про свою студенческую жизнь в Америке, а также про другие страны, где я никогда не была.

Андре мне нравился. Он вообще, не мог не нравиться, но в тоже время, я почему-то не

чувствовала к нему влечения. Мне нравилось просто общаться с ним, быть друзьями. Но я бы покривила душой, если бы сказала, что ни разу не подумала про то, что неплохо было бы иметь такого мужа. Он был богат, красив и имел хорошие связи. Любая женщина напротив такого мужчины ставит заметку — 'потенциальный муж'.

И вот сегодня, стоя на балконе его огромной квартиры, и глядя на него через прозрачный бокал, я думала о том, готова ли я расстаться с ним со своей девственностью или нет. Ответ на ум не приходил. Мне было двадцать восемь лет. И у меня никогда не было парня. Не потому что я не красива, а просто, потому что я всегда была хорошей девочкой. Вечерами я сидела дома и старалась не огорчать родителей. А потом, я устроилась на работу и приходила домой выжатая как лимон и буквально падала замертво. Так продолжалось каждый день, пока в моей жизни не появился Андре.

— Крошка, у тебя такой загадочный взгляд. Твои глаза сейчас кажутся почти медового цвета. О чем ты думаешь?

Я снова посмотрела на город, пытаюсь собраться с мыслями, но мне было зябко. Мое легкое светлое платье совсем не защищало от вечерней прохлады. От свежего ветра с гор, я немного поежилась.

В какой-то момент, я почувствовала руку Андре на своей спине. Она была удивительно теплой и мягкой. Она ласкала и согревала. Я стояла почти не шевелясь. В это время его рука успокоенная моей покорностью продолжила свой путь. Он начал гладить мою грудь. Сначала легко, а затем все сильнее сжимая ее. То ли от выпитого шампанского, то ли от тепла его руки, я тихонько застонала. Он запустил руку мне под платье и начал мять мои ягодицы. Я стояла не шевелясь. Только на шее я чувствовала тепло его дыхания.

— Детка, ты готова провести лучшую ночь своей жизни?

Его слова я слышала словно через пелену. Я задала себе этот же вопрос, готова я или нет. Ответа не знала. Я давно уже перестала ждать своего принца. А тут Андре. Я его конечно не люблю, но с другой стороны уж лучше пережить дефлорацию с ним в этом шикарном пентхаусе, чем с каким-нибудь чумазым грузчиком на заднем сиденье его старого авто. Моя сестра Оливия давно твердила мне, что девственность нынче не в моде. Так какого черта я думаю?

Взглянув ему в глаза я отважно кивнула. Он обрадовался и впился мне в рот страстным поцелуем. Его язык достал мне практически до желудка и особой радости от этого я не испытала. Но с другой стороны, откуда мне знать о предварительных ласках, когда ничего подобного со мной раньше не происходило.

Андре легко подхватил меня на руки и понес через квартиру в спальню. Я с удивлением смотрела на шикарный интерьер большой комнаты с огромной круглой кроватью посередине, накрытую ярко-красным бархатным покрывалом. На кровати и вокруг нее валялась куча маленьких и больших подушек. На полу был большой белоснежный ковер с длинным ворсом. В разных углах комнаты стояли разной формы большие напольные вазы. На стенах висели картины современных авангардных художников.

Он донес меня до кровати и стащив с нее кричащее покрывало, толкнул меня на нее. Сам же пожирая меня взглядом начал раздеваться. От выпитого я впала в какое-то безразличие и поэтому спокойно смотрела как он снимает рубашку и штаны. Сняв их, он оказался в трусах, из которых выпирало его мужское достоинство. Наконец, он медленно стащил трусы и его большой красный член зашатался у меня прямо перед носом. Ничего противнее в жизни я не видела. Он был как мне казалось жуткого размера и весь покрыт

темными венами. Вокруг было столько волос, что там можно было делать национальный заповедник. Член вздрагивал и покачивался, словно глядя в мою сторону. В голове почему-то пронеслась дикая мысль, что будет, если на него повесить тяжелую связку моих ключей. Ответ мне узнать не пришлось, потому что Андре внезапно сунул его мне в лицо. Я закрыв глаза отвернулась. Он откинув голову засмеялся:

— Ты еще умолять меня будешь дать тебе его пососать!

Я уже готова была ляпнуть достойный ситуации ответ, как вдруг, он схватил за подол моего платья и буквально за секунду вытряхнул меня из него. Покачивая головой и не веря в происходящее я сидела на кровати в лифчике и крохотных трусиках. Также быстро он стянул с меня лифчик и начал больно мять груди. От боли я застонала. Видимо мой стон он принял как поощрительный сигнал, и усилил свои старания. Вторая его рука проникла в трусики и стала мять мне лобок.

— Андре, — свой охрипший голос я слышала как будто со стороны, — Андре, нам надо поговорить.

— После, детка:

— Андре, я девственница! — я почти выкрикнула эти слова.

Он сел на кровати уставившись на меня с самым идиотским выражением лица, которое я только видела.

— Ты чего?

— Девственница, — прошептала я и натянула на себя простынь.

Под его взглядом я чувствовала себя так, как будто я созналась в том, что умею прыгать с десяти метрового трамплина в балетной пачке.

— Ну ты даешь!?

Он подвинулся и положил мои руки в свои.

— Прости меня, бейби! Я вел себя как дурак. Тебе надо было сразу предупредить меня об этом. Я наверное тебя напугал?

Я кивнула. Его взгляд был очень теплым и участливым.

— Если ты не хочешь или не готова к этому, то давай остановимся, — он погладил меня по щеке. — Ты хочешь, чтобы я остановился, детка?

Я посмотрела ему в глаза. Он внимательно и серьезно смотрел на меня и мне стало как-то немного стыдно за свои детские страхи. А также за то, что как мне казалось, я не оправдаю его надежд.

— Нет, Андре, я хочу продолжить и хочу сделать это с тобой.

На его лице мелькнула почти детская радость. Он стянул с меня простыню и сам залез под нее накрывшись с головой, но из под другого края торчала его красивая задница. Видя это я засмеялась и стукнула его подушкой по мягкому месту. Он тоже засмеялся и кинул в меня маленькой подушкой. Я вскочила с кровати и кинула подушкой ему в ответ. Мы начали бегать вокруг кровати кидаясь и веселясь как дети.

На работе весь день я провожу на ногах, поэтому довольно вынослива. Я быстро бегала и уклонялась от его нападков. Его глаза горели огнем. Я видела, что он буквально пожирает взглядом мою кольшущуюся от бега грудь и упругую попу. Наконец, он сделал обманный маневр, а сам в один миг перепрыгнув через кровать схватил меня и повалил на ковер. Я смеясь отбивалась от него подушкой и пару раз даже заехала ею по голове. Но в итоге, он зажал мне одной рукой руки над головой. Второй рукой, он подсунул подушку мне под попу. Я все еще не могла остановиться от смеха и поэтому, когда он начал гладить мне грудь, то

засмеялась еще громче. От тоже засмеялся показав красивые ровные зубы и впился в мой рот поцелуем. От которого я затихла и немного напряглась. Одной ногой он раздвинул мне ноги в ловко засунул член мне между ними. Я чувствовала как его жесткий словно каменный член совершает внутри меня толчки, которые раз от раза становились все сильнее и настойчивее. Мне было ужасно больно, поэтому я закусила губу. Но на какой-то миг, боль стала просто невозможной. Я закричала и начала колотить его руками по спине:

— Андре, Андре! Остановись, мне ужасно больно! Я сейчас умру, Андре!

Я смотрела на него и была напугана его остановившимися глазами. Он продолжал мощные толчки внутри меня. Наконец, моя преграда была сломлена. Я лежала стараясь не шевелиться. Мне казалось, что у меня болела каждая клеточка кожи. В это время кряхтя и охая на мне прыгал Андре. Я смотрела на его волосатую грудь и мне казалось, что я сношаюсь с павианом, который поймал меня в джунглях. Это продолжалось несколько минут, которые показались вечностью. Наконец, он весь затрясся и его тяжелое потное тело легло на меня. Я почувствовала как по моим ногам потекло что-то липкое и теплое. Он сполз с меня и откинулся на спину на ковер тяжело дыша и закрыв глаза. Я встала глядя на залитую кровью подушку. И чувствовала себя агнцем принесенным в жертву на алтаре.

Покачиваясь я побрела в ванную. В ванной все было ослепительно белым и напоминало хирургический кабинет. Я взяла одно из белоснежных полотенец с полки и приложила его между ног. Через пару минут на нем расплылось темное от крови пятно. Я смотрела на свою кровь и в душе моей была пустота. Иллюзии разбиты — принц превратился в чудовище, а я в тыкву.

Открыв кран душа я встала под тугие струи. Мои ноги дрожали, так что мне пришлось сесть. В голове стоял звон от выпитого. Я затряслась в беззвучных рыданиях. Вода омывала мое тело, но не успокаивала разбитую душу. Мне было плохо. Я чувствовала себя грязной и никому не нужной.

Через какое-то время, я вышла из душевой кабины и взяв большое полотенце обернулась в него. Я подошла к зеркалу и с опаской взглянула на себя. Я искала в своем отражении изменения произошедшие со мной сегодня, но кроме грустного потухшего взгляда не увидела ничего. Отжав с волос воду я собралась уже выходить, как заметила на ванной полотенце со следами своей крови. Со всей злостью я бросила полотенце на пол и пнула его. Видя как оно разрушает сложившуюся идеальную чистоту, мне стало легче.

Когда я вышла, Андре уже одел трусы и лежал в кровати. Не зная что делать дальше, я подошла и тихонько села на край.

— Ложись детка, нам завтра рано вставать.

— Андре, я поеду домой, мне нужно переодеться и собрать вещи.

— Мне осталось спать 6 часов, так что проводить тебя не смогу. Я вызову тебе такси.

Он встал и позвонил в такси. Я оделась и затянула волосы в пучок. Когда я стояла на пороге, он поцеловал меня и сунул в руки деньги. Я посмотрела на них ничего не понимая.

— Это за такси! Прости, но провожать не стану. Я жутко устал!

Он закрыл за мной дверь и я пошла к лифту. Сонный лифтер, подозрительно косясь нажал кнопку нижнего этажа.

Когда я вышла на улицу, такси уже стояло возле подъезда. Я подошла к машине и уже открыла дверь, как вдруг подняла голову и посмотрела на балкон Андре. Там было темно и никого не было. С тяжелым сердцем я села в машину и поехала по ночным улицам. Я прижала горячий лоб к стеклу. Мне ужасно хотелось плакать, но почему-то слез не было.

Таксист часто поглядывал на меня в зеркало заднего вида, но я всю дорогу до дома молчала. В машине было тепло и не хотелось шевелиться.

Остановить машину я попросила возле соседнего дома. Моя мама спала очень чутко, поэтому я не хотела ее будить. Я протянула таксисту деньги, он начал копаться и искать сдачу с большой суммы, но я закрыла дверцу и пошла. Вслед он кричал мне слова благодарности и пожелания счастья. Что же, пусть хоть кому-то эти деньги принесут счастье.

Сняв босоножки, я взяла их в руки и пошла к дому. Это было неказистое здание некогда синего цвета. Сейчас этот синий цвет почти стерся и теперь сквозь старую краску просвечивали другие слои покраски, которые накопились за годы. В итоге, цвет дома определить с первого взгляда было довольно сложно. Входная дверь была покрашена в красный цвет. Эту краску несколько лет назад принес с работы отец и ею мы покрасили все — от ставней до двери. Отец работал приемщиком заказов в небольшом автосервисе. Когда-то он был видным мужчиной, полным радужных надежд и планов, но после ряда неудач, заболел и опустил руки. На тяжелой работе он работать не мог из-за больных легких, поэтому, что он нашел эту работу было просто счастьем. Платили ему очень мало, но хотя бы он не сидел дома перед телевизором с потухшим взглядом:

Света дома нигде не было видно. Я подошла к двери и вставила ключ в скважину. Затем на цыпочках прошла себе в комнату и открыла дверь своей спальни.

Подойдя к кровати, я стащила с себя платье и кинула его на стул. Взяв сорочку я одела ее и тихонько легла. Уже почти засыпая, я услышала звук тормозов и смех Оливии. Через какое-то время, я слышала как она взбирается по пожарной лестнице к себе в комнату и закрывает окно.

'По крайней мере, она дома!' — подумала я и провалилась в тяжелый сон.

Пробуждение мое не было радостным. Ночью я свернулась в комок, отчего у меня затекла шея и теперь мне приходилось медленно вращать головой, чтобы хоть как-то размяться. Также о себе дала знать боль между ног после вчерашней ночи у Андре. При упоминании об этом мое настроение, которое было практически на нуле стало еще хуже.

Шаркая ногами по полу я встала и пошла к раковине. В нашем доме была только одна душевая комната и пробиться туда с утра было очень сложно. Поэтому мы поставили в каждой комнате раковины, чтобы можно было умываться не дожидаясь других членов семьи. Я встала перед раковиной и посмотрела на себя в зеркало. Вид был ужасный: я вчера легла с мокрыми волосами и теперь они спутались и торчали в разные стороны, а под глазами залегали темные круги. 'Очковая кобра', - невесело усмехнулась я себе, беря кувшин и начиная умываться. Сквозь гул в голове я слышала напевание Оливии в душе.

Умывшись я села на кровать и потянулась за косметичкой со своими запасами разнообразной косметики. Я высыпала все перед собой и долго смотрела, чтобы мне применить в действии, но после вчерашнего похмелья, я соображала туго, поэтому схватила яркие тени и начала аккуратно наносить их. Мои руки чуть дрожали. Закончив я посмотрела на себя в зеркало. Я была как попугай. Еще больше разозлившись, схватила ватный диск и начала смывать с себя этот пестрый грим. Когда я накладывала его, мне хотелось, чтобы я пришла на работу красивая, как будто вчера ничего не случилось, чтобы когда меня увидел Андре, то подумал бы что у меня все ок. Но мне было реально плохо и физически и морально, и почему-то именно сегодня не хотелось кривить душой и делать вид, что я

счастлива как никогда. Я смыла с себя ведь этот ненужный слой краски и посмотрев на свое лицо в зеркале я вздохнула с облегчением. У меня был тот редкий вид красоты, который совсем не любит косметики. Мои ресницы были итак длинными и черными, губы чуть пухлыми и красивого розового цвета. У моей матери-испанки была прекрасная шелковая кожа, которая передалась и нам с Оливией. Так что, я и так красотка! Сказала я себе, тряхнув только что расчесанными волосами. Затем я стянула волосы в тугий пучок, накинула яркую рубашку с короткими рукавами и светлые брюки, взяла сумочку и вышла из комнаты.

Когда я спустилась в кухню, все были уже за столом. На отце была клетчатая рубашка с закатанными рукавами. Я всегда удивлялась, зачем он носит рубашки с длинными рукавами и закатывает их, когда можно было одеть с короткими и не мучаться. Отец последнее время сильно постарел и сдал. Его некогда густые и черные волосы почти полностью поседели. Он сгорбился и ходил тяжело шаркая ногами. Я думала, что это от болей в легких, но теперь глядя в его бесстрастное лицо, подумала, что может быть это от душевной боли.

Увидев меня, мама резко встала и начала накладывать мне на тарелку оладьи. Она была все еще красивая женщина шестидесяти пяти лет. Когда-то она была танцовщицей фламенко и имела невероятный успех. Мама была родом из Мадрида и при разговорах часто подчеркивала это. Затем она влюбилась в отца и они переехали в Мехико искать лучшей жизни. Но лучшая жизнь все не торопилась. Когда мама забеременела мной, то денег не было практически даже на еду. Она не могла больше танцевать, а отец не мог найти постоянную работу и перебивался лишь временными заработками. Через шесть лет после меня, родилась Оливия. Роды были очень тяжелыми, так как родилась она прежде времени. Денег на дорогостоящее лечение не было и родители были вынуждены забрать ее из роддома. С нами по соседству жила одна знахарка, которая обещала выходить ребенка. За это отец пообещал бесплатно на нее работать на выходных в течение полугода. Они оба сдержали свои обещания. Оливия осталась жить, но родители были так напуганы ее возможной смертью, что даже после того как она стала здоровым и нормальным ребенком, продолжали опекать и оберегать ее. В итоге, она выросла красивой девушкой, но с очень сложным и капризным характером.

Мне же внимания доставалось мало и я росла как дикорастущий плющ. Я тянулась к солнцу как могла, старалась не огорчать родителей и по возможности помогать им.

— Доброе утро, Мария! — я услышала мягкий голос матери, она улыбалась.

— Доброе утро, мама! Как ты спала? — я с тревогой вглядывалась в ее серое лицо и почти бескровные губы.

— Хорошо, как никогда, — привычно солгала она мне, — спала как убитый матрос.

Отец оторвался от еды и покачал головой.

— Как же, как матрос. Адриана, я всю ночь слышал как скрипела твоя кровать. Опять небось боли в сердце одолевали.

— Да говорю же тебе Маркос что нет! Это от жары наверное вертелась!

Я исподтяжка наблюдала за счастливым лицом Оливии. Она жевала улыбаясь чему-то своему и как мне казалось, даже что-то напевала. Вот уж, поистине детское нежелание видеть других с их проблемами.

На ней была шелковая ярко-зеленая блузка в цвет ее глазам. Шикарные каштановые волосы красиво лежали на плечах. На ней был легкий макияж и новые золотые серьги.

Мать обратилась к Оливии:

— Оливия, надеюсь ты сегодня будешь ужинать с нами. Я собираюсь порадовать вас

своим фирменным яблочным пирогом.

— Нет, ма! Я сегодня иду на свидание.

Отец строго посмотрел на нее, хмуря свои густые брови:

— Опять какой-нибудь мафиози или выпендрейник? Смотри у меня Оливия!? Ищи нормального парня у которого были бы золотые руки и который бы имел на плечах голову, а не просто шляпу.

Говоря, отец показал ей свои большие руки с обветренной кожей и на какой-то момент как будто сам удивился им. Оливию его монолог смутить не мог, аппетит у нее похоже был просто зверский.

— Скажешь тоже, золотые руки! Кому сейчас нужны твои золотые руки? Сейчас нужна золотая пластиковая карта с приличным счетом на ней! — она хмыкнула как бы про себя. — Да и голова зачем мужчине? Главное чтобы он умел деньги зарабатывать, а как он это делает, не моя проблема!

Я сидела и боялась поднять глаза на отца, потому что он был белее мела. Он резко встал, теребя в руках и без того мятую бейсболку.

— Я понял о чем ты говоришь, Оливия! Когда-нибудь ты поймешь, что главное это не деньги.

— А что тогда папа? Ну скажи мне, что главное? Жить честно и умереть в жалкой лачуге?

— Главное, дочка, это чистая совесть. Чтобы вечером, когда ложишься спать, не бояться темноты.

Отец пошел горбясь и шаркая ногами к двери. Сестра кричала ему вслед:

— Я и так хорошо сплю по ночам. А когда у меня будет много денег, спать я буду просто замечательно.

Мать сидела наклоня голову и плача в фартук. Я готова была схватить голову этой мерзавки и бить ее по столу пока она не расколется как перезревший орех.

Оливия схватив сумочку встала напротив нас:

— Я вынуждена ехать на работу на другой конец города в автобусе. Вокруг ко мне будут прижиматься потные бабы с авоськами продуктов, и когда я приеду, то буду выглядеть почти также как они. А если бы я была богата и у меня была бы машина, я бы получала удовольствие от поездки! Вам это понятно?!

Сказав это она развернулась и вышла. Я смотрела ей вслед и думала о своем. Мои мысли прервал усталый голос матери.

— Знаешь, Мария, может быть она и права.

— Да что ты такое говоришь мама! Она просто избалованная девчонка, которая каждый день придумывает новое требование.

— Нет, дочка, ты еще очень молода. Когда-то и я думала как ты. Мне хотелось большой и чистой любви. Поэтому я вышла за твоего отца. А поклонников у меня было много, да и богатых среди них хватало. Один был особо богатый, к тому же потомок древнего французского рода. Он от любви и страсти с ума сходил. Но, я выбрала Маркоса. Я в принципе, не жалею, но сейчас зная, что скоро умру без операции, я временами думаю иначе. Таких денег у отца нет. Моя жизнь с ним была доброй, но я не могу припомнить день, чтобы я была счастлива и спокойна. Мы всегда перебивались с хлеба на воду, иногда нам нечего было платить за квартиру, а долгов было хоть отбавляй. А самое страшное то, что я больше никогда не танцевала. А это была моя настоящая страсть. Моя мама даже шутила,

что я родилась на сцене и умру там. Но ее пророчество, к сожалению, не сбылось. Умру я еще не очень старой, но больной женщиной в этой забытой Богом дыре.

Я смотрела на мать и впервые за многие годы обратила внимание на то как она постарела. Ее некогда яркая красота померкла, лоб был весь покрыт морщинами, носогубные складки стали почти острыми. Особенно меня поразили ее глаза. Они всегда светились задорным огоньком, а теперь они потухли и стали какими-то тревожными, а цвет их как будто выцвел. На меня смотрела уставшая женщина, которая многое повидала.

— Мама, — я говорила, чуть сдерживая слезы, — я обещаю тебе, мы обязательно что-нибудь придумаем! Вот увидишь! Папа очень старается, рано или поздно мы заживем иначе!

Она сидела с опущенными плечами, но потом встрепенулась:

— Да что это я, — она поправила волосы, — несу всякий бред! И тебя дура старая напугала! Ты не думай, это я так, у каждого человека минуты хандры бывают. Тебе сегодня просто не повезло и ты попала на мои.

Она улыбнулась и погладила меня по щеке. Ее рука была сплошь покрыта мозолями и немного царапала мне кожу, но в тоже время она была удивительно родной и теплой. Я взяла ее морщинистую руку в свои и вздохнула мамин аромат. Ее руки всегда пахли домашней выпечкой и стиральным порошком. Этот запах я могла узнать из миллиона других. Он был словно зашит в мой код ДНК. Как будто был и моей частью. Наверное, и звери так, определяют своих — те кто похоже пахнет, относится к их стае. Родной запах успокаивает, дает ощущение покоя и безопасности.

Из задумчивости меня вывел мамин крик:

— Да что же это мы сидим, ты же на работу опоздаешь!

Я посмотрела на часы, было уже семь тридцать и десять минут назад я должна была выйти. Я схватила свою сумочку и наспех поцеловав маму кинулась из дома.

Когда я бежала по коридору к нашей комнате для гримирования, то моя напарница Роза уже была на месте и еще в коридоре я слышала ее звучный голос:

— Да что это там, они что совсем обалдели? Когда это мы все успеем сделать я хочу их спросить. Может мне придет Санта-Клаус помогать?

В это время я влетела в кабинет. Рядом с Розой стоял наш начальник Рамирос Сувейрос.

— А вот и тот Санта-Клаус, который тебе поможет.

Рамирос был мужчиной около сорока лет. Его внешность нельзя было назвать симпатичной: у него был очень крупный нос с приплюснутым кончиком. Волосы когда-то черные как смоль теперь поседела и на темечке появилась явная залысина. Но Рамирос не сдавался и отчаянно зачесывал на нее длинные пряди своих волос. Когда он отходил от зеркала, то зачесанные пряди падали и все вновь видели его лысину, но он про это не знал и думал, что все очень хорошо замаскировал. Несмотря на это, он пользовался успехом у женщин. А когда он развелся со своей женой, то имена новых пассий мы просто перестали запоминать, так как они менялись как перчатки. Мы иногда подшучивали, что рано или поздно он схватит себе такую венерическую болезнь, которой нет ни в одном медицинском справочнике, но на это он только улыбался и говорил: 'Такова судьба!'. Человеком он был очень хорошим, вот и сейчас, он закрыл глаза на мое десятиминутное опоздание.

— Давай, Санта-Клаус, — он шлепнул меня по мягкому месту, на что я яростно зашипела, — поторапливайся! Вы сегодня будете гримировать участников ток-шоу 'Это было со мной', и народу там будет порядочно!

Я посмотрела на Розу, она стояла сцепив руки на груди и закатив глаза. Роза была негритянкой среднего роста сорока двух лет. У нее была очень полная фигура и крупное лицо. Как она сама говорила, на ее груди мог уснуть кто угодно, даже при желании и несколько. У нее были темно-карие глаза с дымкой. Когда я в них смотрела, мне казалось, что внутри них перемещаются облака. Она всегда носила яркую одежду и множество украшений. Рамирос иногда над ней подшучивал и говорил, что его бабка которая занимается Вуду носит почти такие же. А потом с серьезным видом начинал спрашивать от каких настоек 'этот браслет, и этот, и этот:'. На что, бойкая Роза, объясняла ему куда ему пойти с этими вопросами. Но Рамирос ей отвечал, что так далеко он никогда не ходил и ей бы самой не советовал. Роза была очень остра на язык и когда я пришла работать, то мне часто от нее доставалось. Но потом, когда мы познакомились ближе, я полюбила ее всем сердцем. Она была доброй и очень щедрой натурой, которая нередко страдала из-за собственного мягкого сердца. Ее шумливость и остроты были своего рода панцирем, скрывающим ее нежную душу, которая несмотря на тяготы жизни, не стала алчной и злой. Мы с ней стали подругами:

— Ну ладно, девочки, больше дела меньше слов!

И что-то насвистывая, Рамирос вышел из нашей комнаты.

Я подошла и начала надевать фартук, а другой протянула Розе.

— Ну так чего случилось-то?

Она стояла взбивая свои тугие кудри:

— Что случилось, что случилось! Мы сегодня с тобой красим участников шоу, а их там не меньше десяти, плюс двое ведущих. Так что, раньше двенадцати не разогнемся.

В это время в комнату заглянула ярко накрашенная женщина и жеманным голосом спросила:

— Можно уже?

Роза строго на нее посмотрела:

— Не видишь, подготовка идет. Как будет можно — позовем!

Женщина сделала кислую мину и с грохотом захлопнула дверь.

— Ну зачем ты так! Пусть бы себе зашла и села. Чего им в коридоре топтаться!

— А тебе вечно всех жалко! Это и есть главная участница шоу! Стерва еще та!

— Понятно. А тема-то какая? — я открыла набор для гримирования и начала открывать тюбики.

— Тема: А что-то типа у это стервы после падения третий глаз открылся, — Роза тоже раскладывала свои средства для грима.

Я смотрела на нее открыв рот:

— Правда что ли?

Роза глянула на меня как на умалишенную.

— Тьфу ты! Ну ты-то хоть! Какой нахрен у нее третий глаз! Она этими-то поди ничего не видит. Вон, сколько туши навесила. Тут теперь кучу средства изведу, пока с нее эту гадость смою!

Я подошла и начала протирать свое зеркало перед вращающимся креслом:

— А что, Роза, может быть и мне сказать, что я в у себя в подвале каллайдер собрала и меня тоже пригласят. А ты будешь гримировать, а?

Роза хмыкнула и тоже начала драить свое зеркало:

— Скажешь тоже, калайдер. Кого эта хрень сейчас интересует. Разве только скажешь

что с гуманоидом в его тарелке трахнулась. Вот тогда и позовут!

Я чуть замерла и шепотом сказала:

— Почти:

— Чего ты там шепчешь не пойму, — Роза интенсивно терла зеркало, отчего ее груди как две спелые дыни колыхались из стороны в сторону. — Ты выкини себе эту хрень из головы! Те кто ходит на эти шоу, полные говнюки. А те кто их смотрит, вообще кретины! Им показывают это дерьмо, а люди радостно его едят!

Я смотрела на Розу и не могла понять причину ее плохого настроения:

— Как Абдул?

Ее лицо дернулась. Я попала в точку. Когда что-то происходило с ее семилетним сыном, она становилась прямо сама не своя.

— Как, как! Его дура учительница опять деньги собирает. Она что думает, что я Скрудж Макдак что ли?

Я подошла и спросила Розу:

— Сколько тебе не хватает?

Она опустив глаза мяла тряпку:

— Пятьдесят долларов. У них будет детский праздник, и она сказала, что те, кто не сдаст деньги на праздник не пойдут. — ее голос дрогнул. — А Абдул так давно об этом мечтал, даже стишок разучил. Целую неделю меня мучил, чтобы я сшила ему костюм Бэтмена.

Я подошла к своей сумочке и достала все что там было, потом подошла к ней и вложила деньги ей в руку:

— Возьми, порадуй своего малыша!

В ее глазах стояли слезы.

— Спасибо, Мария! Я тебе обязательно отдам!

— Конечно, отдашь! А теперь давай начнем их гримировать.

И начался долгий процесс. Участников и правда было очень много. Та женщина, которая заглядывала, должна была сесть к Розе. Но когда та повернула к ней стул, та скривила губы и сказала что сядет ко мне. Я в это время работала с ведущим. Он был красивым мужчиной, но пустым внутри. Каждый раз он садился ко мне ни говоря ни слова, и каждый раз также молча вставал. На его лице не было ни одной морщинки несмотря на то что ему было уже около пятидесяти. Многие поговаривали о пластической хирургии, но я подозревала, что он просто не был способен на эмоции, поэтому никогда не хмурился. А, как известно, морщины чаще всего бывают у тех, кто любит 'разговаривать' лицом. Ума у него также было не много. Помню смешной случай, как один раз он спросил у одного из участников ток-шоу на тему всего потустороннего:

— Вы были на том свете?

Весь зал удивленно замер. Но участник был молодой парень, который не растерялся:

— Нет, но надеюсь попасть туда как можно позже!

Потом эту шутку пересказывали из уст в уста.

И вот теперь он сидел в моем кресле и читал газету, а я пыталась придать его бездушному лицу хоть каплю жизни. В это время счастливая обладательница третьего глаза сидела в углу и беспрестанно окрикивала девочку лет шести с тонкими косичками, которые стояли как рожки. Девочка, как я догадалась была ее дочкой. Та пыталась хоть как-то развлечься и поэтому прыгала то на одной ноге, то на другой.

— Хуанита, ты меня с ума сведешь! Немедленно сядь!

Девочка вздохнула и послушно села рядом с матерью. Женщина к ней наклонилась и начала шепотом говорить, но я слышала практически каждое слово:

— Давай повторим, как мама тебя учила. Ты скажешь, что я тебе сказала, что ты сегодня упадешь с лестницы и ты действительно с нее упала.

Девочка сидела мотая ногой:

— Ну ты же так не говорила. Я просто быстро бежала и упала!

Мать возвела к нему руки:

— Ты что, совсем идиотка! Не вздумай там так сказать, иначе я тебе твое любимое мороженное не куплю. Итак, что ты скажешь?

— Я скажу, что ты сказала, что я упаду с лестницы и я упала.

— Молодец, продолжай в том же духе и получишь свое мороженное, — женщина поправила волосы какого-то невероятно красного цвета. Девочка все еще мотала ногами, а затем перестала и задумавшись спросила:

— А зачем взрослые так часто врут?

— Не знаю!? — раздраженно ответила мать.

— А ты зачем врешь? — девочка внимательно смотрела на мать.

— Я?.. Я вру не часто и то по большой необходимости! Не задавай дурацких вопросов!

В это время дверь открылась и влетела ведущая Сальма Тепурос, которая меня терпеть не могла, но тем не менее каждый раз садилась именно в мое кресло. Сегодня она похоже опять была не в духе.

— Эй, милашка, хватит полировать эту плоскую физиономию. Тут Бог ничего не смог сделать и ты не пытайся!

Ее коллега посмотрев на нее все такими же безучастными мышинными глазами, свернул газету и встал с кресла. Она тут же упала в него.

— Давай, только смотри! Чтобы я ушла отсюда красавицей!

Я услышала рядом бурчание Розы:

— Ослу попона не поможет.

Сальма бросила на ту негодующий взгляд:

— Ты чего-то хотела сказать? Смотри, завтра вылетишь отсюда, если не прищепишь свой длинный черный язык.

Роза сделала вид, что очень занята и не слышит. Я начала гримировать. И как всегда, не смотря на все мои старания, в конце она не поленилась облить меня грязью. Сальма встала очень довольная работой и я видела что она с удовольствием рассматривает себя в зеркало.

— Опять испохабила меня! У тебя не руки, а какие-то веники. Тебе бы в дворники, цены бы не было.

И она покачивая бедрами и напевая пошла к выходу. Мы смотрели ей вслед:

— Вот зараза! — Роза неудержалась. — Ты ее из лахудры в красавицу превратила, а она как дрянная змея все равно не удержалась и укусила.

Я вздохнув махнула рукой и на кресло села 'третьеглазница'. Она от нетерпения ерзала как заведенная, я же пыталась смыть остатки ее безвкусного макияжа.

— А вы не знаете, большая ли мужская аудитория у этого шоу? — спросила она в то время, как я истратив бесчисленное количество тампонов пыталась смыть ее помаду термоядерно-красного цвета.

— Понятия не имею.

Роза остановилась и уставилась на нее:

— Так ты надеешься при помощи этой передачи мужика нормального себе найти?

— Почему бы и нет, я баба молодая! — ответила та.

Роза засмеялась откинув голову и при этом ее кудряшки запрыгали вокруг лица. Наконец отсмеявшись она вытерла рукой глаза и продолжила работу.

— Ага, баба молодая, борода седая! Милочка, если хочешь себе найти мужика, надо было себе не третий глаз, а третью сиську придумывать. Тогда бы отбоя не было!

Я не удержалась и тоже начала смеяться. В это время в дверь заглянула голова Рамироса:

— Господи Иссуси, у нас эфир через 30 минут, а они тут вечер смеха устроили. Быстро заканчивайте. Через 25 минут, она уже должна быть в кресле!

Я забыв про все начала быстро работать. К счастью, третьеглазка больше не елозила, так что справилась я довольно быстро. Наконец, все ушли, а мы с Розой сели без сил на кресла. Я смотрела на себя в зеркало и поймала взгляд Розы.

— Ты чего-то сегодня бледная как утопленница, не заболела ли?

Я покачала головой.

— Вроде не заболела, но чувствую себя и правда не лучшим образом.

— Это точно! Краше в гроб кладут, ты бы хоть румянами воспользовалась что ли?

— Силы нет! Да и желания тоже.

Роза тяжело встала.

— Не пойму я тебя Мария. С твоей внешностью можно было хоть в дикторы, хоть в модели идти. А ты тут себя за копейки гробишь.

Она взяла свою палитру и подошла ко мне разглядывая мое лицо как скульптор кусок камня.

— Скажешь тоже модель! Вот моя Оливия действительно как модель. А я обычная:

Роза начала меня красить:

— Твоя Оливия как яркий павлин — красивая и бестолковая. А у тебя красота другая. По мне то ты намного красивее ее, да и душа у тебя прекрасная. Рано или поздно ты встретишь человека, который увидит это и не захочет тебя отпускать.

Ее руки ловко работали, я же сидела откинувшись в кресле и закрыв глаза.

— Скажи, Роза, ты всегда мечтала об этой работе? Почему ты сама устроилась сюда?

Хоть я сидела с закрытыми глазами, но почувствовала, что она пожала плечами.

— Я в детстве художницей мечтала стать, но у родителей денег не было на художественную школу. Как-то раз, я даже взяла цветные мелки и нарисовала дома на только что побеленной стене как мне казалось прекрасный пейзаж. Но родителям мое художество явно не понравилось. Меня долго ругали, так как денег снова белить не было. И после этого я целый месяц ходила помогать соседке по дому, чтобы купить белила и заново все побелить. С тех пор я забыла про свое увлечение. Мать научила меня шить и я шила себе и соседям. А однажды услышала объявление про курсы визажистов и гримеров. Что-то меня как будто кольнуло. 'Чем эта работа не работа художника?' — спросила себя я. Люди они же тоже как чистые листы. Бери и рисуй новое лицо и новый образ. И я пошла. Тем временем муж меня бросил и я осталась на руках с маленьким Абдулом. Денег жутко не хватало, но как только я окончила курсы, то узнала что на новом канале открылась вакансия гримера и я сразу же сюда устроилась. Деньги были не большие, но мне обещали что со временем поднимут зарплату, — Роза грустно улыбнулась, — вот с тех пор и жду.

Она еще поколдовала над моим лицом.

— Ну все, получай новое лицо и новую судьбу!

Я открыла глаза и посмотрела на себя в зеркало. Это была я и не я в тоже время. На меня с зеркала смотрела незнакомка с большими глазами и длинными бархатными ресницами. Розовый легкий румянец придавал лицу молодость и свежесть.

— Роза! Это не я!?

Роза смотрела на меня своими теплыми карими глазами:

— Какая же ты еще глупышка. Конечно ты!?! А можешь быть еще краше, если захочешь.

Когда было уже около восьми вечера и я уже выходила с работы, в коридоре меня остановил Андре. Он обернулся по сторонам, и видя что никого вокруг нет, взял меня под локоть и начал говорить проникновенным шепотом:

— Ну как милая, продолжим твоё образование, — при этом он облизал свои полные губы.

— Ты о чем, — я сегодня была на удивление тупоголовой.

Он слегка прикоснулся своим указательным пальцем к кончику моего носа.

— Я о твоём сексуальном образовании. Учитывая, что до двадцати восьми лет ты дожила дремучей девственницей, нам придется идти ускоренным курсом — год будет приравняться к четырем.

Слыша это я скривилась. Между ног у меня еще немного болело, отчего я ходила в развалку как откормленная рождественская индейка.

— Андре, после вчерашнего: обучения, я не могу сдвинуть ноги. У меня там как минимум разрыв всех внутренних органов, так что, давай отложим.

Он грустно посмотрел на меня:

— Ладно, детка! Даю тебе пару дней. А пока займись теорией, можешь почитать Камастутру.

— Господи, неужели про Это еще и читают?

— А как же, — он хитро посмотрел на меня. — При следующей встрече я покажу тебе еще парочку интересных приемов.

Вспоминая вчерашний вечер я внутренне поежилась, ему же сказала как мне казалось с энтузиазмом:

— Жду не дождусь!

Он засмеялся и чмокнув меня в щеку напевая пошел по коридору, я же пошла к выходу. Уже выходя я слышала его веселый голос:

— Привет, Сальма! Ты сегодня просто сногшибательна! Может поделишься и со мной секретом твоих чар.

Я не слышала что ответила эта кобра, но он рассмеялся. Выходя я со злости так хлопнула входной дверью, что сидящий рядом и мирно читающий охранник подпрыгнул от неожиданности.

Согнувшись в три погибели, я поплелась на остановку. На ней не было ни души, значит автобус недавно уехал. Я села на скамейку и откинувшись на спинку, закрыла глаза. Мне ужасно хотелось плакать, но внутри как будто застыл лед. Какой-то спазм не давал мне ни вдохнуть, ни выдохнуть. Чтобы хоть как-то успокоится, я начала считать до ста.

Когда я уже дошла до тридцати, то услышала звук тормозов рядом и увидела, что возле меня остановилась машина. Это был кабриолет ярко-красного цвета с белоснежным

кожаным салоном. За рулем сидел какой-то красавчик в яркой рубашке. А рядом с ним сидела сияющая как медный таз на солнце Оливия. Она сняла свои солнечные очки и крикнула:

— Садись, дивуля — подвезем!

Я опасливо посмотрела на красавчика, но он мне доброжелательно улыбнулся и я решила сдаться.

Кабриолет был двухдверный и мне пришлось пробираться через Оливию. Наконец-то я уселась. И хорошо, что сделала это во время, так как он резко сдал с места. И на огромной скорости понесся по улице.

Всю дорогу Оливия щебетала как спятившая сорока. От ее многословия у меня заболела голова и я закрыла глаза. Наконец она опомнилась:

— Ой! Я ведь совсем забыла вас друг другу представить! Мария, это Энрико. Энрико это Оливия моя сестра!

Энрико смотрел на меня в зеркало заднего вида улыбаясь как чиширский кот. Я же выдавила:

— Очень приятно!

— Мне тоже!

После этих слов, поганец подмигнул мне. Похоже он был итальянцем. У Энрико были очень красивые черты лица и роскошные кудрявые волосы. На шее висела целая дюжина золотых цепочек различной толщины. А на руках красовались большие блестящие часы. Судя по их виду, я сделала предположение, что стоят они не мало.

Мое пристальное рассматривание, Энрико видимо принял на свой счет и после этого не переставал смотреть в зеркало заднего вида. Я же отвернулась и всю остальную дорогу смотрела в сторону. В итоге, когда мы подъехали к дому, у меня уже затекла шея.

Машина резко остановилась возле нашего дома, отчего некоторые сидевшие на лавочке старушки неодобрительно посмотрели на нас. Мне было неловко, но Оливия с Энрико похоже были довольные произведенным эффектом.

— Спасибо за то что подвезли!

Я взяла сумочку и уже собиралась уходить. Когда я подошла к двери, меня окликнул Энрико:

— Мария, вы не хотите сегодня с нами сходить в клуб 'Парламент'. Его недавно открыл мой хороший друг, вам очень понравится!

Я посмотрела на Оливию, она делала мне отчаянные знаки, дескать соглашайся не пожалеешь.

— Спасибо за предложение, Энрико, но у меня сегодня и правда очень много дел!

Оливия закатила глаза и покрутила пальцем у виска. Энрико улыбался:

— Хорошо, мое предложение в силе, если передумайте, позвоните Оливии, мы вас заберем.

Я зашла домой. Закрывая дверь, я слышала скрип гальки и звук тормозов. Они уехали веселиться.

Зайдя домой, я поцеловала маму, переоделась и пошла навестить нашу знакомую. Я знала ее с детства. Она была очень веселая женщина, которая никогда не жаловалась на тяжелую жизнь. Жила она на соседней улице.

Я дошла до ее дома и поднявшись по старой скрипучей лестнице и постучала в дверь:

— Тетя Корнелия! Это я Мария! Откройте, пожалуйста!

Я услышала шаркающую походку за дверью и наконец дверь открылась.

— А, Мария, проходи-проходи, дорогая! Ты как раз во время, я собралась пить чай.

Она провела меня на крошечную кухню и поставила еще одну облупившуюся чашку на стол. Мне всегда нравилось сидеть на ее кухне. Здесь было очень уютно, не смотря на старые выцветшие обои и потертую мебель. Почти все полочки были покрыты красивыми салфетками связанными вручную, на полу лежал круглый коврик ручной работы сплетенный из цветных лоскутков.

Я взяла чашку и отпила пахнувший травами горячий напиток.

— Очень вкусный чай!

Она заулыбалась, поправляя свои поседевшие волосы:

— Такой чай мне еще моя мама заваривала. Она говорила: 'Пей чай в обед — живи сто лет!'. Вот и я всю жизнь его пью. До ста лет мне еще двадцать три года осталось. Почти треть жизни!

Она улыбнулась мне своей теплой и душевной улыбкой. Я погладила ее руку и улыбнулась в ответ.

На кухне Корнелии я уже была не одну сотню раз, но снова и снова рассматривала висящие в рамках старинные черно-белые фото, на которых она была рядом с высоким мужчиной с красивыми усами.

— Тетя Корнелия, расскажите мне про него, — я показала в сторону фотографии.

Она улыбнулась, потому что ждала этого вопроса. Про него она мне рассказывала уже десятки раз. Но история была действительно очень душещипательная и трогательная. Корнелия тоже любила ее рассказывать, так как во время рассказа она становилась снова молодой и влюбленной в мужчину своей мечты.

— Когда мне исполнилось восемнадцать лет, моя мать умерла надорвавшись на работе. Отца я никогда не знала, так что осталась совсем одна. Первые дни меня навещали соседи, но потом все вернулось на круги своя, у всех была своя не менее трудная жизнь и много проблем, которые надо было решать. Я устроилась помощницей пекаря и целый день проводила стоя на ногах и помогая выпекать бесчисленное множество лепешек. Работа отвлекала, но с другой стороны я чувствовала себя очень одинокой и никому не нужной. Каждый вечер я ложилась в постель и просила деву Марию дать мне человека с которым я была бы счастлива.

В один вечер я решила сходить к гадалке и спросить чего мне следует ждать от жизни. Она кинула горсть песка и после этого спросила: 'Скажи, девушка, чего ты больше хочешь — настоящей, но не долгой любви или тихой и уютной жизни'. Я не задумываясь сказала, что устала от одиночества и хочу любить и быть любимой. Она сказала, что я выбрала себе не простую судьбу. После этого она пристально на меня посмотрела и сказала: 'Свою любовь ты встретишь в субботу вечером возле Кафедрального собора, но у тебя еще есть время подумать. Она будет яркой и прекрасной, но очень скоротечной. Если ты передумаешь, никуда не ходи и через год ты встретишь мужчину и выйдешь за него замуж. Детей у вас не будет, большой любви тоже. Зато будет тихая семейная жизнь без драм'.

Я вышла от нее окрыленная. Она пообещала мне любовь, которую я так ждала. Вторую часть ее речи я пропустила мимо ушей и в субботу чуть дождалась конца рабочего дня. Забежав домой, я надела свое самое лучшее платье и побежала к назначенному месту. Уже почти подходя я вспомнила ее слова и остановилась. 'А правильно ли я делаю?', -

спрашивала себя я. Стоит ли короткая любовь спокойной жизни? Ответа я не знала. На какой-то момент я передумала и пошла в сторону дома. Но как только я увидела темные окна своей одинокой квартиры, я повернулась и побежала в сторону остановки, чтобы поехать на встречу своей мечте.

Всю дорогу мне казалось, что автобус идет слишком медленно, я не могла сидеть на месте. Наконец, показалась крыша собора. Я вышла и пошла к нему.

Я долго бродила вокруг него заглядывая в лица проходившим мимо мужчинам, но все они шли мимо. Наконец уже совсем стемнело и вокруг почти не осталось народу. Я опоздала на последний автобус, но никого не было. Подойдя к ступенькам и сев на них я горько заплакала. Я плакала о своей судьбе, проклиная себя за нерешительность. Мне казалось, что судьба отняла у меня шанс, увидев мои сомнения.

Наконец, я услышала что ко мне кто-то подошел. Мне было так больно и обидно, что я даже не испугалась. Этот кто-то спросил меня на не очень хорошем мексиканском:

— Красивая девушка, что заставило вас так горько плакать?

Я подняла глаза и увидела высокого и как мне показалось не молодого мужчину. Как я потом узнала ему было сорок пять лет, и он был русским профессором, который изучал историю Мексики. Он был чуть полным статным мужчиной с густыми усами и веселыми голубыми глазами.

Я начала рассказывать ему свою историю, а также то, что судьба отвернулась от меня из-за моего неверия. Он меня очень внимательно слушал, а затем сказал, что судьбу невозможно изменить и если мне суждено встретить свою любовь, то если не сегодня, то завтра я ее обязательно встречу и даже пообещал мне завтра побыть со мной, пока я буду ждать своего любимого.

После этого, он предложил меня подвезти домой. Мы подошли к его машине, я немного трусила, но там был водитель и мне стало спокойнее.

На следующий день у меня был выходной и после обеда он заехал за мной. Водитель мне приветливо улыбался и я чувствовала себя счастливой. Моего нового знакомого звали Константин и он приехал в Мексику, в поисках материалов для своей книги про ацтеков. Он был счастливо женат и у него был сын. Меня он просил называть его Костей, я так его и звала.

Костя много меня расспрашивал про местные достопримечательности, но я почти ничего не могла ему рассказать, так как сама практически нигде не была. Тогда он предложил мне свои услуги экскурсовода, на что я с удовольствием согласилась. И мы поехали по городу. Он умел очень интересно рассказывать. Правда временами смешно коверкал слова, на что я смеялась и он просил исправлять его как можно чаще. После того, как мы посетили три музея, он видя как я устала пригласил меня в ресторан. Это был первый ресторан в моей жизни. Раньше я никогда не была в подобных заведениях. Кругом было много света и зеркал, сновали официанты одетые в белоснежные рубашки. Я чувствовала себя Золушкой, которая случайно попала в мир красивых вещей и нарядных людей.

Константин же чувствовал здесь себя очень уверенно. Он попросил официанта принести нам самые лучшие блюда и заказал хорошее вино. Такого изобилия я не видела никогда. Все было удивительно вкусным и в конце концов я объелась и шутила, что теперь я как круглая лепешка, которые я каждый день пеку. Он смеялся своими голубыми глазами и когда мы собирались уходить, попросил официанта, завернуть нам остатки еды. Мы вышли с ресторана с пятью пакетами полными еды и поехали к собору. Возле собора мы долго

бродили и он мне рассказывал про снежную Россию и про снег, чище и белее которого ничего в мире нет. Время пролетело незаметно и пора было ехать домой. Своего избранника я опять не встретила, но совсем не огорчилась по этому поводу, так как провела лучший в своей жизни день. Когда мы подъехали к моему дому, он проводил меня до двери и не смотря на мои протесты, вручил мне тяжелые пакеты полные всякой провизии: жареной курицы, венских пирожных, красной икры и так далее. Придя домой, я все это разложила на своем кухонном столе и устроила импровизированный банкет.

На следующий день я целый день ждала когда наступит вечер и я смогу снова пойти к собору. Когда вечер настал я пошла к собору и опять встретила там Константина. Мы долго гуляли. Он был очень интересным собеседником с которым было легко. Не смотря на то, что он много знал, Костя совсем этим не кичился и я никогда не чувствовала себя как-то униженно.

Так пролетело около месяца и вдруг, в какой-то момент я поняла, что жду вечера не для того, чтобы идти к собору, а потому что вечером я увижу Костю. Его появление в моей жизни сделало ее яркой и счастливой.

Вечером, когда мы сидели в ресторане и он поднял тост с пожеланиями наконец-то мне встретить свою любовь, которую обещала мне гадалка, то я лишь загадочно улыбалась. Я думаю он все понял и даже немного растерялся.

Вечером, возле дома он проводил меня к двери и когда я уже собиралась уходить, то вдруг прижал меня к себе и крепко поцеловал. От его поцелуя у меня закружилась голова. От счастья я не чувствовала ног. Потом он резко развернулся и пошел к машине. Я же долго стояла и смотрела ему в след счастливыми влюбленными глазами.

На следующий день я не могла дождаться вечера, чтобы встретиться с ним. Но напрасно я долго ходила возле Кафедрального собора. Его не было. Когда стемнело, подъехал его водитель и отвез меня домой. Я была расстроена и растеряна. Так продолжалось пять дней. На пятый день возле собора я увидела Костю с букетом желтых цветов. Про себя я подумала что это к разлуке, но я снова видела его и моему счастью не было предала. За эти дни он похудел и как-то осунулся. Увидев меня он очень разволновался, так что сначала даже забыл вручить цветы. Затем он сказал, что он как и я тоже влюблен, но понимает, что он слишком стар для меня и что женат, а также то, что ничего не может мне предложить. Но мне ничего не было нужно. Я сказала, что сознательно выбрала пусть короткую, но любовь, чем долгую бесцветную жизнь.

В тот день он впервые остался ночевать у меня и тогда же я стала его женщиной. Он был очень нежен со мной. Когда мы занимались любовью, я видела что он плакал. Это были скупые не сдерживаемые мужские слезы и я была счастлива.

Так мы прожили почти полгода. Я была веселой и каждый день вставала что-то напевая и с любовью смотрела на его сонное лицо, когда он только что просыпался, знала каждую морщинку на его лице, каждый волосок на теле.

Днем я была на работе, а он занимался своими делами, а вечером мы гуляли. Иногда мы оставались дома и он готовил мне русское блюдо под названием 'пельмени'.

С Костей мы были очень счастливы, но у меня не проходило чувство, что счастье скоро кончится. Слова гадалки о непродолжительной любви больно ранили и жгли мне сердце, но в тот момент мое счастье казалось таким безоблачным.

Константин перевез ко мне свои вещи — небольшой потертый дорожный чемодан темно-коричневого цвета. Как-то раз, когда его не было дома, я решила взглянуть на его

вещи, хотелось увидеть фотографию жены и попытаться понять что же он в ней любит.

Когда я доставала чемодан с верхней полки серванта мое сердце колотилось как бешенное. Замок был заперт на ключ, но я знала как можно его открыть. Я разогнула булавку и начала ее вращать внутри замка. Через какое-то время, когда я уже почти отчаялась, услышался характерный щелчок открытого замка. Я медленно открыла чемодан. Мне казалось, что я увижу там нечто особенное, но внутри него лежали лишь несколько рубашек и брюк, и больше ничего. Разочарованная я не могла поверить собственным глазам. Зачем запираешь чемодан на ключ если там ничего особенного нет. После этого, я рассматривала чемодан более тщательно. В какой-то момент я поняла, что толщина содержимого не соответствует толщине самого чемодана. И я начала осматривать его дно. Сбоку в углу я заметила какие-то небольшие отверстия. Я засунула туда пальцы и что-то нажала. После этого подняла дно чемодана и увидела, что под ним есть еще отсек.

То что лежало в отсеке я не сразу решилась взять в руки. Там был небольшой пистолет, карта города, потом какие рукописные бумаги на языке которого я не знала и еще фотографии различных зданий города, среди множества неизвестных зданий я увидела здание правительства. Мое сердце защемило от предчувствия надвигающейся беды.

На самом дне я увидела фотографию на которой была молодая смеющаяся женщина рядом с мальчиком лет пяти. Я сразу поняла, что это жена Константина. Взяв в руки фотографию я стала пристально разглядывать ее лицо. И чем больше я на нее смотрела, тем больше недоумевала. Она совсем не была похожа на меня. Это была блондинка с крупными завитыми кудрями и большими глазами. У нее был широкий открытый лоб и прямой смеющийся взгляд, в котором читался вызов. Она была красивая женщина и знала себе цену.

Мальчик же был точная копия Кости. У него была такая же улыбка и разрез глаз. На фото он крепко держал мать за руку.

Внезапно, мне показалось, что кто-то поднимается по лестнице на мой этаж. Я быстро положила второе дно на место. Аккуратно расправила вещи. Времени закрыть замок у меня не было и я просто захлопнула чемодан и положила его на шкаф.

После этого я начала метаться по дому не зная как мне сесть и что делать. Наконец я легла на кровать и притворилась спящей. Я никак не могла унять свое частое дыхание. Мне казалось, что пульс у меня был тысячу ударов в минуту. Но прошло уже десять минут, а никто не постучал в мою дверь.

Я встала и оправила волосы. После этого я вытащила чемодан и взяв булавку снова попыталась его закрыть. Это оказалось значительно труднее. Я исколола себе все пальцы булавкой, но почти ничего не чувствовала. Наконец, когда я уже начала плакать от бессилия, замок поддался. Я аккуратно положила чемодан на место и села на стул пытаюсь отдышаться и прийти в себя.

Я не понимала зачем Косте пистолет, но была очень напугана.

Вечером, когда он пришел домой, я уже взяла себя в руки и почти успокоилась. Но видимо что-то в моем лице было не так, так как он долго и задумчиво на меня смотрел. В тот вечер мы никуда не пошли. Мы легли очень рано и он сразу заснул, а я еще долго лежала без сна держа его руку в своих руках и пытаюсь понять, как мне жить дальше. Все это время пока мы жили вместе я никогда не задавала вопросов, да и он ничего мне не обещал. Мне было достаточно чувствовать что он меня очень любит. А я любила его до самозабвения. Он казался мне почти идеальным существом, с которым не мог сравниться ни один мужчина, пусть даже и молодой. Я думала что будет со мной, когда он вернется к своей улыбающейся

жене. И не находила ответ.

Так мы прожили еще пару месяцев. Как-то вечером, я сидела дома. Не знаю почему, но у меня было плохое настроение, потому что всю ночь меня мучили какие-то смутные кошмары. Костя уже должен был прийти, но его не было. Наконец, я услышала, что кто-то бежит по лестнице на мой этаж. Затем я услышала стук в дверь, который будет мне сниться ночами. Нетвердой походкой я подошла к двери и открыла ее. На пороге стоял водитель Кости. Он выкрикнул только одно слова и я поняла, что моя жизнь рухнула. 'Беда!'. После этого, он развернулся и побежал вниз.

Я сразу поняла, что с Костей что-то произошло. Внутри я испытывала животный страх, но взяла себя в руки. Я пошла и открыла его чемодан. На автомате я вытащила второе дно и достало от туда все что было внутри. После этого я взяла стопку старых пожелтевших газет и положила вместо содержимого. Затем я также аккуратно закрыла чемодан и убрала его.

Взяв старую наволочку, я сложила внутрь документы и пистолет, тихо выйдя из квартиры поднялась на чердак. Там я прошла в дальний угол и поваляв в пыли мешок с вещами, чтобы он не выделялся, я спрятала его там. Затем быстро спустилась в квартиру и начала делать ужин. Через двадцать минут я услышала на лестнице топот множества ног. В дверь настойчиво постучали. Я пошла открывать по дороге увидев себя в зеркало и удивляясь собственной хладнокровности.

На пороге стоял Костя с наручниками на запястьях, а также несколько полицейских. Отстранив меня они прошли в квартиру и устроили обыск. Мы с Костей сидели не шелохнувшись. Говорили только наши глаза. Мы прощались друг с другом, объяснялись в любви, обещали никогда не забывать то что было между нами.

Один из полицейских сказал, что Константина обвиняют в шпионаже в пользу СССР. Спрашивал ничего ли я не знаю. Не дрогнув я сказала, что он ученый и пишет книгу про Мексику и что они ошибаются.

Наконец они нашли чемодан и попросили Костю его открыть. Его лицо было блее мела. Он знал, что ему грозит расстрел. Костя медленно открыл чемодан и отступил. Они начали небрежно кидать его вещи на пол. Наконец, они заметили второе дно и один из них подковырнув его ножом открыл тайный отсек.

Видя старые газеты они не могли поверить собственным глазам. Костя смотрел также очень удивленно. Я успела поймать его благодарный взгляд. Наконец, перевернув все вверх дном они ушли и увели его.

Я же упала на кровать и плакала до тех пор, пока не смогла успокоиться. Тут было даже дело не в том, что я навсегда потеряла свою любовь, а в том, что я знала, что все лучшее в жизни, что бывает у каждой женщины у меня уже было.

После этого рассказа Корнелия надолго замолчала. Я тоже замерла стараясь почти не дышать. У меня перед глазами пронесся период ее короткого счастья.

— И ты больше его никогда не видела? — мой голос почему-то был каким-то охрипшим.

— Нет. На следующий день меня вызвали на допрос. Но я стояла на своем, что он просто ученый, который пишет книгу про Мексику. Они даже ходили наводить справки про меня на работу, у соседей. Но все твердили, что я обычная девушка, которая работает помощником пекаря и ни в каких политических акциях не участвует. Соседи сказали что мы жили тихо и почти все вечера проводили дома. Две недели ничего не было слышно и меня

больше не допрашивали, наконец в один день в мой дом пришли те же полицейские, которые приходили в первый день с Константином и молча забрали его вещи, которые не успели взять в первый раз. Я пыталась хоть что-то расспросить про него, но они отвечали, что это государственная тайна.

Я не могла поверить своим ушам:

— И ты больше ничего про него не слышала?

Корнелия хитро улыбнулась:

— Неужели ты думаешь, что влюбленная женщина ничего не попытается узнать про своего любимого. Когда прошло пару месяцев, я начала искать его водителя. Я знала только номер его машины и улицу на которой он живет. Но я не знала ни номер дома, ни как его зовут.

Каждый день после работы я шла на эту улицу и искала его. Наконец мне повезло и я в одном дворике я увидела его пустую машину. Я встала и долго ждала его. Когда он вышел на улицу и увидел меня, то позеленел от страха. Но я вцепилась в его руку и сказала что не уйду, пока он мне все не расскажет. Водитель сказал, что Константина собирались расстрелять, но СССР выдвинула требование вернуть известного ученого. Наши власти испугалась и его выслали. Теперь ему запрещено въезжать в нашу страну.

Для меня этого было достаточно. Он был жив и он вернулся к семье. А остальное было уже не важно.

— И ты больше никогда никого не любила?

— Нет. Когда я узнала что такое настоящая любовь, то не захотела соглашаться на ее пародию. Я и теперь живу воспоминаниями. Они давали мне силы в самые тяжелые мои времена.

— И ты любишь его до сих пор не смотря на то, что он шпион?

— Да. Когда-нибудь ты поймешь, Мария, что любишь не благодаря, а вопреки. С каждый годом я люблю его все сильнее. Лет десять назад он пришел ко мне во сне и простился со мной. Так я узнала, что он умер, — по ее щекам текли слезы.

Я сидела тоже тихо плача.

— А куда ты дела потом пистолет и все остальное.

— Через полгода вечером я пробралась на чердак и взяла то, что там оставила. Теперь все это я спрятала за панелями в ванной. Временами, когда ностальгия становится невыносимой, я достаю его вещи. Чищу и смазываю пистолет, рассматриваю бумаги и фото семьи. Рассматривая его сына я пытаюсь представить как выглядели бы наши с ним дети, если бы Бог дал нам их. В эти моменты мне кажется что наша с ним любовь была буквально вчера и что вот-вот откроется входная дверь моего одинокого холодного дома и я снова увижу его. Такого родного и любимого, почувствую на своих плечах тепло его руки, прижмусь к его груди вдыхая такой знакомый запах...

После этого мы долго с ней сидели молча каждый думая о своем. Она погрузилась в воспоминания, а я думала, что наверное не смогла бы так самозабвенно и преданно любить на протяжении жизни, зная что у моего мужчины другая семья и своя отдельная жизнь, а также то, что он шпион другого государства.

Когда я попила чай и уже собиралась уходить, то она попросила минутку подождать. Она вынесла мне маленький золотой крестик на тонкой цепочке и вложила его в мои руки.

— Корнелия, я не могу принять этот подарок! — тихо сказала я.

— Мария! Возьми, я одинокая и мне некому его передать, а то умру, врачи снимут и

оставят себе. Этот крестик с цепочкой мой единственный подарок от Константина. Я бы хотела, чтобы он остался в надежных руках. Возьми, дочка!

— Спасибо, Корнелия! Я буду обязательно его беречь!

Она взяла у меня из рук крестик и аккуратно застегнула цепочку у меня на шее.

— Носи его! Он был подарен хорошим человеком и я верю, что он помогает в жизни! Может быть, ты встретишь свою любовь. Каждая женщина должна любить, иначе ее жизнь делается пустой.

Обнявшись с ней, мы попрощались. Она стояла в дверях смотря мне в след. Я весело помахала ей рукой и сбежала по лестнице, даже не догадываясь, что это была наша последняя встреча.

На следующий день на работе был как всегда аврал. Компания шумела как растревоженный улей. К нам должна была приехать правительственная комиссия. Через полгода должна была начаться предвыборная компания и было решено, что так как наш канал имел широкую аудиторию потенциального электората, то мы запускали шоу, в котором политики в открытом эфире сражались не на жизнь, а на смерть, отстаивая свою точку зрения, а заодно поливая из брандспойта оппонентов грязью и прилюдно вытряхивая белье из чужих ящиков.

Компании это сулило огромные рекламные и организационные деньги, а нам лишнюю работу и маленькую премию, на которую сложно было даже сходить в кафе. Но так, как наше мнение никто не спрашивал, то нам только оставалось бурчать между собой по поводу этой дурацкой затеи.

Больше всех как всегда свое недовольство выражала Роза:

— Нет, ты подумай, им надо покрасоваться, чтобы их выбрали и они снова могли бы воровать и строить себе шикарные особняки, а мы должны как рабы трудиться не поднимая лица!?

— Ладно, Роза, не кипятись! Тут наше мнение никто не спрашивает, а даже если спросит, то наплюет на него. Так что береги лучше нервы!

— Нервы? Мои нервы погибли еще тогда, когда мой мерзавец муж бросил меня одну на руках с орущим от голода ребенком, — и уже тише. — Нервы!?

— И как твой бывший не появлялся?

— Хосе что ли? Появлялся!?! Вчера вечером нарисовался не сотрешь. Приехал покрасоваться с новой подружкой с силиконовыми сиськами. Я глядя на них боялась что они разорвутся и забрызгают мне всю прихожую.

— А Абдул что?

— А что Абдул, обрадовался! Он отца редко видит. Дети же не понимают, что он приехал не ради него, а ради того, чтобы показать мне какой он успешный мужик и его жизнь прекрасна! Хоть бы ребенку тетрадки в школу купил. Нет, притащит какую-нибудь растаявшую шоколадку и думает облагодетельствовал. А у ребенка потом зубы болят!

Роза со злости стукнула рукой по столу:

— Ну скажи мне, Мария, почему все в жизни так? Я вот бьюсь, как только умею, а у него ни мозгов, ни рожи, а живет он припеваючи! У мужика всегда так, если член есть, на улице с голоду не умрет!

Я смотрела на нее и мне было и смешно, и жалко ее.

— Роза, все это проходит по поры до времени. В жизни все справедливо. Когда-нибудь

Бог услышат твои молитвы и поможет тебе, и у тебя все в жизни станет иначе.

Роза сидела наклонив голову:

— Нет, Мария, ничего не будет иначе и ты сама это понимаешь! Мои родители жили в нищете и только тешили себя мыслью, что у их детей будет другая жизнь. Теперь также как они, живу я. И живу я надеждой, что жизнь будет милосердна к моему сыну и он не будет знать что такое отчаянье.

В этот момент дверь в нашу комнату распахнулась и вошел Рамирос. Вид у него был как у кота, который сожрал хозяйскую сметану. Роза видя на его лице довольную хитрую улыбку не удержалась:

— Видишь, Мария, мы не знаем как жить и что делать, а он доволен себе. Хоть бы поделился, чему так рад!

Рамирос сел откинувшись в кресло:

— А рад я милая моя булочка тому, что вчера познакомился с прекрасной девой. У нее шикарная задница и просто осиная талия. А глаза как огонь, — после этих слов на лице Рамироса заиграла еще более глупая улыбка и он закинул руки за голову. — Она была как дикая необъезженная кобылка, но у меня к счастью хороший опыт. И сегодня утром она накормила меня превосходным завтраком прямо в постели.

— Вот уж и правда, кто о чем, а лысый о расческе. — Роза покачала головой. — Рамирос, ты бы тогда на ней женился что ли. Вот она бы тебе тогда не только завтраки готовила, но еще и ужины.

Он после этих слов встрепенулся:

— Чур меня, чур! Ты что такое говоришь, Роза! Какой дурак на такой бабе жениться? Если она такая заводная, то когда женишься вообще в мегеру превратиться. Тогда уж не она мне, а я ей буду завтраки готовить. Если жениться, то нужно выбирать добрую и кроткую.

Тут уже я не сдержалась:

— У меня дальний родственник овец держит. Попрошу тебя с одной познакомить.

Рамирос громко рассмеялся.

— А что, тихая, кроткая, да и нечего сказать против не сможет. Пожалуй, я подумаю над твоим предложением!

— Подумай, подумай, — Роза начала протирать зеркала. — А как надумаешь, нас с Марией на свадьбу не забудь пригласить. Мы тебе в подарок подарим справочник по овцеводству и недельный запас презервативов. Чтобы от молодой ни на минуту не отлучаться.

Рамирос хотел дать ей едкий ответ, как к нам пришли на грим. Мы все же засуетились.

Было уже ближе к вечеру, когда мы освободились и могли спокойно попить чай. Я была так утомлена, что есть совсем не хотелось. Мы сидели вытянув уставшие за день ноги и тихо потягивая крепкий напиток. Роза вдруг спросила:

— Все забываю спросить, как у тебя мама?

Я тяжело вздохнула:

— Не очень! Последнее время она плохо себя чувствует. Ей нужна операция и врач сказал, что каждая минута дорога. Но у нас нет таких денег. Тут еще Оливия масло в огонь подливает:

— Что эта чертовка опять выкинула?

— Она вчера опять не ночевала дома. Я слышала как мама всю ночь не могла уснуть.

Она даже несколько раз подходила к окну и стояла. У меня просто сердце разрывается от ее переживаний. Для нее они губительны! Ей совсем нельзя волноваться. Вот увижу сегодня Оливию и попробую с ней поговорить.

— Поздно с ней разговаривать. Это нужно было делать в детстве, а еще драть как получше. А сейчас она уже выросла и ни ремень, ни уговоры ей не помогут. Лучше заботься как можно лучше о матери и Бог тебе поможет.

Дальше мы долго сидели молча. А потом каждый думая о своем стали собирать вещи.

Роза ушла почти сразу, а я немного замешкалась. Я никак не могла найти свою сумочку. Наконец, отыскала ее в столе. Я обернулась и уже хотела выключать свет, как в комнату вошел улыбаясь Андре. Он запер за собой дверь и начал расстегивать рубашку. Я смотрела на него открыв рот. Одно дело делать это изрядно выпив, другое дело на трезвую голову и еще на работе.

— Нет, Андре! Даже и не думай! Я не собираюсь заниматься ЭТИМ на своем рабочем месте! Я тут потом работать не смогу!

Он обнял меня за талию:

— Не будь злокой, крошка, тебе это не идет! Что тебе стоит? Мы только тихо и один разик! А то мне сегодня на встречу с продюсером ехать, а я весь горю от желания! Он глядя на мою ширинку подумает, что это у меня на него встал.

Он громко засмеялся и посмотрела на меня масляными глазами.

— Ты же не хочешь, дорогая, чтобы я терзался от желания, правда? Или ты наоборот решила распалить меня? — он удивленно посмотрел на меня.

В этот момент я услышала как мимо нашей комнаты кто-то прошел. От этого я вся покрылась холодным потом.

— Андре, давай сделаем это у тебя! Все что угодно, но не здесь!

Он подмигнул мне и чмокнул в кончик носа.

— Ок! Сейчас я выйду, а через пару минут выходи ты и иди на стоянку. Я буду ждать тебя в машине.

Он вышел, а я вздохнула с облегчением. На какой-то момент я хотела уже улизнуть домой, но я услышала как он поздоровался в коридоре с Сальмой. И она стала что-то ему говорить. А он на это рассмеялся.

'Какого черта!' — подумала я. 'Что я в итоге теряю? Я уже не девственница, так что как говориться одним разом больше, одним меньше'. И подождав еще пару минут, я пошла на подземную стоянку.

Он ждал меня в машине. Затем он включил музыку и мы поехали к нему домой. Все дорогу он одной рукой гладил мне коленку. В итоге мне показалось, что еще немного и у меня там будет мозоль. Но, слава Богу, мы уже приехали.

В квартире он сразу включил кондиционер и пошел на кухню за бутылкой вина. Я решила не делать из себя скромницу и сразу отправилась в душ. Стоя под водой я размышляла о том что я здесь делаю, и для чего мне это нужно. Но ответа у меня не было. Мне хотелось интересной жизни, любви, но то что сейчас происходило со мной было похоже на то как проститутка отправляется в номер с очередным клиентом, потому как сердце молчало, а в душе была пустота и усталость.

Искушавшись я укуталась большим махровым полотенцем и вышла в комнату. В ней уже играла легкая музыка, а на журнальном столике стояла открытая бутылка и два фужера со льдом. Андре сидел рядом с огромным телевизором и что-то там копался. Наконец, он

включил его и я с удивлением увидела на экране блондинку с пышными формами, которую отжаривали два негра. Ничего более омерзительного никогда в жизни не видела. Их руки лежали на ее большой белой заднице и мяли ее. Контраст кожи был сногсшибательным.

Андре видя мою вытянутую физиономию рассмеялся, а затем протянул мне мой бокал вина. Пила я как матрос, в то время как он пригубил все лишь пару глотков. Наконец, по моему телу прошло приятное тепло и мне стало абсолютно все равно что он будет со мной делать. Я откинулась на кровать и закрыла глаза. В это время, Андре щелкнул пультом медиаплеера и на экране появилась другая пара. Это был уже крупный мужчина и почти девочка, которая была ярко накрашена. Но даже сквозь этот слой яркой косметики было видно, что она уже почти ребенок. Мужчина громко ею командовал: 'А теперь повернись, нагнись' и т. д. Я была целиком поглощена происходившим на экране, так что почти не заметила, как Андре перевернул меня на живот и задрал мои ягодицы раздвинул мне ноги. Затем он погладил мой холмик и воткнул в него свой ставший каменным член. Временами он менял позу и как тряпичную куклу переворачивал меня. Я сначала не уловила, но потом поняла, что он точно копирует действия пары на экране. И когда там звучала очередная команда, она также ловко переворачивал меня в нужном направлении. У меня сложилось чувство, что я участвую в групповухе. Причем одна из участвующих в ней явно несовершеннолетняя. Меня от этого замутило.

Мужчина на экране достал вазелин и начал смазывать анус девочки. Я услышала как Андре потянулся за чем-то на рядом стоящий столик. Поняв что меня ждет, я закричала: 'Нет!'. Андре сначала хотел что-то пошутить, но потом видимо видя мое взбешенное лицо решил ничего не предпринимать, а просто закончить начатое.

Пожав плечами, он резко дернул меня за ноги, отчего я сползла и начал яростно меня трахать. Его мошонка сильно билась об мои ноги и я слышала чмокающий противный звук. Я же лежала под ним затихшая и испуганная, боясь пошевелиться. Наконец, он дернулся и затих. Я лежала рядом не в силах пошевелиться. Мне казалось, что я сплю и вижу дурной сон. Я даже зажмурилась, а потом резко открыла глаза, но пробуждения не последовало. Тяжело встав, я пошла в ванную.

Мылась я очень долго. Жесткой мочалкой я терла себя, как будто могла смыть то, что сейчас произошло со мной. Мне хотелось выть от обиды и разочарования. И кто придумал эти дурацкие книги и фильмы, где героиня стонет от страсти в объятиях статного мужчины. По-моему секс был лишь грязным совокуплением, после которого самец отползал от оплодотворенной самки.

Наконец, искупавшись я вышла из душа не забыв на прощание пнуть на пол белоснежное полотенце. 'Традиция!' — горько усмехнулась я и голая вышла из ванной.

Андре храпел на кровати. Я подошла и смотрела на него сверху. Сейчас он представлял собой довольно жалкое зрелище: потные волосы сбились в мокрые пакли, член темно-бордового цвета лежал как сдувшийся шарик, а живот тяжело вздымался. Рядом с кроватью на полу стояла большая напольная дизайнерская люстра. И я испытывала просто неземное желание схватить ее и хорошенько пристукнуть ее храпящую голову. 'Боже, никогда больше!' — подумала я натягивая платье.

В это время Андре открыл глаза и лениво мне улыбнулся:

— Ну как ты, шерри?

— Прекрасно, — солгала я. — Ты меня отвезешь или вызвать такси?

Он потянулся к висящим на стуле брюкам:

— Прости, милая, у меня скоро встреча. Возьми деньги, я вызову тебе такси.

Он протянул мне ту же сумму, что и вчера вечером. Денег хватало, чтобы объехать с экскурсией весь город, но во мне словно демон проснулся и медленно сосчитав деньги я сказала:

— Мне тогда денег не хватило, пришлось доплачивать самой. Добавить надо бы папаша!

У него был сбитый с толку вид. Но я решила, что если уж он ведет себя со мной как с проституткой, то пусть и платит за удовольствие.

Он открыл кошелек и задумчиво вытащил еще пару купюр.

— Этого хватит?

Я протянула руки и выгребла все деньги из кошелька.

— Думаю, столько будет достаточно!

После этого я взяла сумочку и насвистывая вышла из квартиры. Андре в это время сидел на кровати как каменный истукан. А мне было плевать.

Когда я приехала домой, то на кухне слышались голоса. Оливия была дома и помогала маме готовить ужин. От чего мама была на седьмом небе от счастья. Когда я вошла, они обернулись на меня. Я заметила, что Оливия немного бледна. На лице мамы сияла счастливая улыбка, а на щеках был румянец. Но румянец был каким-то нездоровым, это были красные пятна различной величины. Я подошла поцеловала маму, кивнула Оливии.

В это время зазвонил мобильный телефон и Оливия побежала в свою комнату. Я подошла к маме и достала деньги, которые забрала у Андре.

— Возьми мама!

Она с удивлением рассматривала сумму в несколько раз превышающую моя зарплату:

— Господи, Мария, ты что банк ограбила? — на ее лице я увидела беспокойство.

— Нет, все нормально. Мне дали премию за несколько месяцев, которые я подработала сверхурочно.

В этот момент в кухню зашла Оливия. Она увидела деньги у мамы в руках. Видимо она слышала и предыдущий наш разговор.

— Смотри, Оливия, Мария премию получила! Теперь у нас есть деньги заплатить долги!

Оливия посмотрела на деньги и задумчиво сказала:

— Премию говоришь?... Премия — это хорошо, — она пристально посмотрела мне в глаза, я невольно отвернулась. Уж кому-кому, а Оливии было хорошо известно, что на нашей работе премию дают крайне редко и то, сущие копейки.

Мама была счастлива, что не замечала, что мы как-то напряглись. Она весело говорила:

— Наконец-то сегодня всей семьей будем ужинать! Давно такого не было!

Ее радостный крик прервала Оливия:

— Прости, ма, я сегодня иду на свидание. Вы ешьте без меня!

Она чмокнула маму в щечку и побежала переодеваться в свою комнату. Мама стояла опустив руки.

— Ну ладно! Конечно, вы же молодые! И ты Мария куда-нибудь сходи, чего со стариками сидеть. Так и жизнь мимо пройдет!

Я подошла и обняла ее за плечи:

— Вы мои самые любимые старики и никуда идти я не хочу. Давай я тебе помогу и мы сегодня порадуем отца каким-нибудь вкусным ужином.

Ее глаза загорелись и она начала вынимать из холодильника нехитрые продукты.

— Ты иди, доченька, переоденься и умойся. А я пока курицу разделаяю.

Я кивнула и пошла к себе.

Когда я спустилась, то Оливии уже не было дома, но домой пришел отец. Он привычно сел напротив телевизора и включил футбол. Я зашла в комнату и поцеловала его в щечку. Он потрепал меня по голове, улыбаясь.

— Как дела, дочка?

— Хорошо, папа! Мы сегодня с мамой собираемся сразить тебя ужином.

Мама крикнула:

— Мария сегодня получила премию, вот это хорошее событие мы и отметим.

Затем мы с ней вместе начали готовить ужин. Когда ужин был закончен, мы дружно сели на диван и включили вечерний сериал. Я сидела между теплых тел родителей и чувствовала себя почти также как в далеком детстве. Мне было очень уютно и мои мысли побежали перегоняя друг друга. Я думала о том, что как часто в детстве мы торопим время. Нам хочется поскорее повзрослеть и начать жить самостоятельной жизнью. И лишь став самостоятельными и взрослыми мы понимаем, что самое лучшее время — это детство. Тогда мы еще не знаем всех темных сторон жизни и смотрим на нее сквозь большие розовые очки. Деревья нам кажутся высокими, а все взрослые мудрыми людьми, которые всегда знают, что им делать и как быть. Я вспомнила, как маленькой девочкой я качалась на качелях. Я взлетала на них как мне казалось до самых небес, а потом когда они опускались, я видела счастливое лицо отца и его сильные руки, которые толкали эти качели, чтобы в следующий раз они взлетели еще выше. Господи, какое синее тогда было небо! И какой прекрасной казалось жизнь!

Я сидела прижавшись к родителям и по моим щекам текли слезы. Хорошо, что был выключен свет. Иначе мне бы пришлось объяснять причину моей грусти. А так, я могла пережить свое отчаянье рядом с близкими мне людьми и при этом им не нужно было ничего объяснять. Я была наедине со своей грустью, но в тоже время не одна.

На следующий день, я пришла на работу чуть раньше. Когда я раскладывала свои вещи, в комнату заглянул Андре. Вид у него был у школьника, который опоздал на контрольную.

— Детка, как хорошо что ты одна! — он прошел внутрь теребя руки. — Вчера какая муха тебя укусила? Ты меня немного напугала. Что случилось?

Я продолжала делать вид, что очень занята.

— Ничего! А что? — я пристально посмотрела ему в глаза.

Он мялся:

— Ты была какая-то странная, да и деньги все из кошелька забрала: Но деньги это не главное. Что с тобой случилось?

Я смотрела в его лицо и мне хотелось смеяться как в дешевой комедии.

— Андре! Ты вчера вел со мной себя как с путаной. А как ты наверное знаешь, бесплатных ночных бабочек не бывает. Так что, не понимаю, в чем проблема.

После этих слов я уставилась на него с самым бессовестным видом. Он стоял раскрыв рот. Я бы даже сказала, что его расшиб столбняк.

— Прости, если ты так это поняла, — он тихо пробубнил. — На самом деле это была безобидная сексуальная игра:

— Андре, в любой игре есть правила. Если бы в футболе были бы одни ворота, то он бы потерял бы всякий смысл.

— Не понял, что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что ты не разу не спросил, чего хочу я. Что мне приятно, а что нет. Ты вел себя как животное. Я не настолько себя ненавижу, чтобы позволять тебе так со мной обращаться.

Он взял мои руки в свои и посмотрел на меня своим ласковым взглядом:

— Прости, детка! Ты права! С этого дня все измениться. Мы будем учиться любить друг друга по-новому.

Я ему кивнула, в глубине же души подумала: 'Размечтался!'. Но спорить с ним мне не хотелось. Он радостно подпрыгнул и напевая ушел.

Как только он вышел, в комнату вошла Роза.

— Какие люди!?! Чего этот хлыщ хотел?

— Понятия не имею. Вроде искал кого-то.

— Кого?

— Наверное, свою совесть, — сказала я разбирая свои кисточки.

Рабочий день начался и мы завертелись как белки в колесе.

Когда я выходила с работы, то постаралась не столкнуться с Андре. Это было уже выше моих сил. На входе я увидела Оливию, которая явно кого-то ждала постукивая каблукками. На ней был брючный костюм и кружевное болеро. Я подумала, что видимо это подарок ее дружка, так как сама себе она бы такое никогда не купила.

— Привет, Оливия! Кого-то ждешь?

Она сняла очки и чмокнула меня в щечку:

— Привет! Энрико обещал меня захватить, но я его жду уже минут двадцать, а его все нет. И телефон не отвечает. Даже и не знаю что думать.

Она еще раз посмотрела на часы и взяла меня под руку.

— А пошли-ка лучше домой! А то, может он до вечера не приедет. В крайнем случае, заберет меня из дома.

Мы повернулись и медленно пошли в сторону остановки метро.

— Оливия, — медленно начала я, — ты бы сегодня хоть осталась дома. Родители за тебя переживают, да и перед соседями стыдно. Ты ночами как вор залазишь в окно.

Она махнула рукой:

— Господи, Мария! Ты у меня как из прошлого века! Кому интересно мнение соседей. Они такие же нищие как и мы, и заняты только тем, что бы такое найти из чего можно ужин приготовить. А ты все думаешь, что они о нас больше двух минут разговаривают. Если и позлословят, то так, чтобы язык к гортани не прирос. Гимнастика такая!

В этот момент рядом с нами остановился длинный черный лимузин с тонированными окнами. Я заметила как Оливия побледнела. Ее рука, которая держала меня под локоть стала холодной как лед.

— И-иди без меня, Мария, — но в тоже время ее рука сильно сжала мой локоть.

Из машины вышли два высоких амбала в дорогих костюмах и темным очках. У одного длинные волосы были стянуты в хвостик. Они молча обошли нас с двух сторон, взяли Оливию под руки и повели. Она не выпускала моей руки из своей и я тащилась сбоку. На меня обращали столько же внимания, как на мелкую букашку. Не отпуская руки Оливии, я повернулась к улице и закричала: 'Помогите!'. Один дал мне хлесткую пощечину и вслед за сестрой затолкнул в машину. Дверь лимузина тихо захлопнулась и он покотил в неизвестном

направлении.

Я сидела потрясенная, все еще приходя в себя после удара. Я смотрела на высокого здоровяка с конским хвостом и удивлялась, как он вообще не прибил меня на месте. Оливия обоими руками вцепилась в сиденье и сидела что-то тихо бормоча и раскачиваясь. Я погладила ее по волосам, она вздрогнула и испуганно посмотрела на меня.

— Оливия, ты знаешь этих людей? — спросила я мягко.

Она быстро кивнула.

— Куда мы едем? — я взяла ее руку в свою, чтобы хоть как-то успокоить ее.

В это время один из громил окрикнул нас и мы замолчали. Я видела как машина быстро проносится по знакомым улицам. Оливия дотянулась до бара и налила себе полстакана водки, дрожащей рукой положила лед. Я никогда не видела раньше, чтобы она пила крепкие напитки, поэтому с удивлением уставилась на нее.

Она видя мой немой вопрос, сделала знак молчать и налила мне стакан водки. Я с отвращением оттолкнула ее руку. Она всхлипнула и допила мою половину. У меня не было слов.

Тем временем машина проехала часть города и я поняла что мы едем куда-то за город. Меня мучили страшные предчувствия. Каждый мой нерв, каждая клеточка тела были напряжены до предела. Я пыталась анализировать нашу траекторию и пришла к выводу, что мы едем в район шикарных вил. А это значит, что даже если нас там убьют и закопают, нас никто не найдет.

Мне пришла идея попытаться выпрыгнуть на ходу, когда мы ехали через туннель, но я не могла бросить Оливию. А она напилась и сидела, качая головой словно сомнамбула. Мне стало страшно как никогда в жизни. Первое что я подумала, были родители. Как же они будут без нас? Известие о нашей смерти их убьет. Мне хотелось плакать, но я держалась.

Я посмотрела в окно. Мы действительно проезжали район вилл. Подъезжая к одному высокому забору машина сбавила скорость. Забор был очень длинным. Я даже не могла представить себе размер территории. Наконец, мы подъехали к высоким воротам из плотной чугуннойковки. Водитель что-то сказал в селектор и мы заехали.

Машина мягко проехала в ворота и поехала по длинной аллее. Я никогда не видела ничего подобного, поэтому не успевала крутить головой. Вдали я увидела большой особняк, напоминающий старинный замок. Основное здание имело около четырех этажей, но по бокам были небольшие круглые башенки в пять этажей. Перед домом был огромный фонтан, который иметь посчитал бы за честь любой крупный город. В стороне был большой бассейн с множеством зонтиков и шезлонгов.

Наша машина подъехала к дому и остановилась рядом с широкой лестницей из светлого мрамора. Возле лестницы спали собаки. Я вспомнила, что эта порода называлась доберман. И славилась она грозным нравом. Но собаки не производили впечатление кровожадных монстров. Они разогрелись на каменных плитах и теперь смотрели на нас своими острыми чуть сонными мордами.

Вокруг дома гуляли два охранника, на разных углах здания висели камеры. Складывалось впечатление, что здесь живет как минимум президент. Кто это мог быть по максимуму я даже не могла подумать.

Нас вывели из машины. Оливия стояла пьяно покачиваясь на своих высоких каблуках. Я тихо спросила ее:

— Чей это дом?

— Чаки, — икнув ответила она и как мне казалось даже немного протрезвела.

От страха я закрыла глаза. Чаки — это был негласный городской воротила, под которым ходила вся мафия. Фактически город принадлежал ему. Вся полиция была у него в кармане, а также городская администрация. Пару раз он даже присутствовал в качестве почетного гостя на открытии одного бизнес-центра. Я тогда случайно проходила мимо и была удивлена увидев его. Выглядел он не таким громилой как я себе представляла, а не очень высоким и довольно щуплым мужчиной около тридцати с лишним лет.

На самом деле, его звали Чуарез Луи Тусайро. Но все звали его только Чаки, так как свое имя он терпеть не мог.

О Чаки ходили самые невероятные легенды. Некоторые говорили, что он является сатанистом и проводит на своей вилле жуткие магические обряды с человеческим жертвоприношением. Также говорили, что он сам когда был из бедного района. И начал свой путь с роли мальчика на побегушках у местных наркодиллеров. Но, после того, как он стал главой местной мафии, про его начало пути пытались вслух не говорить, так как некоторые неосмотрительные болтуны закончили свою жизнь в заброшенных домах и перерезанном от уха до уха горлом. Чаки шуток не любил.

Еще с дюжина таких вот невеселых историй пронеслась у меня в голове, пока громилы схватив нас под руки повели в дом. Мои ноги меня не слушались и я часто спотыкалась, что и говорить про Оливию, которая была изрядно пьяна.

Нас завели внутрь и я поразились королевской роскоши холла. Это было очень просторное помещение с высокими потолками и мраморными колоннами. На полу был красивый художественный паркет в виде цветов ириса на длинных стеблях, которые обвивались между собой. Стены были покрыты светло-бежевого цвета декоративной штукатуркой. На них висели картины в больших золоченых рамах. А на высоком потолке висела большая хрустальная люстра, которая бывает только в театрах.

Если бы ситуация была иной, я бы обязательно постояла, чтобы рассмотреть интерьер как можно подробнее. Но охранники крепко схватили нас за руки и буквально волоком потащили наверх по изогнутой лестнице с витыми перилами.

Мне казались мы шли ужасно долго. Наконец, один охранник открыл одну из дверей и втолкнул нас во внутрь. Сам зашел сзади и закрыл за собой дверь.

Это было большое помещение с камином внутри. Посередине комнаты стоял черный письменный стол с современным ноутбуком. В различных стаканах из черного оникса стояли письменные принадлежности. Рядом со столом стоял обитый черным бархатом стул с золотой каймой в виде лепнины. Внутри комнаты была еще одна дверь и я слышала оттуда звуки музыки. Также, там внутри было сильно накурено и еще пахло травкой.

Охранник прошел в ту комнату и что-то сказал. Ему что-то ответили и он кивнув вышел к нам. После этого он подошел к Оливии и взяв ее за руку повел в ту комнату. Я вцепилась в нее, но он одним движением руки стряхнул меня и затащив внутрь Оливию захлопнул на защелку дверь. Я встала с ковра потирая ушибленный зад и стала осматриваться вокруг. На стене висел большой телевизор, на нем крутились клипы. По углам комнаты была красивая изящная лепнина, которая переходила в потолочный свод в виде морской раковины. На стенах были угольно-черные обои с золотым выпуклым рисунком.

Я подошла к окну и взглянула во двор. В это время, пару охранников дрессировали собак. Тут я вспомнила про мобильный телефон. Я вытащила его из кармана и уже хотела позвонить в полицию, как в последний момент вспомнила, что все они давно уже были

куплены. Потом мне пришла идея позвонить родителям, но я тоже не стала этого делать. Что они — старые и больные люди могли сделать если стражи закона закрывают глаза на творившееся беззаконие. Я убрала телефон в карман и подойдя к столу, села за него и положила голову на руки.

'Ладно, хоть девственность свою уже успела отдать, иначе изнасилование я бы не пережила', - невесело подумала я.

Не знаю, сколько прошло времени, как щелкнул замок межкомнатной двери. И из нее на нетвердых ногах вышла Оливия. При виде ее мне хотелось закричать. На ней был одет длинный шелковый черный плащ, такие обычно показывают в готических старых фильмах. А под ним я заметила, что она одета в красную кружевную комбинацию и узкие стринги. На ней были также рваные красные чулки с кружевными белыми оборками. Ее взгляд блуждал, из чего я сделала заключение, что она находится под кайфом. Я бросилась к ней.

В это же время поправляя штаны вышел охранник который нас сюда провожал. Из открытой двери я слышала негромкие мужские голоса и смех. Охранник остановился в дверях и крикнул: 'А что со второй делать?'. Ему никто не ответил, но я услышала шаги из той комнаты, которые приближались к двери.

На пороге стоял Чаки. На нем была расстегнута белоснежная рубашка, обнажая его худое, но довольно жилистое безволосое тело. Его волосы были короткие и стояли ежиком. Глаза имели чуть раскосый вид. Я даже подумала, что в нем также течет китайская кровь.

Он встал и оперся плечом о дверной косяк, серьезно разглядывая меня. Я очень пожалела, что на мне все-то же злосчастное белое платье, в котором я была с Андре. Если бы я была в брюках, то, наверное, чувствовала бы себя более уверенно. Он медленной походкой подошел ко мне и резко поднял руку. На какой-то момент мне показалось, что он ударит меня, и я непроизвольно закрыла рукой лицо. Но вместо этого, он запустил руку мне в волосы и расстегнул заколку, которая собирала волосы в тугий пучок. Волосы рассыпались по плечам. Я смотрела недоуменно на него. Он был чуть ниже меня, но в нем была какая-то сила и уверенность, что я чувствовала себя очень маленькой и ничтожной.

— Так лучше, — сказал он и, уходя, крикнул охраннику с хвостом. — Родриго, увези их домой.

Охранник кивнул и вынес одежду Оливии. Я помогла ей одеться, трясущимися руками пытаюсь застегнуть мелкие пуговицы на ее блузке.

Когда нас вывели, солнце уже почти село и было уже темно. Мы сели в машину и та мягко поехала. С нами был только один охранник, который был вечером с Родриго, когда они похитили нас с улицы.

За дорогу с Оливии стал сходить хмель и она с ногами залезла на кресло и тихонько всхлипывала. Я сидела крепко обняв ее. Наверное, мои объятия были сильнее чем следовало и ей было немного больно, да и мне не совсем удобно, но мы нуждались друг в друге. Так мы хоть как-то чувствовали себя защищенее.

Несмотря на то, что мы обе слышали, что Чаки приказал отвезти нас домой, но тем не менее я до последнего сомневалась, что нам дадут уйти живыми. Мои опасения развеялись только когда машина застревая на глубоких рытвинах въехала на нашу улицу. Было уже очень темно и никого из соседей не было видно, но тем не менее я робко попросила оставить нас подальше от дома. Охранник молча кивнул и крикнул водителю, чтобы оставил нас на углу. Тем временем я начала приводить в порядок лицо и одежду Оливии.

Затем охранник вежливо открыл нам дверь и мы вышли на улицу. Машина поехала

дальше, так как из-за того, что улица была очень узкой, лимузин не мог там развернуться. Я обняла за плечи Оливию и мы пошли домой.

Когда мы подошли к дому, я заметила что свет в маминой спальне. Я открыла ключом дверь и провела Оливию в ее комнату. Сама же пошла к маме, чтобы успокоить ее что мы дома.

Когда я вошла, она сидела в кресле и что-то читала. Я прошла и легонько поцеловала ее в щечку:

— Привет, дочка! Ты одна?

— Нет, мама, мы с Оливией. Все хорошо. Мы были на дне рождения сотрудника и она лишнего выпила вина. Сейчас я провожу ее в душ и уложу спать.

Мама спохватилась:

— Давай я тебе помогу!

Я жестом остановила ее.

— Нем, мам! Оливии будет неприятно, что ты увидишь ее в таком виде. Ее и так тошнит. Давай лучше завтра вместе заварим ей твой фирменный крепкий чай с травками. Хорошо?

Она улыбнулась и пожелала мне спокойной ночи, на прощанье поцеловав в макушку.

Когда я пошла к Оливии, то она сидела на кровати с расширенными глазами. Я мягко взяв ее за руку подняла ее и повела в душ. Она была как зомби. Я тихо сняла с нее одежду и поставила ее под струи воды. На ее животе я заметила легкий порезы. Также был один большой засос под правой грудью. Он был пока темно-бордового цвета, но завтра он станет совсем синим.

Взяв мягкую губку я намылила ее и начала медленно омывать ее тело. Она стояла послушно закрыв глаза. От этого ее равнодушного состояния мне было ужасно жутко. Если бы она плакала или кричала, я бы знала, что из нее выходит боль и что она как-то переживает свое горе, но она молчала и я знала, что все просто ушло внутрь.

Затем я завернула Оливию в полотенце и повела в ее комнату. Достала пижаму и одела на нее. Сестра была все так же безучастна.

Я расстелила ее постель и взбила подушки. Она забралась в нее и свернулась комочком. Я уже собиралась уходить, как услышала:

— Останься, пожалуйста! — она схватила меня за руку. — И не гаси свет!

Я подошла и села возле нее на кровать. Затем потянулась за ее сумкой, чтобы достать мобильный телефон и поставить ей на завтра будильник. Когда я открыла сумку, то на кровать выпали 300 долларов. Я молча уставилась на них не в силах что либо сказать.

Она также увидела их:

— Ты правильно все поняла. Я проститутка! — почти крикнула она.

Я погладила ее по голове:

— Что ты такое говоришь, Оливия! Они всего лишь грязные скоты, которые воспользовались твоей беззащитностью!

Ее глаза в свете ночника казались огромными и темными. Я мягко взяла ее за руку. Видя ее состояние я поняла что ей нужно было выговориться. Вот только нужна ли была мне вся правда?

— Оливия, — я искала нужные слова, — расскажи мне что случилось. Ты их уже знала раньше?

Она кивнула и с испугом посмотрела на меня. Я старалась не пугать ее:

— Не бойся, я никому ничего не расскажу. Выговорись, тебе будет легче, а мы постараемся что либо придумать вместе. Ладно?

Хотя на самом деле я понимала, что ничего мы не сможем придумать. Что мы против мафиозного воротилы с его связями и деньгами? Тем не менее, я должна была знать правду, так как невольно оказалась вовлечена в эту грязную историю. Кроме того, она была моей сестрой. И пусть у нас были сложные отношения, но тем не менее я любила ее и она была мне близким и родным человеком. Родители были уже старыми и я осознавала, что рано или поздно мы останемся с ней одни. И сможем рассчитывать только друг на друга.

Оливия вздохнула как будто ей не хватало воздуха и начала:

— Ты помнишь я до этого встречалась с одним мафиози?

— Кареном?

— Да. Сначала мне все нравилось в наших отношениях. Он был внимательным, давал мне деньги и дарил дорогие подарки. Мне нравилось появляться с ним на людях. Когда мы приходили в клуб, то все относились к нам почтительно. Кроме того, там также были его друзья мафиози и многие девушки смотрели с завистью, как мы гуляли. Они заказывали самые дорогие вина и закуски, курили травку и нюхали кокаин.

Как-то раз, я тоже решила попробовать кокс. Мы пошли с одним его другом в туалет и тот сделал мне дорожку. Я ее вдохнула и просто поплыла. Мне стало так хорошо, как никогда в жизни не было. Я даже не сразу поняла, что этот друг потянул меня за собой в кабинку и закрыл дверь. На мне была юбка с разрезом и он задрал ее, начал буквально насаживать меня на себя. Такого божественного секса у меня никогда не было. По-моему, я даже кричала. Когда он кончил, то я услышала, что кто-то изо всех сил колотит в нашу кабинку. Мы открыли дверь. Это был Карен. Он был в бешенстве. Своему другу он ничего не сказал, у них кодекс такой, зато я поняла, что меня ждет что-то нехорошее. Но я была под коксом, так что мне было все равно. Карен в бешенстве ушел. А его друг достал из кармана деньги и сунул их мне в сумочку. В тот момент я подумала, что это самые легкие деньги в моей жизни. Я получила свое удовольствие и к тому же неплохо заработала за 5 минут.

На следующий день мне как ни в чем не бывало мне позвонил Карен. Он разговаривал как всегда и я даже подумала, что я что-то напутала под действием наркотика. В тот вечер мы опять поехали в клуб, и он мне уже сам предложил кокс. Я не отказалась.

Затем мы сели в его машину и поехали. Я спрашивала его куда мы едем, он же посмеивался и говорил, что в 'приличное общество'. Мы приехали в дом Чаки, но тогда я этого не знала. Я была просто потрясена таким огромным особняком. Мы поднялись в одну из комнат, там за круглым столом играли в карты несколько мужчин. Среди них был Чаки, а также Родриго, которого ты сегодня видела. Он охранник Чаки, но тот относится к нему как другу. Родриго не раз спасал ему жизнь и Чаки не забывал быть тому благодарным.

Карен представил меня им и тоже сел играть. Мне же подсунул еще кокса. Через какое-то время я уловила их разговор, что играть они будут на меня. Мне было плевать, я тащила от своей порции восхитительного кокса. Карен проиграл, уже позже я поняла, что он все это сделал специально. И в тот вечер меня трахнул Чаки вместе с Родриго. Позже к ним присоединился еще один охранник

После этого они сунули мне деньги и отвезли домой. Уже позже, когда кайф развеялся, я поняла, что случилось. Я и раньше слышала, что на девушек, в которых выиграла в карты, могли делать с ними что хотят.

И вот сегодня, Чаки захотелось поиметь меня, — и нас с тобой взяли как уличных девок

с улице и отвезли к нему. Ты просто случайно оказалась не в том месте не в то время.

И так будет всегда, пока я не надоем ему. А после, он сможет проиграть меня другому в карты. Единственная возможность, если меня кто-то пожелает выкупить. Но там такие суммы, что я понимаю этого не случиться.

Оливия плакала и я вместе с ней. Она вытерла рукой слезы и попыталась рассмеяться:

— По крайней мере, они за это хорошо платят!

Я тут же вспомнила как на днях обчистила кошелек Андре. И тоже невесело усмехнулась, про себя подумав: 'Похоже в нашей случае это явление семейное'.

После этого я еще долго сидела возле Оливии пока она не заснула. Я же думала о своем — как нам быть. Оливия во сне была как никогда похожа на ребенка. Его губы открылись и на розовые щеки падал мягкий свет от ночника. Я тихо встала, погасила свет и пошла к себе. Заснуть я долго не могла, а когда уснула, то мне снились тяжелые сны. Во сне меня преследовали черные чуть раскосые глаза и я стремясь от них убежать, металась, но они слово лазер просвечивали меня.

На следующей день я встала с большим трудом. Ночь мне не спалось, к тому же сказались волнения вчерашнего дня. В голове засела тупая ноющая боль. Я подумала, что Оливии должно быть в сто раз хуже чем мне, но когда я вышла в кухню, то с удивлением увидела ее с большим аппетитом поглощающую завтрак. Если я была и удивлена, то вида не показала. Буквально вчера она не хотела жить, а сегодня сидела и с аппетитом ела высококалорийный омлет.

— Мария, ты сегодня после работы не сходишь со мной по магазинам? — сказала Оливия, намазывая масло на хлеб. — Я еще на той неделе присмотрела шикарный туфельки, теперь я их обязательно куплю!

Она была невозможна! Если бы не сидящие рядом родители, то я взяла бы ее за плечи и хорошенько встряхнула. Может быть тогда, то что зовется ее мозгом встало бы на место.

Я прокашлялась:

— Даже не знаю. А ты уверена что тебе нужны эти туфли? Может быть лучше отложить эти деньги?

Я ей незаметно показала в сторону мамы, та не замечая продолжала есть. Оливия скорчила гримаску.

— Господи, да чего там откладывать-то? Вот начну хорошо зарабатывать, тогда и начну откладывать. Тут и так на жизнь не хватает. У меня ни одной приличной сумки нет!

Я смотрела на нее и пыталась скрыть свое бешенство. Я как дура полночи просидела успокаивая ее, а вторую часть ночи вообще можно сказать не спала, а она сидела и считала на что потратить эти грязные деньги! У меня не было слов.

— Спасибо, мама, я не голодна!

Чмокнула родителей и схватив сумочку я как ошпаренная выскочила на улицу. На улице я шла не разбирая дороги и на чем свет матеря Оливию, и ее детскую беспечность. Только дети способны убиваться об умершем попугайчике, а через минуту радоваться новой игрушке. У Оливии явно эта способность никуда не делась.

Рабочий день выдался очень напряженным. Рамирос поругался со своей новой подружкой и всю свою желчь выливал на нас. В ответ, Роза орала что мы не марионетки и даже если будем работать двадцать шесть часов в день, все равно все не успеем. Я же весь

день пыталась вести себя тихо и не попадаться на глаза Андре.

Вечером, когда я вышла с работы, меня качало от усталости. По дороге к остановке, я шла почти не видя ничего вокруг, пока краем глаза не заметила какое-то движение по дороге. Я застыла как вкопанная. Рядом со мной стоял вчерашний лимузин. Дверца открылась и из нее вышли двое вчерашних громил. Я вспомнила, что один из них был Родриго.

Они обступили меня с двух сторон, а потом вежливо, но настойчиво толкали внутрь. Я была напугана досмерти, так что не смогла даже вскрикнуть. Это только в фильмах пышногрудые девицы орут что есть мочи, пока проходивший недалеко супермен не услышит их и не спасет. В жизни все по-другому. Я буквально приросла от страха к земле. На негнущихся ногах, я сделала шаг и села в лимузин. Они также сели и крикнули водителю, чтобы тот ехал. Машина поехала по улице быстро набирая скорость. У меня сон как рукой сняло. Я сидела и думала, зачем им понадобилась. Скорее всего, вчера у них на меня сил не хватило, поэтому сегодня отоспавшись и продрав глаза, решили оприходовать. Да нет?! Зачем им я, я не такая красавица как Оливия, а со своими деньгами они могут иметь что им угодно. Может это какая-то игра? Я терялась в догадках, а тем временем лимузин уже въезжал в знакомые кованые ворота.

Я собралась с силами и сильнее вцепилась в сумочку. Если бы даже кто-то захотел, то вряд ли смог бы разжать мои руки. Я была утопающим, у которого почти не осталось надежды.

Машина остановилась возле дома и я с удивлением увидела стоящего на лестнице Чаки. На нем была футболка и легкие джинсы. Первой моей мыслью было: 'Вряд ли чтобы изнасиловать меня он вышел бы во двор?'. Это давало мне надежду.

Я вышла из машины и в нерешительности встала рядом, не зная что делать дальше. Чаки стоял рядом и разглядывал меня.

— Привет, Мария! — он подошел и протянул мне свою руку. Я не стала протягивать ему свою, но он сделал вид, что этого не заметил. — Давай я покажу тебе сад, все женщины любят цветы.

От этого монолога у меня отвисла челюсть. Вчера он изнасиловал мою сестру, а сегодня он показывает мне сад. Аристократ хренов!

Он повернулся и пошел в сторону, я же стояла в растерянности. Остаться с громилками мне не хотелось, да и заставлять, они скрутив руки повели за ним тоже не светило. Поэтому из двух зол я выбрала меньшую и молча поплелась за ним.

Мы прошли по гравийной дорожке, которая огибала дом и пройдя небольшой искусственный пруд вышли на длинную алею. Она вся была усажена цветами. В основном здесь были розы всех цветов и оттенков, но конечно больше всего было красных.

Когда я была маленькая, то отец не разрешал нам с сестрой рвать цветы. Он говорил, что срывая мы убиваем их. И поэтому, уже став взрослыми, я относилась к цветам прохладно. В вазе они меня угнетали, на улице не особо радовали.

Тем временем болтавший про различные сорта роз Чаки меня внезапно спросил:

— А что тебе нравится Мария? Какие ты цветы любишь?

— Я?: я люблю деревья.

— !?

— А цветы белые.

Он остановился пристально рассматривая меня. От его настойчивого взгляда я даже

немного покраснела:

— Ты меня сегодня удивила, — он рассмеялся отрывистым резким гортанным смехом, от которой я поежилась, — 'белые': Вот это сорт!? Завтра же скажу этот прикол своему садовнику. Белые!?

— Ну а деревья какие ты любишь?

— Высокие, — мне не хотелось с ним разговаривать. Если бы он не был бы самим Чаки, то я бы сказала все что думаю о нем и о тех кто на него работает. Но пока я была в своем уме и поэтому вспомнив что 'молчание — золото'. Я отвечала лишь в случае крайней необходимости.

— Высокие: Интересно! А вот я розы люблю, а еще ирисы. Ирисы моя мама любила. Она говорила, что это самый прекрасный в мире цветок. Ты наверное видала ирисы на полу у меня в холле. Это в память о ней.

Я с удивлением смотрела на него. Зачем он мне это все рассказывает и что ему от меня нужно? Может быть он хочет прежде чем убить и закопать меня излить свою душу, чтобы сэкономить на психоаналитике?

Пока я строила свои умозаключения, мы прошли сад и вышли к деревянной ограде с продольными досками. Там один парень водя вокруг себя длинный поводок выгуливал красивую черную лошадь. Она бежала по кругу. Я видела как быстро мелькали ее точеные ноги. Копыта выбивали из земли серую пыль. Длинная густая грива развивалась на ветру, а черное тело блестело в свете садящегося солнца. Глядя на это красивое животное, я подумала что оно напоминает меня, я точно также бегаю по кругу, в надежде, что что-либо измениться и жизнь наладиться, но все идет своим чередом и я снова и снова выхожу на один и тот же круг...

— Это моя лошадь. Я купил ее у одного шейха. Он звал ее Лейлой. Но я назвал ее Пантерой. Лейла — это что-то покорное и тихое, а эта лошадь покорная только снаружи, внутри ее полыхает огонь. Она однажды меня даже укусила, когда я пытался подойти к ней и набросить уздечку. Пантера очень похожа на тебя.

Я с удивлением посмотрела на него. Он стоял поставив лицо лучам садившегося солнца. Глядя на его профиль я думала о том, что также когда-то выглядел Чингиз-хан глядя на простиравшиеся перед ним бескрайние степи.

— Я не помню чтобы я вас кусала, поэтому вы не правы. У меня внутри чуть тлеющий огонек, а снаружи вообще одна зола.

Он на это хитро улыбнулся, посмотрев на меня своими черными как ночь глазами:

— Ты просто еще себя не знаешь, Мария! Когда-нибудь ты поймешь, что всю свою жизнь дремала, и тогда внутри тебя разгорится такое пламя, что ты не сможешь его погасить. Я сам был когда-то таким и поэтому знаю что говорю.

Мы еще долго стояли молча смотря на то как дрессируют лошадь. Я пыталась осмыслить сегодняшний день и не находила ответы на свои вопросы. И главный из них был: 'Зачем я здесь?'. Идеи были самые безумные — то что он усыпляет мою бдительность, чтобы я не сопротивлялась. Эту идею я отвергла почти сразу же. Такие люди как он не пытаются кого-то обхитрить, они приходят и берут все что хотят и никто не в силах это изменить. Дальше я думала, что он пытается со мной подружиться, чтобы я не пошла доносить на него в полицию. Эта идея была еще глупее, потому что кто в полиции будет верить словам гримерши, когда известный в городе человек говорит что это не правда. Когда у меня идеи пошли уж совсем безумные, типа что он попросит меня замочить мэра или президента, он

повернулся и ничего не сказав пошел в сторону дома. Я не зная что делать, пошла за ним.

Мы молча шли через цветочную аллею. Он в какой-то момент полез в цветы. Я стояла удивленно глядя на него. Чертыхаясь и матерясь, он начал рвать розы. Я же с садистским удовольствием глядела как он ранит свои руки.

Наконец он вышел и протянул мне букет белых роз. Я стояла не шелохнувшись.

— Возьми, Мария! Эти цветы для тебя!

Я не знала что делать. Он враг и принять от него цветы, это значит закрыть глаза на то, что они сделали с моей сестрой. Не взять же, это обозлить его. А его гнева боялись люди и повесомее меня. Поэтому я приняла соломоново решение — взять цветы, а потом при первой же возможности выкинуть их в мусор.

— Спасибо.

Мы повернулись и пошли вдыхая вечерние ароматы цветов. Если бы рядом был не мой злейший враг, то я бы нашла этот вечер самым романтическим в своей жизни. Но тут еще было одно но, где бы мы не шли, я видела поодаль его охранников, которые старались не мешать нам и не привлекать к себе внимание.

Так мы подошли к дому. Он позвал Родриго и попросил меня отвезти. Машину подали почти мгновенно. Я смотрела на Чаки надеясь, что хоть в конце он раскроет причину моего визита. Он стоял напротив с очень серьезным видом и откровенно рассматривал меня. Мне от этого было ужасно неловко, поэтому я делала вид, что рассматриваю дом.

Родриго открыл мне дверь и я села. Машина плавно поехала. Неудержавшись, я обернулась и посмотрела назад. На дорожке стоял Чаки и смотрел мне в след.

Когда мы подъехали к дому, я опять попросила оставить меня подалее. И меня оставили на том же месте где и вчера. Родриго открыл мне дверь и подал руку. Я положила свою руку в его и вышла. Мельком, я обратила внимание, что моя рука в его выглядела как птичья лапка.

Выйдя, я медленно пошла по улице. Как только машина скрылась за углом, я кинула на мостовую цветы.

Когда я зашла, отец сидел в гостиной и смотрел телевизор. Я зашла стараясь не шуметь, но он все равно услышал меня:

— Мария! Зайди, пожалуйста, я хочу с тобой поговорить.

Вздыхнув и ожидая неприятный разговор, я прошла и устало опустилась в кресло. Сегодня я не ужинала и сейчас желудок давал о себе знать активным урчанием.

Отец внимательно посмотрел на меня:

— Мария, ты выглядишь очень усталой. Тебе нужно больше отдыхать, дочка. Всех денег ты все равно не заработаешь.

Я кивнула:

— Знаю, папа. Я делаю что могу. Но все равно, то что я зарабатываю нам не хватает, чтобы накопить на операцию маме.

Он сжав зубы кивнул.

— Это моя вина! Не нужно было жениться на ней. Я всегда понимал, что недотягиваю до нее, но мне казалось, что ради нее я смогу свернуть горы, — он сгорбившись тяжело вздохнул, — в итоге, она умирает, а я молча смотрю на это.

Я подошла и села рядом с ним на колени:

— Не надо так папа! Какие страшные слова ты говоришь! Мама всю жизнь очень

любила тебя и один день с тобой не променяла бы на сытую жизнь с другим. Мы что-нибудь придумаем.

— Я уже кое-что придумал, дочка, — глаза отца горели, — у вас будут деньги на ее лечение, но мне понадобится твоя помощь.

Глядя на него, мне стало как-то жутко. Сама не зная почему я боялась того, что он хочет мне сказать.

— И что же ты придумал?

— Я хочу занять денег у своего хозяина и купить страховку, дорогую страховку. Потом ты немного поможешь мне и вы уже никогда не будете знать нужду. И деньги отдадите с процентом, которые я занял, — видя что я силюсь что-то сказать, он положил свою грубую ладонь мне на рот и продолжил, — Не торопись, дочка. Сегодня я узнал, что смертельно болен — у меня в легких такая форма рака, которая уже не лечится. Поэтому я все равно умру, это лишь вопрос времени. Если я буду долго болеть, то стану вам обузой, которую вытащить вы будете просто не в состоянии. Я буду лежать превращаясь в растение и страдая от этого как никогда до этого не страдал. Мне придется пройти все муки ада от боли и агонии, а так, я умру быстро. К тому же я умру счастливым, зная что все ваши беды позади и вы сможете начать новую жизнь. Мать еще крепкая женщина, после операции она станет как новенькая и сможет жить дальше.

По моим щекам текли слезы отчаянья, мне казалось, что я умерла, но все еще продолжаю находиться в своем тяжелом обездвиженном теле. До этого я была на пределе, а теперь я шагнула за его край. Я обняла отца и зарыдала. Так еще я не плакала никогда. Он гладил мои волосы и говорил какие-то слова, которые я не слышала.

В конце я затихла. У меня не осталось слез и я лежала как пустой мешок, из которого вышел воздух и положила голову ему на колени, гладила его жесткие руки. По телевизору закончились все передачи и лишь мелькала серая картинка.

— Не плачь, дочка, — сказал отец. — Подумай о том, что я тебе сказал. Я не буду тебя торопить, но теперь ты остаешься в семье за главную, а так как ты не замужем, то тебе нужно будет решать все проблемы. То что я прошу, это практически за гранью возможного, и это наверное не смог бы сделать мужчина, не то что ты хрупкая девушка. Но я в тебя верю. У тебя сильный характер и ты очень добрая девушка, ты не допустишь, чтобы я так страдал.

После этого, он поцеловал меня в темечко и тяжело ступая пошел к себе. Я сидела глядя пустыми глазами в темноту. Жить не хотелось. Мне хотелось умереть, чтобы ничего не видеть и не слышать. Тяжело встав, я пошла в комнату. Я даже не заметила то, что от голода у меня сводило желудок. Зайдя в комнату, я упала в одежде на кровать и закрыла глаза. После таких переживаний, мне казалось, что я не смогу спать, но вместо этого я буквально сразу провалилась в сон.

Следующий день был воскресеньем и я проспала практически до обеда. Когда я встала, то вначале мне показалось, что все мне только приснилось, но потом я увидела, что сплю в одежде. И события вчерашнего дня накрыли меня беспощадной волной. Я вспомнила разговор с отцом, а также странную встречу с Чаки. Значит, это не было сном:

Я спустилась вниз. Отца дома не было, Оливии тоже, она еще не вернулась домой с субботы. Так как сегодня было воскресенье, то сегодня она может приехать только к вечеру. Мать ушла к соседке. Это был тот редкий случай, когда я могла остаться наедине с собой. Я позавтракала, а потом налила себе кофе и села перед телевизором. Я его не смотрела, но я не

хотела оставаться в абсолютной тишине.

Мои мысли путались и скакали с одной темы на другую. Я думала то про родителей с Оливией, то про Андре, то про Чаки. Потом я ловила себя на мысли, что думаю не о том, не я понимала, что никак не могу набраться сил и подумать насчет вчерашнего разговора с отцом. Я не хотела этому верить, и украдкой думала, что он это придумал, чтобы помочь матери. И тогда я всерьез задумалась стоит ли жизнь одного человека жизни другого? А что если отец мне соврал? А что если он просто не может набраться смелости, чтобы совершить это страшное с точки зрения религии действие?

Ответа у меня не было, но я и не хотела его получать, потому что тогда я оказалась бы перед выбором, который просто была не в состоянии сделать. Я была не в состоянии убить даже мышь, не говоря уже о том, чтобы забрать жизнь у своего отца. Другое дело, что тогда умрет мама. Я это осознавала с пугающей отчетностью. Ей срочно нужна операция, но таких денег у нас не будет никогда, даже если я продам себя в рабство на 120 лет! Этих денег не было даже у моих знакомых: Тут я вспомнила об Андре. Андре: у нас нет каких-либо крепких отношений, чтобы я могла у него просить. А хотя, почему бы мне у него не попросить?

Я была как в лихорадке. Невольно потрогав собственный лоб, мне показалось, что у меня температура, но в тоже время, мои руки были холоднее льда.

Встав с кресла и взяв мобильный телефон, я набрала номер Андре. Там были долгие гудки, затем он взял трубку.

— Привет, детка! Как дела? Ты по мне скучала?

Я сегодня не была настроена на игривый тон:

— Андре! Я хочу встретиться.

— Отлично! Давай я позвоню тебе вечером, часиков в восемь.

— Нет! Я хочу увидеться сейчас.

Он молчал, на какой-то момент мне даже показалось, что он просматривает свой ежедневник, но конечно же, это была глупая мысль:

— Хорошо! Я не обедал, давай встретимся в кафе 'У Хорхе' через час.

— Отлично!

Я положила трубку и пошла переодеваться.

К кафе я подошла раньше времени почти на двадцать минут. Я была рада, что он выбрал кафе, а не ресторан. Потому как здесь готовили вкусный шоколадный пирог, а кроме того, публика была простой, дешевое платье и старые туфли не бросались в глаза.

Я зашла внутрь, заказала себе чай и села возле окна. Через двадцать минут его машина вырулила к стоянке и я увидела Андре, который что-то насвистывая шел внутрь. Я посмотрела на часы, было около полпятого, сукин сын был пунктуален как никогда.

Улыбаясь и светясь просто отменным здоровьем Андре зашел внутрь и осмотрелся. Тут же девицы сидящие недалеко от меня начали бросать на него томные взгляды.

Наконец он меня увидел и ленивой походкой направился ко мне. Я смотрела на его идеально отглаженные бежевые брюки и мне было тошно.

— Привет, красавица! Давно ждешь? — он улыбнулся и поправил волосы, я обратила внимание, что он только что из парикмахерской.

— Да не особо.

— Не знал, что ты такая страстная.

— Почему это?

— Что почему: почему не знал или почему страстная?

— Почему страстная?

— Да ты даже до вечера не дождалась! Я как это понял, чуть из штанов от радости не выпрыгнул!

Я смотрела на него и не понимала, то ли он меня разыгрывает, то ли и в правду думает что я при виде его вся горю.

— Гм: Из штанов говоришь! Сейчас ты точно выпрыгнешь из штанов. Я хочу попросить у тебя денег в долг. Мне очень нужно.

— Не вопрос, — он полез в бумажник, — Сколько тебе нужно?

— Тридцать тысяч долларов, — я почти прошептала.

Он уставился на меня так, словно я внезапно превратилась в зебру:

— Прости?

— Ты правильно меня расслышал. Мне нужно тридцать тысяч долларов. Вернее не мне, а моей матери. Ей нужна срочная операция, а у нас таких денег нет.

Он убрал кошелек в карман:

— Детка, если ты не знаешь, то объясню — я не фальшивомонетчик. Где я тебе достану таких денег? Это же огромная сумма!

— Знаю. Но еще я знаю, что у тебя денег больше чем я у тебя прошу. Поэтому обещаю, что моя семья будет тебе выплачивать эту сумму. Если надо, я найду еще работу и еще одну. Я все верну! Мне очень надо!

Мне хотелось заплакать, но я держалась. Он присвистнул:

— Тридцать тысяч, подумать только! Слушай, Мария, ты мне правда очень нравишься, но ты мне не сестра и не жена, как я могу дать тебе такую сумму?

Я нервно теребила пустую чашку из-под чая:

— В чем проблема, женись на мне, — после этих слов мне действительно стало очень тошно. Никогда раньше я так бессовестно не предлагала мужчине себя.

Кажется, мне второй раз за вечер удалось его удивить. Вид у него был дурацкий, но мне было плевать.

— Жениться? Мария, ты сама не понимаешь о чем ты говоришь? Как я могу на тебе жениться? Мы же разные люди.

— Когда ты меня трахал, ты так не считал.

— Детка, это был всего лишь секс. Люди часто встречаются, занимаются этим и расходятся. Они не парят друг друга проблемами, в том-то и прелесть наших отношений. Я думал, ты понимаешь это.

Видимо мои слезы ждали именно этих слов, потому что после этого, я уже не смогла остановиться. Он как клушка прыгал возле меня и не знал как успокоить. Он даже сходил за водой, но я плакала и не могла остановиться.

— Детка, ну не плачь. Вы обязательно что-нибудь придумаете:

Я вскочила и схватив сумочку выбежала из кафе. Он даже не попытался меня остановить.

Я долго бродила по городу, сидела в парке, кормила голубей, уже был вечер, но домой идти не хотелось. Дома мне встретиться вопросительный взгляд отца. Он ждал моего решения, но то что он просил я была просто не в состоянии сделать.

Наконец, я собралась с силами и пошла в сторону нашего дома. Проходя по улице, я увидела вчерашние розы, которые бросила на улицу. Они подвяли и их белые лепестки валялись вокруг напоминая куриные перья. Прохожие не обращали на них внимание и безжалостно наступали на них, втоптывая безвинные цветы в грязь.

Когда я зашла домой, то все были дома. Я боялась поднять глаза на отца, но он только чмокнул меня в щечку. Сегодня даже Оливия была дома. Я поднялась к ней в комнату и тихонько постучала в дверь.

— Войдите!

Она лежала на кровати с журналом в руке. На столике рядом с кроватью дымилась сигарета.

— Оливия, ты же знаешь, что маме не любит когда дома курят, — не удержалась я и открыла окно.

— Прости, я только пару затяжек сделала, — она спустила ноги и села на кровать. Я села рядом на старое кресло с вдавленной спинкой.

— Это ты прости меня, Оливия, что я цепляюсь. Просто я сегодня себя отвратительно чувствую.

— Дай догадаюсь. Поругалась с Андре?

Я вытаращила на нее глаза, так как считала, что про наш роман никто не знает. Видя мое лицо, она усмехнулась:

— Да не бойся ты, про это кроме меня никто не знает. Я просто случайно видела вас однажды вечером, когда вы подъезжали к его дому.

— А ты откуда знаешь где он живет?

Она смотрела на меня иронически подняв одну бровь. Так обычно взрослые дяди смотрят на детей, когда те спрашивают почему земля круглая.

— Да я там была пару раз. Он довольно милый!

Мне хотелось провалиться сквозь землю:

— О, Боже, ты тоже была с ним?

— Была и не я одна. Он из тех мужчин, которые постоянно ищут чувственных наслаждений. Он любит вкусно поесть, хорошо одеться, заняться сексом. А кто собственно это не любит? — тут она посмотрела на меня. — Только не говори, что ты ничего такого про него не знала?

Я молча покачала головой.

— Хотя, что я тебя спрашиваю! Ты же у нас синий чулок! Я еще удивляюсь, как ему удалось затащить тебя в свою койку. Хотя: Он красивый, богатый. Тут и монашка не удержалась бы!

Я сидела опустив лицо на руки. Она подошла и обняла меня:

— Мария! Знаешь, почему такие мужчины как он называют нас 'крошками', 'детками' и так далее.

Я покачала головой.

— Потому что у них на каждый вечер новая 'крошка' и рано или поздно можно в именах запутаться. А так, все довольны и каждая думает, что она для него особенная.

Такой философской мудрости от Оливии я не ожидала. И почему я думала о ней как об ветреной девчонке? Пока я билась на житейскими дилеммами, она постигала искусство общения с мужчинами. И судя по ее мудрости, то в жизненном институте она была профессором. Я же оставалась дурочкой, которая которую первый попавшийся пройдоха

обвел вокруг пальца, на раз-два-три затащив в койку.

Она взяла мой подбородок и заставила посмотреть себе в глаза:

— Не печалься, милая, это не самое худшее, что могло со мной произойти. Мой первый раз был в шестнадцать лет. Меня просто изнасиловали соседские мальчишки, а затем сбежали.

Я смотрела на нее и не могла поверить своим ушам:

— Оливия, почему ты ничего не рассказала!?

— А что бы это изменило? — она отвернулась. — В один день я стала старше на много лет. И с тех пор поняла, что не стоит доверять мужчинам. Именно поэтому, я научилась пользоваться ими и их деньгами. А за это разрешаю пользоваться собой. Моя душа принадлежит только мне, а тело: тело оно и не такое стерпит.

Я сидела как громом пораженная. Моя Оливия! Как я могла не видеть всего этого? Почему я замечала только ее дурной характер или то, что она что-то сделала не правильно? Почему не видела то, что происходит в ее душе?

Ответов у меня не было. Похоже, все люди сосредоточены только на себе.

Раздался стук в дверь. Потом в дверь зашла мама и молча села на кровать:

— Девчонки, вы что-то сегодня грустные какие. Посмотрите какой прекрасный был день! А какой сейчас вечер! Такого неба я сто лет не видела.

Мы все подошли к балкону и вышли на лоджию. Закат был и правда прекрасный. Он поднимался над вечерним небом розовой дымкой. Казалось, что там где горизонт, небо плавно перетекало в серую полоску гор. А на небе было разлито малиновое суфле — легкое и воздушное. Вечерний воздух почти очистился, он был не таким тягучим как днем. Днем он пах бензином, пылью и людским потом. Вечером же смог немного рассеивался и можно было вздохнуть полной грудью.

Мать обняла нас своими теплыми руками. Мы стояли молча, боясь нарушить красоту этого мгновения. Часто ли у нас были моменты, чтобы мы ни о чем не думали, а просто любовались небом? Наверное нет, но от этого эти минуты становились только прекраснее.

Вечером дул легкие ветерок и мы стояли прижавшись друг к другу и просто смотрели на бескрайнее небо, похожее на волшебника, который вытаскивает из мешка цветные платки — то черный, то бордовый, то дымчатый, то с синевой. Краски плавно перетекали одна в другую и уже сложно было сказать где какой цвет. Но это и создавало панораму бесконечного вечернего неба.

— Ну ладно, девочки, пошли домой! Нас ждет наш незамысловатый ужин!

Мы посмеиваясь гурьбой пошли на кухню. Отец смотрел баскетбол. Обычно, он делал это очень эмоционально. Но, сейчас, он просто смотрел на экран. Мне даже казалось, что он просто погружен в себя и ничего вокруг не слышит. Пока мама с Оливией накрывали на стол. Я подошла к отцу и села рядом. Его спина немного напряглась, поэтому я взяла его руку в свою. Мне хотелось дать ему понять, что я рядом, но в то же время, я не хотела слышать его вопросов.

— Как ты себя чувствуешь, папа? — тихо спросила я.

— Хорошо, дочка! Не волнуйся, у меня все в порядке, — сказав это, он жадно впился в меня взглядом. Его глаза были строгие и в то же время растерянные. Он хотел, чтобы я хоть как-то знаком дала ему знать о своем решении. Но я молчала. Я опустила голову ему на плечу и также как он стала смотреть баскетбол. Я смотрела и ничего не видела.

Было уже совсем темно, когда мы разошлись по своим комнатам. Я долго не могла

уснуть. Когда я уже почти стала засыпать, то услышала тяжелые шаги отца. Он остановился возле моей комнаты нерешаясь постучать. Я слышала как он тяжело вздыхал. На какой-то момент мне даже показалась, что я слышу как он плачет, но это наверное был просто какой-то ночной звук дома.

Отец долго стоял и не входил. Несколько раз, я порывалась встать и открыть ему дверь, но не смогла. Было уже около двух ночи, когда я услышала, как он шаркающей походкой идет себе в спальню. Когда дверь его комнаты закрылась, я чуть расслабилась и мгновенно уснула.

Утром мы с Оливией поехали на работу вместе. Я всю дорогу смотрела на нее. Мне очень хотелось обсудить с кем-то то что происходило с отцом и что он задумал. Но из вчерашней мудрой женщины, познавший жизнь, при свете дня Оливия опять превратилась в пустоголовую современную самку, которую кроме нарядов ничего не интересует. В итоге, когда мы подъехали к работе, у меня жутко заболела голова от обилия информации по наличию в магазинах тех или иных вещей, а также цен на них.

Я была ужасно рада, когда она пошла к себе, а я к себе. Зайдя в кабинет я включила свет. Розы еще не было. Я очень любила приходить первой и в тишине наводить порядок. Наш кабинет был очень просторным. На потолке висело четыре большие белые люстры. Еще большое количество мелких круглых светильников висело возле нашего зеркала.

Для работы требовалось много света, мы должны были видеть лицо человека, которому накладывали грим в малейших мелочах, потому что грим должен был быть безупречным. На сцене у ведущих также было много света, даже наверное еще больше чем у нас и если мы делали что-то не так, то это было видно невооруженным глазом. Мы были колдуньями, которые закрывшись в своем загадочном замке творили таинство. К нам приходили обычные люди, а выходили звезды экрана с красивыми лицами без изъянов. Наше мастерство было магией художника, который на чистом листе рисовал портрет. И именно от рук художника зависело то, что за человек выйдет из-под его кисти. Одно и то же лицо может быть разным: красивым, уродливым, брезгливым, сексуальным, скучным и так далее. Мы могли создать из ничего красоту, а красоту превратить в ничто. Мы были посвященными, которые знали тайны человеческого лика:

— Уф! Рамироса еще не было? — это была влетевшая как ураган Роза.

— Нет! Пока не заходил.

— Хорошо, — сказала она, кидая на стол свою сумку. — Чуть успела!

В этот момент дверь снова открылась и вошел Рамирос. Он прошел и тихо сел в углу. Мы молча смотрели на его грустное лицо.

— Рамирос, кого хороним? — сказала Роза.

— Никого.

— А чего тогда усы словно неживые висят?

— Я потерял ее: — он сидел опустив глаза.

— Кого ее? — не утерпела я.

— Лючию. Мою красивую девочку, нежную как бутон розы. Она бросила меня!

Мы просто не могли поверить собственным ушам. Такого, чтобы Рамирос переживал по поводу расставания со своей пассией еще не было. Он часто бросал женщин сам, а если бросали его, то всегда посмеиваясь говорил: 'Меньше слез, суше жилетка!'. А тут такое! Казалось, что мир перевернулся.

— Во дела? — Роза смотрела на него не в силах поверить. — Стареешь Рамирос! Становишься сентиментальным. А скоро на сериалах плакать будешь: Чего нос повесил? Ну бросила-бросила, а тебе твоя природная мужская смекалка на что? Где твои инстинкт преодолеть и завоевать? А?

— Нет, Роза! Тут безнадежное дело. Она меня никогда не простит.

Я подошла к нему и села на рядом стоящий стул.

— Расскажи, что случилось.

— Мы познакомились с ней неделю назад. Такую красивую женщину я не видел никогда, а видел я их многих. Когда она согласилась пойти со мной на свидание, я не мог поверить в собственное счастье.

Все было замечательно, но когда я пошел провожать ее домой, то она просто попрощалась и закрыла дверь. На следующий день мы опять встретились и все повторилось. Так было пять дней. В итоге, я не удержался и спросил ее в чем дело. А она сказала, что хотела узнать меня лучше. А то до этого ей одни бабники попадались. На следующий день, она должна была стать моей. Я волновался как школьник, повел ее в ресторан. А там назло встретилась одна моя бывшая, а потом еще одна, и еще одна и еще одна. Последняя устроила скандал называя меня: Ну ладно, это не важно! Моя голубка терпела, и ни слова мне не сказала. Вот только когда я провожал ее, возле двери она просила ее больше не беспокоить и захлопнула дверь.

Мы с Розой не выдержав смеялись. Первой от комментария не удержалась Роза:

— Как ты говоришь? Одна, и еще одна, и еще одна, и еще одна? Это фельетон какой-то!

Я смеялась впервые за много дней. Глядя на грустное лицо Рамироса и его поникшие усы, мне было еще смешнее. Видимо, накопившийся стресс выходил наружу, потому что я не могла остановиться. Уже даже Роза замолчала, а я все смеялась. Рамирос смотрел на меня своими темными глазами:

— Очень рад, что так тебя развеселил Мария! Всегда смейся над несчастьем других!

Я чуть отдышалась:

— Прости, Рамирос! Тут дело не в тебе! Это у меня нервный смех. Неделя была тяжелая вот и стресс накопился.

— А мне чего делать? Посоветуйте, вы ведь женщины!

Роза села на стоящий рядом стул и обняла его за шею:

— Купи ей цветы и скажи, что это все была ошибка! И что ты ею очень дорожишь! Что такой женщины ты не встречал, а может быть никогда не встретишь!

— И что? — он смотрел на нее недоверчиво. — Думаешь после этих слов она меня простит? Она тогда так хлопнула дверью и была такой злой, что я не думаю, что она простит меня.

— Ну надо же с чего-то начинать?

Он кивнул и поднялся.

— Ладно, спасибо! Пойду я. Сегодня будет не очень сложный день. Работы будет много, но никаких специфичных заказов нет. Так что, не сидите как клушки, а готовьтесь!

И он вышел.

— Видала, а? Ох, мужики! Чуть оклемался и опять туда же.

Я кивнула и принялась раскладывать свои палитры. Мне было жалко Рамироса, но серьезно его увлечение я не восприняла. Он влюблен до тех пор, пока она ему не отдалась. А как только она сделает это, то он как пчела опылив один цветок, полетит к другому. Я

задумалась, а что бы интересно было, если бы я тогда не переспала с Андре. Но чем больше я про это думала, тем больше понимала, что шансов у меня создать отношения с Дон-Жуаном у меня не было. Да и денег бы он мне не дал — моя девственность столько не стоила. Хмыкнув, я отбросила ненужные мысли и с головой нырнула в работу. Именно работа меня успокаивала, давала мне силы, учила жизни и делала сильной. Я чувствовала себя здесь на своем месте: я любила свою работу, моя коллега была моей подругой, а каждый следующий день был не похож на предыдущий.

Почти каждый день, мы кроме ведущих гримировали и других людей. У них у всех были разные характеры, разные внешности. Это было интересно и очень забавно. Больше всего мне запомнился случай, когда мы гримировали актеров для одного юмористического телешоу. По замыслу, они все должны были изображать индейскую деревню. Но из-за того, что главный по подбору актеров был итальянец, то почти все актеры были итальянцами. У них у всех были большие носы и выразительные глаза и еще они громко разговаривали и смеялись. И нам дали практически невыполнимую задачу — нужно было из этого мафиозного клана сделать деревушку мирных индейцев.

Мы с Розой трудились не покладая рук, но результатом руководство остались довольны. Они были в точности как племя индейцев. Но это было при условии, что они молчали. Как только они открывали рот, то учитывая обстановку и яркие костюмы, то они напоминали цыганский табор. Но, это была уже не наша проблема. Наша работа была сделана на высоте и домой мы уходили хоть и усталые, но очень счастливые!

Вот и теперь, нам предстояла сложная работа и мы были в предвкушении интересного занятия.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Наконец-то было около восьми вечера и наш рабочий день закончился. Мы с Розой так устали, что сил не было даже разговаривать. Она на прощанье махнула мне рукой и взяв сумку пошла домой. Я закрыла окно и осмотрев помещение вышла в коридор. Тут я увидела, как из одной двери выходит Андре. Он меня не видел. Я быстро нырнула обратно, закрыла за собой дверь и оперлась об нее спиной.

Я слышала как он вышел и пошел по коридору в сторону нашей двери. Перед дверью он остановился. Я старалась не дышать, чтобы не выдать себя. Он дернул дверь за ручку, но дверь была закрыта. Затем его шаги быстро прошли по коридору и я услышала звук закрываемой двери. Вздохнув, я вышла из кабинета и закрыла за собой дверь, а затем устало вышла на улицу.

Когда я вышла на улицу, то сначала остановилась, чтобы прийти в себя. Я пыталась понять, зачем я как школьница пряталась за закрытой дверью, но почему так вышло я не понимала. Скорее всего, мне было просто стыдно перед самой собой и поэтому я не хотела видеть этого человека. Нужно стать взрослой и сказать ему все в лицо, а не прятаться как заяц под кустом.

Пока я размышляла, передо мной остановился знакомый лимузин. Вышел охранник и открыв дверь жестом показал мне садиться. Я чувствовала себя очень уставшей, поэтому не пыталась бежать. Я забралась внутрь и уютно устроилась в кожаном кресле.

Наверное, я задремала, потому как проснулась когда дверь машина открылась и мне протянул руку Чаки. Он был неотразим — на нем была черная рубашка и светлые брюки, которые облегли его стройные ноги. Он протянул мне свою руку с массивной золотой

цепью на запястье. Я подумала, а потом вложила в нее свою и вышла из машины.

Он взял меня за руку и молча повел в дом. После сна я плохо соображала и поэтому послушно плелась за ним. Мы проходили через комнаты на первом этаже. В этой части дома я еще не была. Меня в очередной раз поразила королевская роскошь. Мы прошли через гостиную и очутились в столовой. Это была большая комната с узкими высокими окнами. На стенах были бордово-красные обои с тонким золотым рисунком. Потолок имел сложный свод, который уступами поднимался до высшей точки, где висела длинная хрустальная люстра, которая напоминала гроздь винограда. В центре помещения стоял стол из какого-то светлого камня. Это был очень длинный стол вытянутой овальной формы. Вокруг стола стояли стулья оббитые красным бархатом с золотой обводкой. Подлокотники у них были в виде волчьих морд. На столе стояли высокие толстые свечи. Я даже не сразу обратила внимание, что накрыт стол на две персоны.

Чаки показал мне рукой и мы подошли к столу. Я заметно нервничала. Он галантно подвинул мне стул и я тихо села на него. На столе стояла белоснежная посуда и хрустальные фужеры на золотых ножках. Официант налил нам вина, поставил каждому тарелку с рыбой запеченной на углях и тихо вышел закрыв за собой дверь. Все это происходило как мне казалось просто в могильной тишине. Чаки поднял свой бокал:

— Мария, я хочу выпить это прекрасное белое вино за тебя!

Я осторожно взяла свой фужер, он был очень тяжелым. Аккуратно чтобы не разбить произведение искусства я чокнулась с ним. Он пил вино пристально разглядывая меня. От его взгляда меня бросало в жар, я чувствовала как горят мои щеки.

Затем передо мной встала дилемма — я не очень хорошо умела пользоваться вилкой и ножом, а есть рыбу этими штуковинами мне казалось просто не под силу. От румяной рыбной корочки шел одурманивающий аромат, к тому же обедала я давно и теперь мой желудок урчал торопя меня. Я взяла в руки вилку с ножом и начала сосредоточенно ковырять рыбу. Под плотной золотой коркой было нежнейшее мясо, которое было просто не реально вздеть на вилку. Я была уже на грани отчаянья, как услышала голос Чаки:

— Никогда не понимал, как есть эту чертову рыбу. — он отложил вилку с ножом в сторону и взял рыбу в руки. — Так-то лучше!

После этого, ловко разделяя ее, он начал ее есть, при этом смешно облизывая пальцы. При этом он умудрялся еще и говорить.

— Я не всегда был богатым. Моя мать была обыкновенной прачкой, а отец умер совсем рано. Я как и большинство мальчишек из бедных районов рано повзрослел. Мне пришлось стать мужчиной и заботиться о матери и сестре. Денег часто не хватало, но один из соседей работал в рыбной лавке и хозяин в конце рабочего дня отдавал рыбу, которая уже была не очень свежей, он же делился с нами. Поэтому, когда уже повзрослел, рыбу я долго не мог есть. Каждый день, я мечтал о куске мяса, большом и сочном, чтобы когда вливаешься в него зубами, из него шел чуть жирный розовый сок, но это была непозволительная роскошь. Однажды, я проходил мимо мясной лавки и увидел как на столе для разделки мяса лежит небольшой кусок. Я смотрела на него как замороженный. Затем схатив его я побежал. Сзади слышались крики мясника и топот ног, но я был очень выносливым и хорошо знал город. Я долго петлял по узким улочкам, пока сзади все не стихло. От бега и палящего солнца у меня кружилась голова, но я этого не замечал.

Я смотрел на мясо, оно было ярко красного цвета с белыми жилами, а мои руки были в крови. Затем я отправился на окраину города. Там у нас было место, где мы иногда

собирались с другими соседскими мальчишками. Сейчас был день и там никого не было. Я разжег огонь и взял старое ведро, а потом поставил варить кусок мяса. Готовить я никогда не умел и не знал сколько оно должно вариться. Помню, что где-то через час, я вытащил его и съел почти полусырым. От непривычки есть тяжелую пищу и от того, что мясо было сырым, мне стало плохо. К тому же, добавился стыд за то, что я не поделился с сестрой и матерью. Всю дорогу меня мутило и рвало. А когда, я пришел домой, то потерял сознание. Позже мать сказала, что я был три дня словно в лихорадке.

Я внимательно смотрела на него, как будто видела в первый раз. Теперь он уже не казался мне таким уж грозным и злым. На его лице была написана боль и тяжесть воспоминаний. Он был таким же как и все остальные — человеком, которого жизнь не всегда баловала. Я отложила свои столовые приборы и взяла рыбу в руки. Сначала мне было неловко, но потом я расслабилась и просто наслаждалась нежным вкусом.

Мы сидели друг напротив друга перемазанные и посмеивались.

— Знаешь, Мария, ты сейчас похожа на чумазого поросенка.

Он поднял большую крышку стоящего рядом блюда и сунул мне ее как зеркало под нос. В искаженном отражении я увидела свой непропорционально вытянутый большой нос и лицо перепачканное рыбой. Я вытерла лицо салфеткой и продолжила есть. В это время услышала:

— Хрю-хрю! — он крикнул это смешно выдыхая воздух через нос, отчего получилось очень похоже.

Я засмеялась и схватив длинный рыбий хребет запустила в него. Он явно не ожидал от меня такой прыти, но быстро пришел в себя и запустил в меня круглой хлебной булкой. Булка стукнула меня прямо в лоб. 'Ну, погоди!', - подумала я и как будто без чувств свалилась под стол.

Я слышала как он смеялся. А затем смех внезапно утих и он подбежав ко мне склонился. Я лежала не открывая глаз. Он легко гладил меня по щекам:

— Мария! Ты в порядке?

Я продолжала изображать неподвижность:

— Мария, я вижу как дрожат твои ресницы, а это значит ты претворяешься. Если ты сейчас же не встанешь, я окачу тебя газировкой из графина!

Услышав такое я вскочила на ноги. Он стоял рядом сверкая белизной зубов.

— Ты хорошая актриса! Я даже на мгновение поверил, что ты лишилась чувств.

Он погрозил мне пальчиком и поправил мои растрепавшиеся волосы.

— Больше так не пугай меня!

Я пожала плечами и пошла по комнате якобы разглядывая картины. Это была какая-то графика. К сожалению, художника я не знала, но работы были потрясающие в своей точности.

Он стоял возле окна и курил.

— Хочешь, я покажу тебе дом?

Я неопределенно кивнула. Он подошел и взяв мою руку в свою, повел меня по своему дому. Здесь было сорок две комнаты включая гостиную и холл, а также тренажерный зал, крытый бассейн с сауной, бильярдная, зимний сад и еще много чего. От обилия ярких цветов и дорогих вещей кружилась голова. Всю дорогу Чаки не переставая рассказывал что либо про находящиеся здесь вещи. Большая часть мебели была куплена на аукционах по всему свету, а многим вещам, таким как картины, статуэтки и вазы позавидовал бы

национальный музей. Наконец, мы поднялись на пятый этаж. И прошли в дальнюю комнату. Дверь в нее была бронированной. Когда мы туда зашли, то я поняла, что это была спальня Чаки. От всего великолепия, я которая всю дорогу пыталась держаться и делать вид, что всё это великолепие мне не в диковину открыла рот. Комната выходила на одну из башен и поэтому большая часть ее была круглой формы. Одна стена была полностью покрыта стеклом, через которое открывался очень красивый вид на сад и бассейн. Стены были покрыты какой-то шелковой тканью благородно-синего цвета с выбитым рисунком в виде длинных стеблей каких-то растений. Вся мебель была белого цвета с позолотой. В углу стояла большая кровать с балдахином. На ней валялось множество подушек. 'Совсем как у Андре', - подумала я и эта мысль привела меня в себя. Я поняла, что стою рядом с кроватью в спальне мужчины, а сзади меня бронированная дверь.

Чаки подошел ко мне, я невольно дернулась в сторону. Он начал гладить меня по волосам, говоря что-то успокоительное. 'Наверное так, он приручает лошадей', - пронеслось у меня в голове.

Затем он взял меня за руку и повел из комнаты. Я вздохнула с облегчением.

— Идем, я покажу тебе сад.

Я готова была смотреть хоть зоопарк, лишь бы уйти подальше от этой кровати гигантских размеров.

И мы снова пошли по длинным коридором. Когда мы проходили, то я чувствовала на себе пристальный взгляд охранников. Все они были крепкого телосложения, у многих я видела на руках шрамы. Я внимательно всматривалась в их лица, пытаюсь запомнить.

Мы вышли из дома и медленно пошли по уже знакомой дорожке с сторону сада. Двое из охранников следовали за нами на почтительном расстоянии. Все это меня ужасно нервировало, в итоге Чаки что-то крикнул им и они отстали, издали кидая на меня недовольные взгляды.

Мы шли по дорожке совсем рядом и я могла даже чувствовать его запах. У него был легкий одеколон с дубовыми и цитрусовыми нотами. Я подумала, что этот запах ему идет — он какой-то пряный, но не навязчивый.

— Расскажи про себя Мария!

Я пожала плечами:

— Мне особо нечего про себя рассказывать. Ничем выдающимся я не отличаюсь.

— Ну тогда расскажи что ты любишь, а что ненавидишь.

После его слов я задумалась. Никто никогда раньше не задавал мне таких вопросов.

— Даже и не знаю что сказать: Люблю своих родителей, Оливию, — я пристально посмотрела на него, он сделал вид что занят разглядыванием травинки, которую всю дорогу тискал в руках. — Люблю свою работу, читать книги, летний дождь, запах горячих ванильных булочек, смотреть как садиться солнце, слушать Моцарта.

— Белые цветы, — улыбаясь добавил он.

— Да и белые цветы.

— А ненавидишь?

— Ненавижу предательство, лесть, скуку, болезнь близкого человека, — мне хотелось сказать что я его тоже ненавижу, что он испортил моей сестре жизнь, но почему-то не смогла. А еще ненавижу скрежет металла по стеклу, а также мокрые туфли.

Он откинув голову засмеялся:

— Ты потрясающая девушка, Мария! — его черные цыганские глаза весело смотрели на

меня. Я смущаясь отвернулась. — А сейчас я тебе кое-что покажу.

Мы подошли уже к саду. Сначала ничего такого мне в глаза не бросилось, но когда я увидела, то от удивления выпучила глаза:

— Не может быть! — не веря я смотрела на цветы, все они были белого цвета. Здесь были и белые гвоздики и розы, пионы, лилии, а также множество других цветов названия которых я не знала.

— Может! Еще как может! — сказал Чаки хитро улыбаясь. — Когда ты сказала, что любишь белые цветы, я дал команду садовникам и за выходные они пересадили сад полностью. У меня прямые поставки из Голландии, так что я позвонил и мне привезли множество белых цветов. Садовники потратили почти два дня высаживая их. А теперь ты видишь результат!

Он обвел сад рукой. Я все еще не могла поверить. Все еще оглядываясь по сторонам, я пошла по дорожке среди благоухающих белоснежных цветов различной формы.

— Это чудо! Почти как Алиса в стране чудес. Только там розы красили в красный цвет, а тут они все белые!

— В следующий раз, когда ты придешь ко мне в гости, я познакомлю тебя с главным садовником. Расскажешь ему что еще ты любишь!

Я почувствовала как краснею от смущения. Этого человека я должна была ненавидеть всеми фибрами своей души, но я не могла. Лелеять ненависть было легко сидя у себя в комнате и не зная какой он, но после того как мы познакомились немного ближе, я увидела, что он такой же человек как и все. Но как же быть с тем что было с Оливией? Я терялась в вопросах и ответах, поэтому решила потом подумать над этим.

Чаки нарвал белых пионов и протянул их мне. Я сначала не хотела брать цветы, еще помня судьбу предыдущих, но потом увидела его взгляд. Меня поразила робость и желание сделать мне приятное, поэтому я не удержалась и поблагодарив взяла их.

В это время Чаки посмотрел в сторону солнца. Оно уже начало садиться и его красный диск завис далеко над горизонтом.

— Я знаю, что тебе завтра на работу, поэтому не хочу задерживать тебя.

Мы пошли в сторону дома по дорожке. Он всю дорогу был задумчив, я тоже старалась не нарушать нашего молчания.

Когда мы подошли, он свистнул одному из охранников и отдал ему распоряжение подавать машину. Охранник по внутренней рации что-то передал, а потом отошел на почтительное расстояние.

Мы стояли друг напротив друга. Чаки был серьезен.

— Мария, я бы очень тебя просил об одной услуге.

Я сразу напряглась. По моей спине прошел какой-то противный холодок. Ах вот в чем подвох! А я тут голову ломаю, чего это он меня так обхаживает!?

— Я слушаю.

— Завтра я приглашен на один ужин и очень прошу тебя составить мне компанию! После работы за тобой заедет шофер и привезет тебя сюда. Все будет очень пристойно, этот вечер устраивает один крупный нефтяной магнат, будут все лучшие люди города с женами. А потом тебя увезут домой.

Я молча изучала его лицо, пытаюсь разгадать что же на самом деле он хотел этим сказать.

— А если я скажу нет?

Он тяжело вздохнул:

— Тогда придется самому тащиться на этот скучный вечер и есть омаров под звуки классической музыки. Скорее всего умру со скуки!

Я рассмеялась:

— Хорошо! Но у меня есть некоторое условие.

Чаки радостно закивал:

— Все что скажешь!?

— А если я скажу, что пойду только если ты оденешься в костюм человека-паука? — я не могла скрыть свой смех.

Он улыбаясь почесал за ухом:

— Тогда, придется отправлять Родриго в магазин карнавальных костюмов.

Мы улыбаясь смотрели друг на друга.

— Хорошо, я пойду.

Он хлопнул в ладоши и легко подняв меня за талию, начал кружить вокруг.

— Ты не пожалеешь! А как только надоест, мы сбежим, ок? А что за условия?

— Как только я попрошу, ты меня отвезешь домой.

— Ок! — улыбаясь кивнул он.

Наконец он поставил меня на место:

— Завтра после работы будь готова, платье и туфли я тебе приготовлю.

Я попыталась что-то лепетать, но он ладонью закрыл мой рот.

— Ничего не говори! Все будет отлично!

В этот момент подъехала машина. Это был тонированный Мерседес черного цвета. Чаки открыл мне дверь и подал букет. Я села на заднее сиденье. Он наклонился и подмигнул мне:

— До завтра, Мария!

Я кивнула ему не сдержав улыбку и машина плавно поехала.

Как мы доехали до дома, я не помнила, потому как всю дорогу мои мысли витали где-то в облаках. Когда машина выехала на нашу улицу, было уже темно. Я решила, что никто ничего не увидит и поэтому попросила водителя остановиться возле нашего дома.

В доме света не было и я тихонько открыла дверь ключом. Я уже почти прошла кухню, как увидела силуэт отца на фоне окна:

— Папа! — я остановилась и отложила букет, — Ты почему сидишь в темноте?

Я протянула руку, чтобы включить свет. Он остановил меня:

— Не надо! — затем спокойнее. — Не надо, не включай! Так лучше!

Я подошла к нему и пододвинув табуретку села рядом.

— Это тебя твой парень привез? — свет от окна падал на его лицо, делая все черты очень острыми.

— Нет, это знакомый, ничего такого.

— Понятно, — отец взглянул в сторону букета. — Когда я был молодым, то тоже дарил цветы твоей матери. Она очень их любила. Она тогда много выступала и всегда, сколько бы не подарили цветов, забирала их домой. Я даже шутил, что если открыть цветочную лавку, то можно стать богачом, — он тяжело вздохнул. — Как видишь богачом я не стал.

— Не надо, папа! Разве это главное?

— Нет, это не главное. Ты прости меня дочка, что я старый дурак тебя тогда об: помощи попросил. Я думал только о себе. Я не думал о том, какого будет тебе остаться жить с этой

ношей. В конце концов, я мужчина и поэтому сам должен решить ситуацию. Я все сделаю сам!

Я взяла его руки в свои:

— Папа, у меня есть идея! Я прошу тебя не торопиться, я добуду деньги!

Он качал головой:

— Не успокаивай меня, Мария, я же не мальчик! Таких денег нам не найти! Я все равно умру. Не хочу чтобы моя смерть стала бессмысленной! Как же я вас с ничем оставлю? Я так не могу!

— Да нет же! Папа, я не успокаиваю тебя, я и правда знаю выход! Пообещай мне ничего не предпринимать и я все решу. Ладно?

Я заглянула ему в глаза. Они были недоверчивые, но в них мелькнула надежда.

— Хорошо, дочка! Я тебе обещаю подождать. Но ты учти, что времени у меня не много.

— Не говори так! Мы вылечим и маму и тебя. Обещаю!

По его щекам покрытым жесткой щетиной текли слезы.

— Спасибо тебе дочка! Спасибо!

— Вот и хорошо, папа! А теперь ложись спать, тебе нужно набираться сил. Впереди у нас куча дел!

— Ты иди, а я еще посижу! Сегодня красивое небо. Я хочу его запомнить именно таким.

Я поцеловала его и на цыпочках пошла в свою комнату. Обернувшись я снова увидела его силуэт. 'Как же он постарел!' — пронеслось в голове.

В комнате я достала из шкафа вазу и наполнив ее водой поставила туда цветы. Эта ваза у нас была еще давно, но цветов у нас не было и поэтому ее мы не пользовались. Она годами пылилась в шкафу и я каждый раз убираясь переставляла ее с места на место. А сегодня она мне пригодилась.

Я искупалась и расчесывая волосы села на край кровати. В окно падал свет от луны и его бледные лучи отражались от больших роскошных лепестков пионов. От их запаха в комнате стоял ни с чем не сравнимый дурманящий аромат.

'И почему я раньше думала, что не люблю цветы?' — подумала я. Когда я смотрела на этот букет, то почему-то чувствовала себя абсолютно счастливой. Мне даже захотелось петь. Но я вспомнила, что через стенку спят мама с Оливией и поэтому вовремя закрыла свой рот.

'Надо бы ненавидеть его:', - улыбаясь, подумала я смотря на цветы, и погрузилась в глубокий сон.

Утром я проснулась от звука будильника. Сначала события вчерашнего дня показались мне сном, а затем я все вспомнила. А также про свое обещание посетить сегодня одно мероприятие. Эта мысль окончательно разбудила меня и я подскочила как ужаленная.

После душа я начала судорожно собираться. Я вытащила из шкафа весь свой нехитрый гардероб и молча уставилась на него. Раньше меня совершенно не волновало что и какого цвета на меня одето. А сегодня, я почти в первый раз посмотрела на свой нехитрый скарб трезвыми глазами. Вещи были неплохие, но не модные. Я вспомнила яркие блузки Оливии, и пошла к ней в комнату.

Она сидела перед зеркалом и делала прическу.

— Оливия, мне нужна твоя помощь!

— Какая? — в это время она продолжала укладывать локоны.

— Я хочу попросить у тебя что-нибудь одеть.

Оливия пристально посмотрела на меня:

— А чего бы ты сама хотела?

Я не знала:

— Ну что-нибудь красивое, но не кричащее. Спокойное и в тоже время благородное. Ах, да, и чтобы видно не было что я вырядилась!

— Подумать только! Я думала, что земное тебя не интересует.

Она встала и открыла свой шкаф. Меня буквально ослепило от ярких расцветок.

— Боже! А чего поспокойнее у тебя нет?

— Ну, знаешь!? Бери, пока дают!

Я перебирала вещи руками, но все что я видела не соответствовало мне и моему стилю. Наконец, в самом углу, я увидела прямое с поясом платье бледно розового цвета с кружевом по подолу. У него из кружева также было оформлено горлышко в виде стойки.

— Вот это я возьму!?

— Боже! Ты, что в деревню едешь что ли? — Оливия подняла свои красивые брови.

— Почему в деревню?

— Да это платье я сто лет назад выбросить собиралась, но все как-то жалко было. Его мне купил один из бывших поклонников. На мой взгляд, абсолютно не стильная вещь! Так что, если тебе оно нравится — дарю!

— Спасибо! — я поцеловала ее в щечку и побежала в свою комнату.

У нас с Оливией был одинаковый размер и платье сидело на мне идеально. Я расчесала волосы и нанесла легкий макияж в нежно-розовой гамме. Осмотрев себя в зеркало, результатом я осталась довольна! Я выглядела мило, но в тоже время вполне прилично для работы.

За завтраком я почти ничего не слышала и отвечала невпопад. В итоге мама спросила меня:

— Мария, у тебя все в порядке? Ты сегодня какая-то другая!

— Все в порядке, мама, просто мы с Оливией на работу торопимся.

Оливия посмотрела на часы:

— Мама миа! Пошли быстрее, иначе опоздаем!

Мы выскочили из дома и быстрым шагом пошли в сторону остановки. В это время, сзади нас подъехал черный Мерседес и посигналил.

— Кто это? — Оливия во все глаза пыталась рассмотреть кто там внутри.

— Все нормально. — я подошла к машине. Из машины вышел вчерашний водитель, который отвозил меня к Чаки. Я вспомнила, что его звали Денни.

— Доброе утро, мисс! Хозяин велел отвезти вас на работу. — он открыл нам дверцу и мы сели внутрь.

— Теперь я буду каждый день отвозить и забирать вас. Запишите мой номер телефона, иначе мне придется долго ждать.

— Хорошо, — сказала я и полезла в сумку за ручкой.

— Кто это и чья это машина? — прошептала мне Оливия.

Я не знала как ей сказать и поэтому сделала вид, что пишу номер. Она крепко сжала мне руку:

— Мария, отвечай! Чья машина и что здесь происходит?

— Тихо, — я перешла почти на шепот. — Успокойся, все нормально. Это машина Чаки, а это его шофер.

— Успокойся! — Оливия покрылась красными пятнами. — Ты совсем что ли спятила? Забыла как они меня на днях изнасиловали?

— Тихо, не кричи! Я все помню, но мне сейчас тяжело тебе все объяснить. Я обязательно это сделаю, но давай не сейчас!

Она больно сжала мне руку:

— Я не узнаю тебя, Мария! Что с тобой? Ты что не понимаешь что ли, что он за человек? Он же упырь! Он кровь пьет людскую!

— Оливия, — я попыталась ее успокоить, — не волнуйся так! Все не так страшно! Ты просто кое-чего не знаешь:

— Чего я не знаю? — она попыталась успокоиться и закрыв глаза откинулась на спинку кресла. — Я знаю одно, кто попадает к нему в лапы, живой оттуда не уйдет.

Она открыла глаза и посмотрела на меня так, что мне стало жутко.

— Не играй с огнем, девочка! Это пламя спалит тебя как мотылька!

В это время мы подъехали к работе. Оливия не оборачиваясь вышла из машины и пошла в здание. Я отдала водителю записку со своим номером телефона и побежала за ней.

— Оливия! Оливия! — я чуть догнала ее перед дверью ее кабинета. — Я знаю как это выглядит со стороны, но ты не волнуйся за меня! Я тебе не могу рассказать, но я хочу попросить у него денег на операцию для мамы.

Она смотрела на меня так, как родители смотрят на глупое нашкодившее дитя:

— Не продавай себя, Мария! Даже за такие большие деньги! Мама не выдержит, когда узнает что это за деньги и какой ценой они тебе достались! Хватит нам в семье одной шлюхи!

Она повернулась и зашла в кабинет. Я поплелась в свой, пытаюсь унять дрожь в руках.

Роза была уже на месте, рядом с ней сидел грустный Рамирос и без энтузиазма жевал чипсы.

— Привет всем! — я прошла и положила свою сумку на стол. Роза и Рамирос уставились на меня.

— Боже, Мария, ты сегодня чудо как хороша! — Роза обошла вокруг меня. — И это платье тебе очень идет! Правда, Рамирос?

Рамирос все еще чужая чипсы сказал:

— Ага.

— Ага, — Роза изобразила его мультяшным голосом. — Ага, это все что ты можешь сказать?.. Эх, мужики, все-то ты только о себе думаете! Только свои проблемы и видите!

— Ну почему, я же сказал красивое платье и ей правда идет!

— Как ты это сказал, можно было бы вообще ничего не говорить! — Роза обняла меня. — Не обращай на него внимания, он тут все по своей крошке сохнет. Представляешь, она отлупила его его же букетом! — Роза от души рассмеялась. — Слушай, Рамирос, ты с точки зрения безопасности, ей в следующий раз розы не дари!

Я тоже невольно улыбнулась видя кислую мину своего начальника.

— Что, Рамирос, цветы не помогли?

Он тяжело вздохнул и опять стал жевать:

— Нет! Я же говорил, она меня не простит! Она меня еще со своего крыльца выкинула, у меня теперь на заднице синяк размером с футбольное поле.

— Как это она тебя выкинула? — Роза встала напротив него уперев руки в свои тугие бока. — Ты бы подхватил ее на руки, закрыл бы ей рот поцелуем и тащил бы в койку. А там

уж разбирались кто на кого обиделся.

— Как бы ни так! Она у меня с характером, так в глаз даст, потом костей не соберешь!

Мы недоверчиво смотрели на него.

— А у тебя ее фото есть? — спросила я.

— Ну да! — он вытер руки об и без того грязный платочек и засунул его обратно в карман. Потом аккуратно раскрыл бумажник и двумя пальцами достал оттуда фото. Мы втроем склонились над ним. Первой опомнилась Роза:

— Да, Рамирос! Я ее представляла себе несколько иначе. Это же Сталонне в юбке.

Я смотрела на фото. На ней стоял улыбающийся Рамирос, под ручку с высокой крашенной блондинкой с ростом под два метра.

— Она у тебя ни гренадером случайно работает, — спросила я.

Он погладил фото:

— Она у меня работает в полиции. Так что, я ее даже побаиваюсь.

Роза отошла и начала раскладывать свои палитры.

— Рамирос, ее боюсь даже я! Ты уверен, что она тебе нужна? Ты тут хорошо подумай, потому как если ты загуляешь и она про это узнает, она прихлопнет тебя одной рукой!

— Кроме нее мне не кто не нужен, — уперся Рамирос. — Работали бы вы! День уже начался, а они все лясы точат, вот лишу вас премии, узнаете!

Он поднялся и кинув пакет из под чипсов в урну, вышел из комнаты. Мы смотрели ему в след.

— Мужика как подменили, — качала Роза головой.

Затем мы начали работать и день как всегда полетел незаметно.

Наконец ближе к вечеру нам выдался перерыв и мы сели пить чай. Роза хлопотала возле стола, раскладывая свою выпечку:

— Вот попробуй, это ореховое печенье по рецепту моей мамы. Я его с детства очень люблю! Если бы не боялась поправиться, ела бы на завтрак, обед и ужин!

Я взяла одно печенье и откусила его. Вкус действительно был божественным.

— И правда, очень вкусно! — я смотрела как Роза села и начала пить свой чай. — Слушай, а что ты знаешь про Чаки?

Она вопросительно посмотрела на меня:

— Про Чаки? Да ничего особенного. Не больше и не меньше других. Вырос он на улице сам из бедных. Деньги сделал на наркотиках и перепродажи валюты. Сейчас он большая шишка и занимается бизнесом. Но, поговаривают, что он деньги на оружии делает. Он прикормил все правительство и те имея свою долю покрывают его. А он их кормит с руки. Еще слышала, что жестокий он, но справедливый. Те кто работают на него, почитают его как бога. А тех кто не почитают, потом находят на окраине в канаве. Полиция быстро списывает это на ограбление, но все знают почему они находятся там. А почему ты спрашиваешь?

— Так, просто!

Роза посмотрела на меня своими карими с дымкой глазами:

— Мария, я не знаю что ты хочешь, но не шути с такими людьми! Они юмора не понимают.

— Да нет же! Роза, не обращай внимания, я просто спросила.

Дальше мы болтали о пустяках — о погоде, об очередном повышении цен, об планах на выходные и так далее. Не смотря на то, что я слушала Розу и отвечала, мои мысли кружились вокруг ее слов. Я понимала, что она права, но я уже вступила на скользкую дорожку и мне

нужно было идти до конца! Тем более, что в глубине души я ловила себя на мысли что он мне нравится. И именно эта мысль страшила меня больше всего!

Вечером я набрала номер водителя и сказала, что выхожу через полчаса. Роза уже ушла и я воспользовалась случаем, чтобы привести себя в порядок. Я смыла косметику и расчесала волосы. Затем я внимательно рассмотрела себя в зеркало, а потом начала привычными мазками наносить тени и румяна. Когда я выходя бросила взгляд в зеркало, то осталась своей работой довольна. Выключив свет, я пошла напевая по коридору.

На встречу мне шел Андре. Увидев меня, он раскрыл рот и молча уставился на меня. Мне было смешно смотреть на его вытянутую физиономию. Проходя, я пальцем закрыла его челюсть и напевая легкой походкой пошла в выходу. Сзади я чувствовала изумленный взгляд Андре.

Раньше я бы никогда такого не сделала, но теперь как будто что-то в меня вселилось. Я чувствовала как быстро бьется мое сердце и как кровь бежит по жилам. 'Я живая, черт возьми!', - подумала я садясь на кожаное сиденье Мерседеса.

Машина легко набирая ход поехала. В зеркало заднего вида мне улыбался водитель. Я чувствовала себя кинозвездой!

Когда мы подъехали к дому Чаки, то я увидела его издалека. На нем был белый фрак и белая бабочка. Он стоял на террасе потягивая коктейль. Возле его ног лежали две собаки. В этот момент мне ужасно захотелось взять кисти и нарисовать его. Он был очень красив. Но красив как-то по-своему. Так красивы бывают дикие звери. Есть в них что-то неукротимое, животное и в тоже время опасное. Все это было в Чаки! Мое сердце сжалось, я почувствовала легкое головокружение.

Машина подъехала и он открыл мне дверь. Когда я выходила, то кожей ощутила тепло его руки. А также его запах, который почему-то пьянил меня.

— Мария! Ты сегодня как всегда прекрасна! Но я имел смелость, купить для тебя платье! Я очень прошу надень его!

Он повернулся и крикнул одного из охранников. Тот повел меня в дом. Мы поехали на лифте на пятый этаж в одну из комнат. Охранник оставил меня и вышел ждать в коридор. Я поняла, что эту комнату приготовили к моему приходу. Здесь обстановка была не такой роскошной, но было очень уютно. Кругом стояли цветы и лежали вязанные салфетки.

Я прошла и увидела на кровати коробку с большим бантом. На коробке было написано Gucci. Как ребенок на рождество я аккуратно развязала бант и открыла коробку. В ней было скромное на вид черное платье, которое плотно облегалo фигуру. Но на спине был глубокий вырез, почти до ягодиц. Рядом с кроватью я увидела еще одну коробку. В ней были золотистые босоножки. Я одела все и с удивлением посмотрела на себя в зеркало. Ничего подобного я не то что не носила, но и не мерила, поэтому с удивлением рассматривала себя в зеркало. Оказывается я могла быть очень даже красивой!?

На кровати также лежал золотой клатч. Взяв его, я переложила в него вещи из своей сумки. Затем я аккуратно повесила свои вещи на стул и вышла из комнаты. Краем глаза, я увидела изумленный взгляд охранника. 'Так-то лучше!' — подумала я и стараясь не шататься на высоких шпильках пошла с ним рядом.

Когда мы подошли к двери из дома, я немного оробела, но затем взяла себя в руки и вышла. Чаки стоял ко мне спиной. Услышав мои шаги он обернулся и буквально впился в

меня взглядом. Мое сердце также готово было выпрыгнуть из груди. Он поставил свой бокал на перила и подошел ко мне.

— Мария, — он поцеловал мою руку, — ты прекрасна!

В его глазах я видела страсть, но в тоже время он оставался серьезным.

Я неуверенно забрала свою руку из его рук:

— Знаешь, я бы не отказалась чего-нибудь выпить, а то, боюсь, что трезвая я упаду с этих каблуков и разобьюсь вдребезги!

Чаки хмыкнул:

— Начало мне нравится! Если женщина хочет выпить, это хороший знак!

Он щелкнул рукой и мне принесли шампанское. Я пытаюсь скрыть дрожь в руках повернулась к нему спиной. Потом вспомнила, что та у меня голая практически до самой попы, опять повернулась к нему.

— Итак, мы едем?

Он смотрел мне в глаза:

— А ты хочешь?

Я пожала плечами:

— А к чему тогда весь этот маскарад?

Он повернулся и крикнул:

— Родриго, подавай машину, мы едем!

И все вокруг пришло в движение. Ко входу подогнали два джипа и лимузин. Мы сели в лимузин, охранники сели в большие джипы и мы поехали. Внутри машины, Чаки открыл бар и взяв бутылку шампанского открыл ее. Когда он протянул мне бокал, я сначала засомневалась, но потом решила, что немного алкоголя мне не повредит и послушно начала пить его маленькими глотками. Чаки тоже пил, обняв меня одной рукой. Вторая рука поглаживала мою обнаженную спину. Я старалась делать вид, что этого не замечаю.

Наконец, машины подъехали к воротам какой-то огромной виллы. Перед воротами в которую уже стояло множество машин, самых различных марок. Наш лимузин пропустили сразу и мы заехали внутрь.

Внутри перед большим особняком была огромная лужайка залитая светом, на которой стояли накрытые столы и суетились официанты разнося шампанское и закуски. Чуть в стороне сидел небольшой оркестр и наигрывал легкую музыку. Нарядно одетые гости вальяжно ходили общаясь между собой.

Мы вышли из машины и тоже пошли к лужайке. Многие здоровались с Чаки и хотели с ним поговорить, но он только кивал в ответ, а сам же вел меня к столам. В итоге мы подошли к длинному фуршетному столу. Чаки взял тарелку и протянул ее мне:

— Мария, тебе обязательно нужно поесть! Ты после работы, а потом еще шампанское! Бери что тебе нравится!

Он взял еще одну тарелку и чтобы хоть как-то простимулировать меня начал накладывать себе тоже. Я видела, что есть ему не хотелось. Тем не менее, мне интересно было наблюдать как он героически запихивает в себя канапе с икрой и семгой. После этого начала тоже понемногу набирать себе еду и я. И только когда я начала есть, то поняла насколько была голодна.

Чаки посмеивался над моим волчьим аппетитом и даже начал подкладывать мне какие-то салаты. К нам подошел чуть лысоваты мужчина, который сильно потел и поэтому не переставая утирал себе лоб большим платком.

Он стоял чуть поодаль, не зная как начать разговор. Наконец, Чаки сделал вид что заметил его и кивнул.

— Мария! Ты тут пока отдыхай, я скоро подойду! Если чего будет нужно, спроси у официантов!

Я кивнула и даже попыталась улыбнуться. Он развернулся и пошел куда-то за мужчиной.

В итоге мне надоело стоять и я уже чувствовала себя достаточно сытой, чтобы не лопать все подряд. Тогда я взяла фужер шампанского и медленно направилась в самую гущу гостей. Надо сказать честно, что пить мне совсем не хотелось. Тем не менее, я взяла бокал, так как просто от нервов не знала куда девать свои руки.

Я медленно шла через лужайку. Гости разбивались на небольшие группы что-то обсуждая и смеясь, при чем все гости переходили от одной группы к другой и поэтому там наблюдалась такое броуновское движение. Из всех присутствующих я никого не знала, поэтому просто слонялась вокруг теребя бокал.

Мои высокие каблукки постоянно вязли в густой траве, к тому же я смертельно устала. Поэтому выйдя с лужайке я пошла по дорожке вокруг дома, надеясь найти хоть что-то отдаленно похожее на скамейку, сказать по-правде я с непривычки так устала на высоченных шпильках, что согласилась бы и на пенек.

Дом вокруг которого был организован прием, представлял собой двухэтажное здание вытянутой формы. Он был сделан из бежевого песчаника и поэтому очень выигрышно смотрелся на фоне буйной растительности. Со всех сторон его окружали пальмы, которые стояли величественно раскинув свои широкие ветви, покачиваясь от легкого ветерка.

За домом я увидела беседку, которая стояла на берегу импровизированного пруда. Я зашла в беседку и села на одну из скамеек, сняв босоножки и вытянув уставшие ноги. Бокал от допитого шампанского я кинула в пруд. От усталости я застонала и закрыла глаза.

— Вот уж не знал, что русалки так не любят шампанское.

От этих слов я буквально подпрыгнула на месте. Я обводила глазами вокруг, но из-за темноты никого не было.

— Кто здесь? — испуганно сказала я.

— Одинокий призрак, покой которого вы потревожили, — ответил мне веселый голос.

Я встала и после долгого рассматривания увидела высокого мужчину. Он стоял с другой стороны беседки в самой ее тенистой части. С моего места его было совсем не видно, так как на меня падал свет. Увидев его я немного испугалась:

— И часто вы пугаете людей? — раздраженно спросила я. — Хорошо, что у меня сердце не слабое, а то уже слегла бы с инфарктом.

— Не бойтесь, я очень хорошо умею делать искусственное дыхание.

— Вот уж мне сразу полегчало, когда вы это сказали.

Я смотрела на его силуэт силясь рассмотреть его лицо.

— Вы не могли бы выйти из тени, я хочу видеть ваше лицо, — сказала я и поднялась.

Тут я услышала голос Чаки, который был уже не далеко:

— Мария!.. Мария, где ты!

Я вскочила на ноги и поправила платье.

— Ладно, стойте где стоите.

— Вы уже уходите? И вы ничего не хотите подарить мне на прощанье? Может быть легкий поцелуй!

Я нагнулась одевая босоножки:

— Можете забрать мой бокал, если нырнете!

В это время голос Чаки раздался уже совсем не далеко:

— Мария!

— Я здесь!

Он подошел к беседке, подозрительно разглядывая меня:

— Ты одна? Что ты здесь делала?

— Я устала бродить среди этой серой массы и пошла немного отдохнуть!

Он не увидел ничего подозрительного, поэтому вздохнул с облегчением:

— Слава Богу с тобой все в порядке! А то в другой части сада тебя Родриго ищет!

Я взяла его под руку и мы медленно пошли по дорожке. На своей обнаженной спине я чувствовала чей-то заинтересованный взгляд.

Мы снова вышли на лужайку. Чаки ходил, представляя меня присутствующим гостям. Я чувствовала что люди рассматривают нас очень заинтересованно. Но даже если кто-то что-то и подумал, то благоразумно оставил свое мнение при себе. Мне же все кивали с большой почтительностью. Я старалась благожелательно улыбаться в ответ.

Наконец, Чаки кого-то увидел и буквально потащил меня в ту сторону. Я уже в последний момент, поняла что это был директор нашего канала Роджер Мур. У него на руке висела Сальма Тепурос.

Они нас заметили, так что капитулировать было поздно. Когда мы подходили к ним, мои коленки предательски дрожали, но потом я подумала: 'Какого черта! Я ничего не украла! Мне нечего стыдиться!' и успокоившись позволила Чаки подвести себя к ним.

Увидев меня Сальма выпучила свои водянистые глаза и одной рукой поправила волосы. Этот жест говорил о неуверенности в себе. После этого, мне стало легко как никогда.

— Добрый вечер, Чаки! — Роджер протянул Чаки руку и начал с подобострастием трясти его. После этого он пожал руку мне, мало обращая на меня внимания.

— Добрый вечер, Роджер! Прекрасный прием!

— Истинная правда! Я давно хотел с тобой поговорить Чаки относительно финансирования нашего канала, — Мур заметно нервничал.

— Я периодически делаю щедрые пожертвования вашему каналу, разве этого мало? — Чаки был спокоен и исполнен достоинства. Его спокойствие передалось и мне. Я распрямила спину и приняла непринужденную позу.

— Все так, Чаки! Но расходы телеканала постоянно растут. Также мы нуждаемся в новом здании, так как это не соответствует нашим требованиям.

— Понятно!.. Роджер, ты узнаешь Марию?

Роджер непонимающе уставился на меня:

— Очень красивая мисс: к сожалению, не помню где я вас видел.

— Она работает у тебя, — голос Чаки был насмешливый. Если ты не знаешь ее, значит здание не такое уж и маленькое. И еще, я хочу чтобы ты поднял ей зарплату в три раза.

— В пять, — с удивлением услышала я собственный наглый голос. Сальма и Роджер вытаращили глаза от моей наглости. Чаки легко рассмеялся.

— Правильно, Мария, что поправила меня! Ей нужна зарплата в пять раз больше чем она получает.

— И моей сестре Оливии, она тоже работает на вашем канале. А также Розе — она моя

сменщица. И Рамиросу, он мой начальник.

Роджер смотрел на меня как на идиотку:

— Но, что тогда скажут другие сотрудники, если я подниму зарплату только вам?

Я пожалала плечами и тут в разговор снова вступил Чаки.

— Не жмись, Роджер, я жертвую достаточно, чтобы озолотить всех твоих сотрудников.

— Ты режешь меня без ножа, — сказал грустный Роджер, — Хорошо! Будет вам зарплата. Какие-то еще пожелания?

Я смотрела на злое лицо Сальмы и решила еще немного подшутить:

— Пожалуй, да!

Роджер смотрел уже на меня как на своего злейшего врага, который решил пусть его по миру. Поэтому, пытаясь быть вежливым он еле выдавил из себя:

— Чем еще могу быть вам полезным Мария? Может быть взять под свою опеку приют бездомных?

Я пропустила его сарказм мимо ушей:

— У меня есть небольшое желание, побыть ведущей дневных новостей?

— А у вас есть опыт ведения таких проектов? — спросила меня Сальма сузив глаза.

— Нет, — не моргнув глазом сказала я, — но надо же когда-то начинать!

— И в каком из новостей вы хотите побыть ведущей? — спросил Роджер. Лицо его в этот момент было цвета набравшего сок помидора.

— Двухчасовых, — сказала я и нагло уставилась на Сальму.

— Так я же их веду! — крикнула она.

Роджер закрыл глаза и попытался успокоиться. Потом открыл и благожелательно мне улыбнулся:

— Мисс Мария, а вам не подойдет какая-нибудь другая программа, ну или скажем ток-шоу?

— Да, еще может быть можно в 'Это было со мной'!

Это был удар не в бровь, а в глаз. Глядя на перекошенное лицо Сальмы, мне казалось, что ее сейчас хватит кондрашка. Ее рот выгнулся, напоминая дугу коромысла. Мне даже стало ее как-то жалко.

— Это ток-шоу также веду я!? А чем же тогда я буду заниматься? — спросила она.

Я поправила свои волосы:

— Ну, Сальма, не надо так расстраиваться, в конце-концов, ты всегда можешь гримировать меня! — я смотрела на нее честными глазами.

Чаки громко рассмеялся, так что многие из присутствующих обернулись на нас.

— Ну как, Роджер, исполнишь пожелание мисс? — Чаки дружески обнял Роджера за шею. — И запомни, ее пожелания — это мои пожелания! Надо, чтобы она всегда была довольна, ты это сечешь?

Роджер часто кивал, напоминая китайского болванчика. Сальма резко развернулась на своих высоких каблуках и утопая в густой траве заковыляла к выходу. Я смотрела ей вслед, испытывая чувства завоевателя, который смотрит как бежит вражеская армия, бросая полевую кухню, ордена и флаги.

Чаки оставил в покое в конец выжатого Роджера, напоследок пообещав подумать над новым грантом и мы пошли к выходу из особняка.

Когда мы сели в машину, Чаки протянул мне бокал с шампанским:

— Давай выпьем это шампанское за тебя, Мария! Сегодня ты была великолепна!

— Боюсь, что я перегнула палку, — сказала я медленно смакуя игристый напиток.

— Не думай о мелочах, ты сегодня показала то, что дремлет у тебя внутри. Из пай-девочки ты превратилась в прекрасную женщину, которая не отступает и знает себе цену. Когда я говорил тебе, что ты себя еще не знаешь, то я имел ввиду именно это.

Я задумалась над его словами, втягивая в себя шампанское по пять тысяч долларов за бутылку. Что-то в его словах меня смущало, но я была так возбуждена, что не могла понять что же это.

Видимо, мое молчание, он воспринял как-то по-своему:

— О чем ты думаешь, Мария? Тебя что-то беспокоит?

— Да.

— И что же?

Я понимала, что сейчас не самый лучший момент, но другого я ждать не могла:

— Чаки, возможно тебе покажется странной моя просьба, но мне нужны деньги. Много денег.

Его лицо дернулось и он отвернулся к окну, делая вид, что пьет:

— Деньги нужны всем Мария! А тебе они для чего? Ты хочешь дом, украшения, стильную машину? Для чего?

Я убрала свой бокал и посмотрела ему прямо в глаза:

— Чаки, у меня больная мать, которая умирает без операции. А также отец, у которого рак легких. Но если бы у нас были бы деньги, то я попыталась спасти их. Лично мне ничего не нужно. Мне нужно тридцать тысяч долларов на операцию маме.

— Хорошо, деньги я могу тебе дать. Но что я получу взамен? — он смотрел на меня своими темными чуть раскосыми глазами. От его взгляда мне было не по себе.

— У меня ничего нет. Но я буду много работать, чтобы отдать тебе свой долг. Я сделаю все что ты скажешь!

Он протянул руку и погладил меня по коленке:

— Все? Ты уверена, что все?

Я нервно сглотнула и кивнула головой, потому как у меня не было сил произнести это. Тут опять я вспомнила Оливию, как они втроем трахали ее, а также порезы на животе и засос на груди.

Он приблизил свое лицо к моему. Я чувствовала на своей щеке его горячее дыхание и его терпкий одеколон.

— Ты получишь деньги, но за это, ты переедешь жить ко мне.

Я ждала продолжения фразы, но ее не было. Поэтому я облизнула губы и тихо спросила:

— Это все?

Он отстранился от меня и откинулся на сиденье:

— Да, все!

Мое сознание отказывалось переварить его мысль. Что это значило? Какая разница, главное, что он даст денег!

— Я согласна! — сказала я закрыв глаза и чувствуя что только что продала свою душу дьяволу.

— Вот и хорошо!

Тут мы подъехали к его дому. Он помог мне выйти и мы вошли в дом.

— Иди переодевайся, а я принесу денег, — сказал он.

Я на негнущихся ногах пошла к комнате, где оставила свои вещи. Прежде чем

переодеться, я снова посмотрела на себя в зеркало. 'Хороша чертовка!?' — подумала я, стаскивая платье. Затем я аккуратно сложила в коробку платье, поставила босоножки и взяв свою сумочку вышла, тихо прикрыв дверь.

Чаки ждал меня в холле. У него в руках был сверток. Он протянул мне его:

— Здесь пятьдесят тысяч. Отдай родителям. Послезавтра за ними в двенадцать заедет машина и отвезет в больницу. Врачам я сам позвоню. Все будет хорошо, — он погладил меня по щеке.

Я почувствовала как по моим щекам бегут слезы.

— Спасибо тебе! Я даже не знаю чем могу отблагодарить тебя.

— Не волнуйся, рано или поздно ты меня отблагодаришь! А теперь езжай домой, завтра тебе на работу, — он хитро улыбнулся. — Я непременно буду смотреть дневные новости.

— Временами я готова откусить свой длинный язык, — сказала я и взяв сверток, пошла к машине.

Когда я подъехала к дому, то мне хотелось петь. Я увидела свет в комнате отца и обрадовалась. Я ускорила шаг и зашла домой.

Стараясь не шуметь, я подошла к двери и тихонько постучала. Войдя в комнату, я увидела отца. Он сидел в кресле и смотрел наши старые фотографии.

— Привет, папа! — я подошла к нему и села рядом.

— Привет, дочка! Вот смотрю, вспоминаю! — он протянул мне старое черно-белое фото, где мы с Оливией сидим на скамейке. Мне там около десяти, а Оливии около трех. — Какие вы были прелестные крошки!

Я заметила как по лицу отца текут слезы.

— А вот мы с Лючией совсем молодые. Это было еще до того, как мы переехали в Мехико. Ваша мама здесь очень красивая! Ты сейчас стала очень похожа на нее.

Я взяла фото и посмотрела на него. Там были мои родители, совсем еще молодые и полные планов и надежд. Рука отца обнимала мать и по тому как горели их глаза, было видно, что они очень любят друг друга.

— Папа, я хочу кое-что тебе сказать, — я взяла сверток с деньгами и протянула его отцу. — Это тебе! Теперь ты сможешь вылечить маму и себя и мы снова будем счастливы.

Отец смотрел на меня недоверчиво. По его глазам я увидела, что ему очень хочется в это поверить, но он боится, что все окажется неправдой. Я знала многих людей, которые долго жили надеждой, преодолевая сложные жизненные изломы, но когда у них появлялся шанс, они очертя голову бросались в этот водоворот. И если не веря в надежду, они могли пережить ее крах, то поверив в нее, они пропадали. Это в буквальном смысле убивало их. Поэтому кому как не беднякам было знать, что такое разбитые надежды.

Отец дрожащими руками раскрыл сверток. И не веря собственным глазам перебирал тугие пачки с долларами. Он взял их в руки и вдохнул их запах. Пахли они новой бумагой и денежной краской, а также верой в то, что самое страшное позади.

Отец зарыдал и крепко обнял меня. Я сидела и тихо гладила его по спине:

— Не надо плакать, папа! Теперь все будет хорошо! — сама же я в этот момент думала о том, что меня ждало в доме Чаки. У меня было чувство, что эти деньги будут для меня очень дорого стоить.

На следующий день, я стояла напротив Розы с Рамиросом. Они смотрели на меня как на окончательно спятившую:

— Еще раз скажи, ты чего? — спросила Роза.

Я вздохнула и еще раз им все объяснила:

— Я сегодня буду вести дневные новости!

— Вот дела! — сказал Рамирос. — А гримировать кто будет?

Я пожала плечами.

— Я сама, а Роза мне поможет. Да не переживайте вы так! Вот отведу выпуск и вернусь!

— Мария, похоже ты спятила, — сказала Роза. — Я тебя не буду спрашивать как тебе это удалось, но скажу одно — это не правильно!

Я смотрела на нее прищурив глаза:

— Роза, не ты ли недавно сама говорила мне, что я могу быть хоть моделью, хоть диктором. А теперь говоришь, что я спятила. Где смысл?

Она покачала головой:

— Похоже, ты играешь в какую-то игру, детка. Эти игры еще никого до добра не доводили. Уж поверь мне!

Я лишь махнула рукой.

— Давай гримироваться. А ты Рамирос, расскажи пока что у тебя с твоей розочкой?

Я села в кресло и Роза приступила к работе. Рамирос устроился в углу на стуле:

— Полный провал. Она не хочет меня видеть. На днях я ждал ее возле работы. Так она как увидела меня, так толкнула, что я очутился в аккурат в середине клумбы. А она мне еще кричит, что за хулиганство штраф выпишет. Ну что мне с ней делать?!

— Если бы она не была двухметровой верзилой, я бы сказала перекинуть через колено и отшлепать. А так, придется действовать аккуратно и терпеливо! — в это время Роза аккуратно накладывала грим мне на лицо. Я подумала, что оказывается это очень приятно!

Когда она закончила меня гримировать, меня вызвал редактор. Он дал мне текст и попросил, чтобы я его прочитала. Я прочитала. Редактор скривился и начал просить читать с расстановкой, делая смысловые ударения. От волнения текст скакал у меня перед глазами и я путала строки. В итоге, редактор рывкнул на меня и я взяла себя в руки.

Через пять минут был эфир. Меня посадили в кресло, прикрепили микрофон и показали дисплей, где следует читать текст. Также, мне объяснили на какую кнопку нажимать, чтобы включать и выключать микрофон. Информация лилась на меня как из рога изобилия. Мои ноги меня не держали. Спасало то, что меня посадили за стул и подвинули к столу, так что свалиться я не могла. И это давало шанс на благополучный исход.

Через четыре минуты мне подали сигнал, что отсчет пошел и скоро я буду в эфире. Затем загорелась лампочка и я начала говорить свой текст. Но, вместо того, чтобы двигаться, текст стоял на месте. Редактор орал мне в ухо, чтобы я включила микрофон. Наконец я его включила. Новости шли всего пятнадцать минут и поэтому для дикторов давали большой ритм произношения речи. Это были почти как скороговорки. Пару раз я сбивалась. Я видела как в стороне стоящий оператор посмеивается. Наконец, когда я закончила свои новости и отключили камеру, ко мне выбежал взбешенный редактор и стал на меня орать, что я не правильно произнесла фамилии двух депутатов и что я глупая курица, у которой вместо мозга картофель фри. Я кричала на него в ответ, что я это делаю в первый раз и что вместо того чтобы так орать, надо было лучше мне помогать подготовиться. Затем к редактору подошел какой-то сотрудник и что-то прошептал ему в ухо. Видимо, от сообщенной новости того расшиб столбняк. А когда он пришел в себя, то начал бормотать извинения и говорить, что мне сразу надо было сказать что я новичок и в принципе для первого раза это было не

так уж и плохо. Когда он говорил мне эту жалкую лесть, я видела как от психа дергается его левый глаз и поэтому только кивала в ответ. Мне было ужасно стыдно!

Выходя из студии я столкнулась с Сальмой. Я ожидала очередного скандала, но она была тиха и покорна. Она поинтересовалась как прошел мой день, на что я честно ответила что давно не было такого ужасного дня. И она спросила, намерена ли я и дальше вести новости. Я поспешила ее успокоить, что это было в первый и последний раз. Она вздохнула и предложила пройтись вместе на днях по магазинам. Я сказала почему бы и нет, но и я, и она понимали, что никуда мы вместе не пойдём. По крайней мере, между нами было объявлено временное перемирие, а это значит, что пощечин мне она больше не посмеет давать. А это уже было кое-что!

В конце дня я позвонила Денни и он сказал, что заедет за мной как я только выйду.

Ровно в восемь я стояла возле нашего здания и смотрела на приближающийся знакомый Мерседес. Странно, если раньше он нагонял на меня страх, то теперь я ждала его и была рада.

Я села в машину и устало откинулась на спинку сиденья:

— Привет, Денни!

— Здравствуйте, Мисс Мария!

— Денни, завези меня сначала домой. Мне нужно будет поговорить с родителями и взять кое-какие вещи!

— Хорошо, как скажите!

Мы поехали ко мне домой. Я решила, что скоро нашу связь с Чаки нельзя будет скрыть и об этом рано или поздно начнут судачить на всех углах. Так что, нужно заранее объяснить с родителями.

Машина медленно тормозя перед глубокими ямами в асфальте вырулила к нашему дому. На скамейке сидели и вяло переговаривались несколько соседок. Глядя как я выхожу из машины, они замолчали и уставились на меня. Их выжженные солнцем и сморщенные лица напоминали подсолнухи. Они поворачивались вслед за дневным солнцем. Вот и сейчас, мои соседки молча смотрели, как я захожу домой. Под их внимательными взглядами мне было неловко, но я поздоровалась и пыталась не подавать виду, что чувствую себя так, словно меня прилюдно раздели, а затем просеяли на фракции.

Когда я зашла домой, то еще с порога почувствовала запах печеных булочек. Встречать меня вышла мама. Ее глаза светились:

— Маркос, Мария пришла! Дочка, отец рассказал мне, что теперь у нас есть деньги на лечение! Я вот решила устроить для вас небольшой праздник!

— Ну что ты, мама! Не нужно было волноваться, тебе вредно стоять у плиты. Нужно к операции готовиться. Завтра тебя будут ждать в больнице!

Мы зашли на кухню и сели с ней за стол. Она сидела улыбаясь, но я видела, что лицо ее было бледным. Видно волнения от радостного события сказалось на ней. Наконец, она повернулась ко мне:

— Дочка, я вчера хотела сказать тебе одну новость, но тебя не было дома. Вчера утром умерла Корнелия!

Я смотрела на маму и не могла поверить собственным ушам:

— Как умерла, я же недавно у нее была?

Мама тяжело вздохнула:

— Ее нашли соседи. Она сутки не выходила из дома. Когда к ней зашли, то увидели ее сидящей за столом, а перед ней была старая фотография, где она рядом со своим Константином. Доктора сказали, что у нее сердце не выдержало.

Я сидела тихо плача. Моя Корнелия умерла! Я не могла поверить! Одинокая жизнь и одинокая смерть, ради полугода счастья. Какой страшный выбор!? Мать гладила меня по голове как в детстве:

— Не плачь, дочка! Тут уже ничем не поможешь! Ее тело отвезли в морг, завтра будет кремирование. И еще она написала завещание на тебя. Теперь ее квартира принадлежит тебе. Сегодня заходил нотариус, спрашивал здесь ли ты проживаешь и как тебя увидеть. Я сказала, что передам тебе визитку, так как ты можешь прийти поздно.

Она протянула мне визитку, я машинально положила ее в карман. Мама налила мне воды. Я жадно пила взяв стакан двумя руками, как пьют обычно дети. Она села рядом:

— Мария, я хотела тебя спросить откуда эти деньги. Ты только не подумай, что я неблагодарная. Но это очень большая сумма, которую никто из наших знакомых не мог дать нам займы. Где ты их взяла?

К счастью, легенда была у меня уже наготове:

— Мама, эти деньги дал мне человек, которого я очень люблю. Более того, он хочет, чтобы я переехала к нему и мы начали жить вместе. Я хотела давно тебе рассказать, но все как-то времени не было. А тут, он дал мне деньги, ну и я решила, что не нужно тянуть, если мы любим друг друга. Так что, я заехала за вещами и теперь собираюсь ехать к нему.

От собственной лжи, я чувствовала тошноту и непривычное головокружение, но ничего другого сказать я не могла. Мать сидела, утирая слезы. Я видела в ее глазах счастье за меня, что я наконец-то нашла своего единственного и что теперь буду счастлива. Она крикнула:

— Маркос, Маркос! Иди скорее сюда! Наша дочь влюбилась и теперь переезжает к своему жениху!

Отец вошел тяжело ступая. Я видела в его глазах такую же радость, как у матери. Он сел рядом, теребя свои натруженные руки и не зная что сказать. Первой пришла в себя мама:

— Это хорошо! Так чего же ты нас не познакомишь! А как его зовут?

— Чуarez, — тихо сказала я.

Мама была очень радостная и поэтому очень разговорчивая:

— Хорошее имя. Он что богатый?... Чего я спрашиваю, если он дал тебе столько денег, то само собой он богатый. Это хорошо! Хоть ты поживешь по-человечески!

Отец смотрел на меня как-то пристально. Я решила, что должна все им сказать, но слова давались мне с трудом:

— Я понимаю, что вам наверное сложно будет сейчас понять то, что я вам скажу. О нем вы наверняка слышали, но то что говорят о нем, все не правда. На самом деле, он очень добрый и хороший и я его люблю. Его зовут Чаки!

Последние слова я почти выкрикнула. Родители сидели как громом пораженные.

— Этот мафиози! Ты с ума сошла! — отец вскочил и тяжелой поступью хватаясь за сердце пошел в свою комнату, — И думать не смей! У него руки по локоть в крови! Нам таких денег не нужно!

И он вышел громко хлопнув дверью. Мы с мамой сидели не глядя друг на друга:

— Дочка, не обижайся на отца! Он тебя очень любит и хочет, чтобы ты была счастлива!

Я взяла мать за руку:

— Мама, как вы не понимаете! Я могу быть счастлива только с этим человеком! Он

добрый и когда вы увидите его, вы обязательно его полюбите! Эти деньги он дал для вас, он хотел, чтобы мы все снова были счастливы. Чтобы ты могла жить! Понимаешь, мама! Мало ли что люди говорят? Мое сердце его любит. А полюбить плохого человека я не смогла бы. Так что, бери эти деньги и ни о чем не думай!

Я буквально захлебывалась от собственных слез. Мне было горько как никогда. Я не хотела им врать и не хотела прощаться с собственным домом, где я провела столько прекрасных минут. Наконец-то я поняла, что соглашаясь на предложение Чаки я выбрала другую жизнь, где моим близким не было места!

Мама смотрела на меня своими большими грустными глазами. Ее рука автоматически поглаживала мою коленку. Этот простой жест буквально убил меня. Я физически почувствовала, что с меня словно снимают кожу. Я как ящерица, которая отбросила ненужный хвост. С той только разницей, что свой хвост я считала родным.

Я тяжело встала и пошла в комнату отца. Он сидел сгорбившись за столом, молча смотря в пустоту. Я тихо села рядом, боясь нарушить тишину. В комнате было очень тихо, лишь только крупная муха билась об стекло, безуспешно пытаюсь вырваться на волю. Она ударялась от стекло и с новым упорством взлетала пытаясь прорваться к своей цели — свободе!

Отец запустил руку в волосы и провел ее:

— Лучше бы ты убила меня, дочка! — он покачал головой. — А так ты убиваешь себя!? Если бы не мой слабый характер, ничего этого не было бы! Зачем я только тебе открылся?

Я боялась поднять на него глаза:

— Папа, ты все не правильно понял! Я люблю этого человека и хочу быть с ним, а он хочет быть со мной! Твоя дочь стала взрослой и полюбила. Неужели ты не рад моему счастью?

Отец тяжело вздохнул:

— Если бы это был кто-либо другой, я был бы самым счастливым отцом на планете. А отдать тебя в руки душегуба не могу!?

Последние слова он выкрикнул мне в лицо и стукнул кулаком по столу:

— Нам не нужны его деньги!?! Эти деньги омыты кровью невинных людей! Он палач, который убивает не задумываясь! О чем ты думала?! Я просто не могу поверить! Ты всегда была благоразумной девочкой, что с тобой случилось, Мария?

Я поняла, что убедить его невозможно, но и нельзя дать ему понять, что он прав на сто процентов. Поэтому я резко встала и подошла к окну:

— О чем ты, папа? Не ты ли говорил, что любишь маму и хочешь чтобы мы зажили новой обеспеченной жизнью. Теперь я предлагаю тебе эту жизнь, а ты отталкиваешь мою помощь! Ты подумал о маме? Сколько она еще сможет прожить без операции: месяц, год, десять лет? Для нее каждый день как последний! И не тебе решать, брать эти деньги или нет!

Это было жестоко, но я должна была сказать так. От злости я схватила рядом лежащую газету и убила настырную муху. Затем бросила газету на пол и вышла.

Я зашла в свою комнату и начала складывать вещи. В дверь тихо постучали. Это была мама. Она зашла и села на мою кровать. Я металась по комнате собирая свои немногочисленные пожитки. что у меня были и кидала их на кровать, пытаюсь попасть в раскрытый чемодан. Она неспеша брала разбросанные вещи и аккуратно складывала их.

Я видела что она ищет слова:

— Дочка... Ты еще очень молода. Если ты все это делаешь ради меня, то не стоит. Но если ты его действительно любишь, то я не буду тебя задерживать. Когда-то и я влюбившись в Маркоса, бросила все и поехала за ним. Моя мать была против. Ну куда ему до остальных моих более богатых и успешных женихов? Но я была ослеплена своей любовью и меня никто не смог бы удержать! Поэтому хоть я и не одобряю твой выбор, но я знаю, что с этим ничего не поделаешь.

Я подошла к ней и положила руку на плечо:

— Я его люблю мама и обязательно буду счастлива!

Она внимательно смотрела в мои глаза. Я выдержала ее взгляд, но в душе мне было противно. Меня спас звонок мобильного телефона. Это был шофер:

— Мисс Мария, хозяин спрашивает скоро ли мы подъедем. Что ему сказать?

— Скажи, что я собрала вещи и через минуту выхожу.

Я положила трубку и взяв чемодан подошла к маме.

— Мама, я завтра заеду к вам в больницу. А сегодня ты отдыхай!

Я чмокнула ее и побежала к выходу. Перед самым выходом я поставила чемодан и пошла в комнату отца. Когда я вошла он встал и обнял меня. Я поцеловала его в щеку:

— Не грусти, папа! У нас все будет хорошо, вот увидишь!

Он кивнул не поднимая на меня глаз и я пошла к выходу.

Когда машина тронулась, то я расплакалась. Видимо сказалось нервное напряжение, но я рыдала в голос и не могла остановиться. Я плакала о себе, о Корнели, которая умерла в одиночестве, о своих родителях. И хоть в моей душе стало зарождаться какое-то чувство к Чаки, но мне почему-то казалось, что я стою на краю пропасти, а прямо передо мной раскинулась широкая темная бездна. Все что было хорошее в жизни осталось позади — мое детство, счастливая жизнь с родителями, радости от творческой работы. А о том, что ждало меня впереди я даже не хотела думать. Я продалась за деньги незнакомому человеку. И это я четко осознавала. Хоть Чаки мне немного нравился, я вполне отдавала себе отчет, кто он и что он. А также то, что с этого дня моя жизнь станет другой.

Но выбор был сделан, все фишки заняли свое место на игорном столе и рулетка судьбы начала свое безжалостное вращение, и что либо менять было поздно, так что, я не имела права сдаваться.

Когда машина заехала в привычные ворота, я ужасно нервничала. Я то сжимала ручку сумки, то отпускала ее. Водитель посматривал на меня в зеркало заднего вида. Иногда я ловила его подбадривающую улыбку и улыбалась в ответ, но спокойнее мне не становилась. И когда показался дом, меня обуяла такая паника, что я готова была выпрыгнуть из машины. Но потом я вспомнила и про деньги, и про обещание. И поэтому отложила в сторону сумку, устало откинула голову на мягкое кожаное сиденье и закрыла глаза. Мой выбор уже был сделан и я была не в силах что-либо изменить.

Машина остановилась возле широкой лестницы. Я вышла и отдала свой чемодан одному из охранников. Он повел меня в дом. В глубине души я ждала, что меня встретит Чаки, но его не было. И правда, кто я такая, чтобы хозяин соизволил встречать меня перед парадной дверью?

Охранник проводил меня в комнату и поставив чемодан вышел. Я начала осматривать свое новое жилье. Это была просторная комната, которая находилась рядом с комнатой Чаки. Видя замок на двери мне стало немного спокойнее.

Комната имела вытянутую прямоугольную форму. На стенах были дорогие обои бледно-лимонного цвета, а вся мебель была белоснежной с золотым тиснением. Я подошла к окну. Из него открывался прекрасный вид на бассейн. Также было видно лужайку и вход в оранжерею.

Я заглянула в соседнюю комнату. Там была ванная, в которой одновременно могли купаться человек пять. 'Похоже здесь на воде не экономят', - хмыкнула я, рассматривая целую батарею из всяческих баночек на полках. Тем что там стояло, можно было намазать полмехико.

Я включила воду и пошла разбирать свои вещи. Когда я открыла шкаф, то с удивлением уставилась на кучу висящих там платьев. Все они были определено на любителя и представляли собой смесь перьев и блесков. Я отодвинула эти лоскуты и аккуратно повесила свои скромные пожитки. Так-то лучше!

Когда я лежала в ванной под изысканно пахнувшей пеной, то внезапно дверь отворилась и на пороге появился Чаки. Я так и застыла с открытым ртом, так как точно помнила, что закрывала дверь в комнату. Наверное, я бы там и сидела как глиняный истукан, но он усмехнулся и оперевшись плечом об косяк сказал:

— Ты думаешь, как я сюда попал? Не забывай, Мария, что это мой дом и я буду ходить где пожелаю. И даже если ты надумаешь поставить баррикаду, я все равно зайду!

Я смотрела на его улыбающееся лицо и начала злиться. Он тут стоит нагло ухмыляясь, в то время, как я лежу в этой ванной как креветка в супе.

— Тебя не учили стучаться?

Он медленно подошел к ванной и резко опустив руку в воду схватил меня за талию:

— А чем ты тут собиралась заниматься, что требовалось постучать прежде чем войти?

От его вольных действий, а также от собственного глупого положения я стала красной.

— Мне было бы очень приятно, если бы мои желания исполнялись, — я попыталась сделать достойный вид, но у меня не получалось. Он погладил меня по волосам:

— Итак, чего ты желаешь? — он смотрел на меня внимательно.

— Я желаю искупаться в одиночестве, так что ты можешь пока идти!

Все это я говорила с самым величественным видом. Наверное, именно так королева отсылала своих фрейлин взмахнув изящной ручкой.

Он встал с серьезным видом:

— Через полчаса я жду тебя на обед, — затем поклонился и вышел. Я могла бы поклясться, что слышала за дверью его смех, но после того как он вышел, я как ошпаренная кинулась к полотенцу, поэтому могла и ошибиться.

Через полчаса меня пригласили на обед. Я одела одно из своих платьев. Это было очень скромное платье нежно-лилового цвета. Его мне шила мама. И хоть оно было не очень модным, но тем не менее оно мне шло и я его очень любила.

Нам накрыли стол под большой беседкой в саду. К вечеру на город опустилась долгожданная прохлада, к тому же начали распускаться ночные цветы, отчего воздух наполнился чарующими цветочными ароматами. Чаки ждал меня. На нем был красивый костюм и белоснежная рубашка. Подходя я почувствовала как от волнения у меня дрожат руки. Он был очень хорош, но тем не менее, от него исходила какая-то опасность.

Чаки помог мне сесть, а затем сел напротив. Официанты принесли нам салаты. Мы ели в полной тишине. Он рассматривал меня своими чуть раскосыми азиатскими глазами. От

этого я еще сильнее нервничала, в конце концов, я уронила вилку. Слава Богу, что я не решилась лезть за ней под стол, иначе окончательно бы рассмешила всех, включая двух собак лежащих неподалеку.

Чаки курил сигарету рассматривая меня сквозь тугие кольца дыма. И наконец, я не выдержала:

— Ты и дальше собираешься так пялиться на меня?

— А что? — его глаза улыбались.

— И что? Да я чувствую себя как изучаемый под микроскопом микроб, и поэтому нервничаю. Если и дальше ты будешь так пялиться, я еще чего доброго подавлюсь, или откушу часть вилки.

Его смех нельзя было назвать красивым, но в нем были какие-то мужественные нотки, которые определенно волновали женские сердца.

— Прости, я не знал, что тебя это смущает: А скажи, Мария, почему ты не одела одно из платьев, которые висели в шкафу?

Я смотрела на него как на умалишенного:

— Ты про те лоскуты? Спасибо, когда пойду на рыбалку, обязательно воспользуюсь чем-нибудь из 'висевшего в шкафу'.

После этого он опять откинул голову и долго смеялся, показывая мне свои ровные зубы. Наконец, он успокоился:

— Когда я увидел тебя в первый раз, я сразу понял что ты не как все. Другая бы с ума сошла увидела эти дорогие шмотки, которые могут представить ее фигуру в выгодном свете, но только не ты!

Я слушала его и мне было не ловко, поэтому я делала вид, что меня очень интересует содержимое моей тарелки.

Чаки видимо понял, что я от его пристального внимания обливаюсь потом, поэтому тоже сосредоточился на еде. Через какое-то время, мы оба расслабились и наше общение перешло к 'попробуй вот это', 'давай я тебе вон того подложу'. В итоге я объелась и чувствовала себя толстой уткой. Он также выглядел сытым и довольным. Но тем не менее, я ловила на себе его взгляды, которые говорили о голоде иного рода. Мне не хотелось даже думать о том, что будет, когда мы выйдем из-за стола и поднимемся на наш этаж: Б-р-р! Поэтому я продолжала делать вид, что моя трапеза не закончена и вяло жевала какие-то фрукты.

Чаки закурил сигару.

— Мария, ты не возражаешь?

Я уставилась на него:

— Возражаю против чего?

— Ну, против табачного дыма.

— Нет. По крайней мере будет меньше moskitov.

Он улыбнулся:

— Я очень люблю сигары и всегда думал, что выгляжу с ними очень импозантно и никак не ожидал, что тут есть такая практическая сторона.

Тем временем, я устала жевать фрукты и переключилась на вино. Кажется, я сама не заметила, что начала хмелеть.

— Импозантно?

— А что нет? — у него был действительно удивленный вид.

— Ты мне скорее напоминаешь гусеницу из 'Алисы в стране чудес'. Та тоже сидела в клубах дыма и вещала о том, чего не знать простым смертным.

На какой-то момент мне показалось, что сейчас он вытащит пистолет и выстрелит мне между глаз. Но, он откинул голову и в очередной раз громко засмеялся, отчего одна из недалеко лежащих собак громко залаяла и вслед за ней залаяли другие. Охранники принялись их успокаивать.

Когда он закончил смеяться, то вытер слезы и встав подал мне руку.

— Идем, Мария, я покажу тебе, что значит настоящее веселье!

Я с сомнением смотрела на него. Идти мне не хотелось, но еще меньше хотелось того, чтобы он поволок меня волоком на виду у всех. В его глазах я видела, что шутки-шутками, а приятный вечер закончился.

— Ладно, только если уж ты покурил, то дай и мне.

Чаки смотрел на меня с сомнением:

— Зачем тебе это? Москитов я уже разогнал, в клубах дыма мы уже сидели. Чего еще?

Ну не могла же я ему сказать, что отчаянно не хочу идти на верх? Поэтому я начала мямлить.

— Ну: должна же и я попробовать что это такое: К тому же, знаешь, ты прав, в этом есть какой-то шарм!

Он усмехнулся, зажег сигару и подал ее мне. Я взяла эту толстую штуковину между пальцами и затянулась: Знать бы мне заранее что это такое, придумала бы другой повод потянуть время. Мои легкие будто обожгло страшным адским огнем. Я закашлялась и схватилась за горло. Из моих глаз текли крокодиловы слезы. Думаю, Чаки был отомщен! Он протянул руку и взяв у меня сигару, выкинул ее в пепельницу. Мне же помог подняться и повел в дом. Меня шатало из стороны в сторону, но я старалась идти бодро и прямо. Тем не менее, все вокруг шаталось как во время страшной качки.

Мы сели на лифт и приехали на наш этаж. К тому времени меня так развезло, что мне уже было плевать на все. Но не смотря на это, я обратила внимание, что мы идем в его комнату. Я попыталась вяло сопротивляться:

— Чаки, давай завтра? Я сегодня себя и правда плохо чувствую, так что мне не хотелось бы:

— Ну, детка, давай, — его рука подняла мне подол и гладила мои ягодицы, — Нам будет весело.

И вот в этот самый момент, меня вырвало на его начищенные как зеркало лакированные ботинки.

— Черт! Тебе действительно хреново! — он потащил меня в ванную и меня еще раз вырвало, но уже в раковину.

Даже и не знаю, были ли в моей жизни более позорные моменты? Так сразу и не вспомнишь: Слава богу, он вышел и дал мне возможность спокойно закончить свое 'черное дело'. Когда я вышла из комнаты, его не было. Я сняла туфли и побрела в свою комнату.

В комнате, я скинула платье и забралась под одеяло. Меня знобило. Через какое-то время открылась дверь и вошел Чаки. Он уже переоделся и принял душ.

Чаки подошел к моей кровати и сел на край:

— Прости, я не понял, что тебе и правда плохо. Думал, что ты претворяешься, чтобы со мной не спать.

— Если бы, — мой слабый голос вполне сошел бы за шепот умирающего.

— Я и правда поторопился. Просто таких женщин как ты я еще не встречал и поэтому потерял голову. Я думал, что ты поймешь, что я могу быть и смешным, и импозантным. И полюбишь меня.

Я вымученно улыбнулась:

— Смешнее меня тебе уже не быть.

Он щелкнул меня по носу:

— С тобой вообще сложно состязаться!

Я смотрела на него и он мне уже не казался таким страшным и чужим. Поэтому я взяла его руку в свою:

— Спасибо, тебе за все Чаки! Я очень люблю своих родителей и уже почти отчаялась спасти их. Спасибо тебе!

Он вытер одну слезинку, одиноко стекающую по щеке:

— Это все пустяки! Тебе нужно поспать! Я с утра позвоню на твою работу и скажу, что ты не придешь.

Тут я вспомнила:

— Спасибо. У меня завтра есть одно дело. Умерла моя близкая знакомая. У нее никого не было, так что все похороны мне придется взять на себя. Этим я завтра и займусь.

— Ни о чем не думай. Я скажу, мои люди все подготовят. Как ее звали и где она жила?

— Спасибо! Ее звали Корнелия, — я продиктовала ее адрес.

Я чувствовала, как погружаюсь в сон. Мое тело стало ватным, а веки тяжелыми. Наконец, я крепко уснула.

Чаки поправил одеяло и вышел тихо притворив дверь. Я уже крепко спала, когда к дому подъехала большая тонированная черная машина...

Утром я проснулась борясь с похмельем. Когда зазвонил будильник на телефоне, мне показалось, что над моей бедной головой кто-то бьет колотушкой об медный таз. Я вскочила и побежала в ванную. Когда меня рвало над раковиной я не переставала удивляться. Мне казалось, что вчера из меня вышел весь ужин полностью, а также все соки организма, которые у меня были. Но, на деле оказалось, что я была неверного мнения о собственных возможностях.

После душа, когда я выходила из ванной, меня еще покачивало. В дверях, положив руки в карманы, стоял Чаки. Сказать, что я готова была из-за вчерашнего провалиться сквозь землю, это ничего не сказать.

— Привет! — в его лице мне показалась забота.

— Привет, — вяло проямлила я. — Прости, что испортила тебе вчера вечер.

— Перестань, — он подошел ко мне и взял мое лицо за подбородок, стараясь поймать мой бегущий взгляд. — Мария, я вырос не в королевском дворце, а в трущобах и видел не такое. Просто, ты вчера сильно нервничала, к тому же сигара:

— Да уж: Мудрой гусеницей мне не быть.

Он рассмеялся:

— Не переживай! Ты женщина, а женщину мудрость не украшает.

После этого он повернулся и пошел к двери.

— Я жду тебя на террасе на завтрак. На работу я позвонил и все уладил. Они сказали, что подождут столько, сколько тебе будет нужно.

И вышел. Я стояла, задумчиво вытирая мокрые волосы. 'А ведь обо мне раньше никто не

заботился. Ну, кроме родителей конечно. Вот так, по-настоящему'.

Но предаваться размышлениям было некогда. Нужно было ехать в морг, к нотариусу и еще делать кучу разных дел, от которых будь моя воля, я бы с радостью отказалась бы.

Когда я вышла, то чувствовала себя получше. Чаки сидел на террасе за накрытым столом и читал газету. Когда я подошла, он поднял на меня глаза и рассмотрел меня. На мне было черное балахоном платье до колен и черные очки.

— Господи, и такое еще носят?

Я не обращая внимание на его реплику села и начала намазывать тост маслом. Официант налил мне кофе и апельсиновый сок.

Чаки все еще смотрел на меня, поэтому пришлось ответить.

— А что по твоему, я должна была одеть в морг? Розовый топ и зеленые в черный горох штаны?

— Почему же, но платье даже траурное должно быть элегантным, а это прости, но тебя не красит. Поехали по магазинам, купим тебе что-нибудь соответствующее случаю.

Я вяло жевала свой бутерброд борясь с тошнотой.

— И что ты мне купишь, траурное платье и шляпу от Армани?

— Почему бы и нет?

— Господи, — взорвалась я. — Корнелия была обычной бедной женщиной, которая не могла себе позволить даже нормальную еду. И ты хочешь, чтобы я заявила к ней домой в платье, которое стоит как весь их район. Ты хоть себе представляешь, какая это будет насмешка ее соседям и ей?

Чаки поднял руки:

— Хорошо-хорошо! Не хочешь, не надо! Я просто предложил свою помощь!

Я кивнула. В этот момент у меня в сумочке зазвонил телефон. Это была Роза:

— Мария, с тобой все нормально? Почему тебя нет на работе?

— Привет, Роза! Я на сегодня-завтра отпросилась. Умерла одна моя подруга. У нее никого не было, поэтому организовать похороны придется мне.

— Ох, милая! Тебе помощь нужна? Я могу вернуть тебе деньги, которые ты мне одалживала.

— Нет-нет! — заторопилась я. — Не нужно. Все хорошо.

— Если что, звони! Пока!

— Пока!

Я положила трубку. Чаки пристально смотрел на меня.

— Кто это был? — его глаза были холодными.

— Роза. Мы вместе работаем. Она спрашивала, почему меня на работе нет.

Он расслабился.

— Ты пока завтракай и не торопить, а я скажу Денни подать машину.

Чаки встал и упругой походкой пошел в сторону гаража. Я пила кофе и смотрела ему в след. 'А он ничего! И фигура что надо!'

Через пару минут подъехал Денни. Я быстро допила свой сок и пошла к машине. Возле дома стоял Чаки. Когда я подошла к машине, то обернулась. Он помахал мне рукой и я улыбаясь махнула ему в ответ.

Машина подъехала к большому зданию городской больницы. Я ужасно нервничала,

поэтому практически вдрызг измяла носовой платок. Слава богу, что мы уже приехали, еще немного и я начала бы грызть собственные ногти.

Я вышла и пошла в сторону большого вытянутого здания. Изнутри больница напоминала большой муравейник, в котором кто-то прутиком разворошил пару горок. Кругом было очень много людей и все куда-то спешили, производя при этом какой-то пчелиный гул. Я замерла в растерянности. Ко мне на встречу вышел какой-то мужчина в темном костюме, который никак не вязался с этим местом.

— Мария? Меня зовут Федерико Ланти. Я помощник мистера Чаки. Он вчера звонил и просил помочь вам с похоронами. Я уже все подготовил.

Ланти протянул мне руку и я положила в нее свою, которая была холодная как лед. И будь у него хоть капля юмора, он бы наверное пошутил, что не знал, что хоронить будут меня.

Мужчина подбадривающее мне улыбнулся и указал в сторону куда нужно идти.

— Я уже все подготовил. Сейчас мы заберем тело и поедем.

Мы шли по длинному коридору, в котором звук моих каблучков раздавался как-то особенно гулко и поэтому я постоянно вздрагивала. Наконец, мы дошли до двери с надписью 'Морг'. Федерико остановился пропуская меня. Мне не оставалось ничего другого, как зайти первой.

Нас встретила медсестра в зеленом медицинском халате.

— Здравствуйте, Вы должны кое-что подписать, чтобы забрать тело.

Она протянула мне несколько бумаг, которые я не глядя подписала. Федерико сказал, чтобы я выходила и шла к машине, сейчас мы поедем.

Просить два раза меня было не нужно. Я почти бегом выбежала из здания и буквально свалилась на сиденье машины.

— Мисс, с вами все в порядке? — это был водитель.

— Да, — я провела дрожащей рукой по волосам. — Все нормально. Просто раньше я никогда не была в морге. Я ожидала увидеть: ну не знаю.

— Горы мертвецов с бирками на больших пальцах? — Денни улыбался, отчего его глаза казались еще более голубыми.

— Ну типа того. А там ничего такого нет. Как будто простой кабинет.

— Морозильные камеры у них значительно дальше. Вы же были скорее всего на выписке. У меня там друг работает. Я один раз, ради интереса к нему ходил.

— Ну и как?

— Меня морг разочаровал полностью, — он улыбнулся. — Ни тебе ужасов, ни обнаженных мертвецов накрытых простынями.

Я истерически засмеялась. А он продолжил:

— Так что, фильмам ужасов не верьте. Там обычные кабинеты и все тела находятся в холодильниках. Захочешь ничего не увидишь.

— Мне прямо сразу полегчало, — я улыбнулась.

В это время из здания вышел Федерико и пошел к нашей машине. Я же воспользовалась случаем, чтобы рассмотреть его. Это был крепкий мужчина среднего роста. На нем был добротный костюм, который несмотря на кажущуюся простоту был не из дешевых. В руках он нес коричневый кожаный портфель. Судя по его весу, бумаг там было много.

Лицо Федерико было лицом человека, который при желании мог стать невидимым в толпе. Если бы не очки из толстой роговой оправы, ничем выдающимся он не отличался бы.

Внешность была вполне типичной. Единственное, его кожа мне показалась какого-то нездорово желтого цвета. Но это мог быть просто зрительный обман. Тем временем, он подошел к машине и сел на сиденье рядом со мной. Поэтому разглядывать его мне было уже не удобно.

— Я распорядился, тело уже повезли к месту кремации. Нам нужно пока заехать за вещами, в которых ее будут хоронить. А в похоронном бюро, пока сделают все приготовления.

Я кивнула и мы поехали. По дороге, я объяснила Денни как проехать.

В то время, пока наша машина петляла по узким улочкам и стояла в пробках, мы все молчали. Наконец, мои нервы не выдержали и я решила поддержать светский разговор.

— Федерико, а вы давно работаете на Чаки?

Я посмотрела на его профиль, отметив довольно крупный нос и тяжелый подбородок. Он молчал, затем внезапно обратился:

— Мария, а вы сами давно с ним знакомы?

Я попыталась вспомнить:

— Где-то, наверное, больше недели.

Судя по его лицу, я поняла что он удивлен.

— Интересно:

— Что интересно, — не удержалась я.

— Интересно то, что он так о вас заботиться. Раньше он ничего подобного мне не поручал. Видно, вы ему дороги.

— Да? — теперь я была удивлена.

— Да. И примите мой искренний совет.

— Какой?

Он первый раз посмотрел на меня и я увидела что-то человеческое, которое робко проглядывало через его отстраненность.

— Мария, не разочаруйте его.

Я ждала услышать все что угодно, но только не это. С моих губ готовы были посыпаться на него вопросы, но мы уже приехали.

Возле дома Корнели, стоял и нещадно потел какой-то мужчина с мятом синтетическом костюме. Когда мы вышли из машины, он подошел к нам и протянул Федерико руку.

— Мистер Ланти, я Санчос Деруэнтто — нотариус. Вы мне вчера: ночью звонили.

— Здравствуйте, мистер Деруэнтто. Простите, но нам было не удобно заезжать к вам в контору. Сегодня похороны и нам нужна одежда покойной. Я знаю, что ключ от ее квартиры у вас, поэтому мы вас потревожили.

— Конечно, конечно, — нотариус обтирался не очень свежим платком. Похоже он сам был из этого района и больших заработков у него не было. Но в целом, он производил впечатление не плохого и даже душевного человека. Если бы только, Санчос так не нервничал.

— Это мисс Карузо, — Федерико представил меня, — она была подругой Корнелии.

— Очень приятно, мисс!

Мы начали подниматься по старой лестнице в квартиру Корнелии. Мне казалось, что в последний раз я была здесь буквально вчера. Все было по-прежнему и вытертые доски старой лестницы, качающиеся деревянные перила и несвежий запах, который смешивался с запахом нехитрой бедняцкой кухни. Когда мы проходили мимо одной из квартир, мне

показалось, что дверь приоткрылась и кто-то посмотрел на нас.

Наконец мы поднялись и нотариус открыл дверь. Мы зашли внутрь. Все было почти таким же, как и при моем последнем посещении, с единственной разницей, что здесь не было Корнелии и уже не будет больше никогда. Старые часы на шкафу громко тикали в пустом пространстве квартиры. Нотариус устало сел на один из стульев утираясь платком:

— В этом году жара, кажется как-никогда сильной. Мой отец говорит, что в последней раз было так жарко еще когда он был мальчиком и в тот год еще было много бурей. Я думаю, в этом году их тоже будет не мало.

Федерико не оставляя свой портфель прошел в комнату рассматривая фотографии на стенах. Я пошла брать одежду Корнелии. Она как-то смеясь показывала мне, что приготовила 'смертную' одежду. Я тогда посмеялась над этим вместе с ней. Боже, как давно это было!

В этот момент в тишине комнаты, раздался стук в дверь. Это было так неожиданно, что сидевший недалеко Санчос буквально подпрыгнул на скрипучем стуле напугав меня и Ланти. Я пошла открывать. На пороге стояла соседка. Это была очень полная женщина неопределенного возраста. На ней было платье с крупными яркими цветами, отчего она казалась немного вульгарной. Она замялась:

— Простите, что беспокою. Я соседка, мы с Корнелией были очень дружны: Вот как судьба-то распорядилась. Жил себе человек, жил:

Федерико спросил ее:

— Вы что-то хотели?

— Да. Если вы не возражаете, я хотела бы взять вон те стулья, — она показала на стулья, на одном из которых сидел Санчос. — Корнелия их мне обещала.

Санчос встал со стула:

— Простите, но все здесь, Корнелия завещала только мисс Карузо, — он показал на меня.

Соседка посмотрела на меня:

— Вы ведь, верно не будете против того, чтобы я взяла эти стулья? Вам они не к чему. А у меня семья большая. Нам они нужнее.

Тут опять вмешался нотариус:

— Простите, мадам, но завещание еще не было оглашено и поэтому она пока не вправе распоряжаться имуществом покойной. Приходите на днях.

— Пусть забирает, — я решила что не время устраивать споры. — Это всего лишь формальность.

— Вот спасибо.

Она куда-то крикнула и прибежали двое маленьких мальчишек лет двенадцати. Они ловко подхватили три стула и улыбаясь своими чумазыми мордочками, кряхтя и посмеиваясь потащили их из квартиры.

Соседка прошла в квартиру, осматриваясь:

— Да, все мы под Богом ходим. Вон оно как в жизни: А вы не против, если я еще и вон ту вазу возьму. Она мне тоже ее обещала.

— Берите, — устало сказала я.

— Вот спасибо, будет мне память, — она с ловкостью которой я от нее не ожидала сгребла большую вазу. — А вот и эту салфеточку тоже она мне обещала.

Она протянула руку и небрежно отодвинув фотографию Корнелии взяла красивую

связанную вручную большую салфетку. Этого я уже стерпеть не смогла. Какое хамство!

— Нет! — я почти выкрикнула. — Забирайте стулья, вазу и уходите!

Она посмотрела на меня тяжелым взглядом:

— Ну если вам жалко:

К ней подошел Федерико и не церемонясь повел ее к двери:

— Вы получили все что хотели и даже больше. Так что поблагодарите мисс и идете заниматься своими делами.

Она уже в дверях обернулась и сказала на прощанье с усмешкой:

— Спасибо, добрая мисс! Уважили беднячку:

И что-то напевая, пошла вниз по лестнице. Я слышала, как тяжело скрипит под ее весом лестница.

— Они даже не общались: — зачем-то сказала я вслух.

Раздумывать времени не было. Я собрала вещи и мы пошли к машине. Возле машины нотариус мне сказал:

— Прости мисс. Мне срочно нужно уезжать по личным делам. Боюсь, что меня долго не будет в городе. Конечно еще не положено, но я могу все оформить сейчас. Либо приеду через месяц и мы все уладим. Как вам удобнее?

— Я никуда не тороплюсь: — сказала я посмотрев на сверток вещей у себя в руках.

— Хорошо, тогда давайте отложим.

Он попрощался и пошел по пыльной улице утираясь своим старым платком. Я уже почти садилась в машину, как вспомнила, что никого из соседей не пригласила. Поэтому я положила вещи в машину и опять вошла в дом. Я начала ходить по квартирам и приглашать ехать на похороны. Никто не хотел ехать. У кого-то были дела, кто-то болел. Сегодняшняя соседка, которая приходила за стульями открыла мне дверь и смерила меня холодным взглядом.

— Это вам делать нечего, вы на Мерседесах разъезжаете. А мне семью кормить надо! — и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Я чувствовала себя кругом виноватой, хотя и не понимала в чем. Поэтому я зашла в последнюю квартиру. Дверь мне открыла уже почти совсем ветхая старушка. Когда я сбивчиво рассказала ей, она сразу же согласилась поехать и сказала что только переоденется. Я сказала, чтобы она спускалась и мы будем ждать ее в машине.

Через какое-то время, она вышла к машине. На ней было все тоже потертое платье, только она одела новый платок. Федерико пересел на первое сиденье, она села рядом со мной и мы поехали.

— А вы давно знаете Корнелию? — спросила я ее.

Она улыбнулась теплой улыбкой, сложа на коленках свои старческие руки со вздутыми венами:

— Да уж лет тридцать как будет:- она поправила сползший платок. — Мы переехали сюда из небольшой деревушки. Муж нашел работу грузчиком в аэропорту, дети в школу пошли.хлопот было много:

Она ненадолго погрузилась в свои воспоминания. По ее морщинистому лицу пробежала легкая улыбка, на какой-то миг сделав ее почти молодой.

— Корнелия была интересным человеком, но очень уж с непростой судьбой. Как-то так получилось, что мы с ней почти не общались. Разве что всегда здоровались. Я в то время на почте работала и она каждый день приходила и спрашивала нет ли для нее писем. За это все

над ней посмеивались, а мне было ее жалко. Какая-то потерянная она была! Как-будто сорванный лист, который ветер носит по свету: Да и своих проблем тогда было много — детей нужно было на ноги поставить, за квартиру заплатить, приготовить ужин для семьи. Где тут найдешь время на соседей?

Я смотрела на ее руки и они почему-то напомнили мне руки матери. Такие же небольшие, аккуратной формы. Было в них что-то такое, за что их хотелось назвать теплыми. Они были все покрыты морщинами, но они были какими-то живыми. Я и раньше замечала, что руки точно определяют характер и жизнь человека. Ее руки были спокойными. Работа и нелегкая жизнь отложили на них свой отпечаток, но не смотря на это, руки лежали даже как-то чинно. Было видно, что в этой машине она не ловко себя чувствует, но в тоже время она держалась с достоинством.

— А где сейчас ваши дети? — спросила я.

Она опустила глаза:

— Сын в тюрьме сидит, а дочь вышла замуж. Муж у нее богатый и она стесняется меня. Поэтому мы почти не видимся. Иногда она украдкой забегает ко мне. Попьет чай, оставит деньги и дальше куда-то торопиться. А разве мне деньги нужны? После того как муж умер, я лучше поняла Корнелию, ее одиночество. Человек не может и не должен быть один. Он рожден для счастья:

После этих слов, мы надолго замолчали и сидели тихо всю дорогу.

Наконец, машина остановилась перед зданием где должна была проходить кремация. Мы зашли внутрь. Федерико отнес куда-то пакет с вещами, а мы с пожилой женщиной прошли внутрь. Внутри помещение напоминало небольшой холл. Через открытую сбоку дверь, я видела большую комнату с длинными рядами скамеек, напоминающую церковь. В самом конце, стояло возвышение для гроба, украшенное белыми цветами.

Мы сели в холле. Так получилось, что мы с женщиной сели с одной стороны холла, Федерико и Денни с другой. Так мы и сидели, поглядывая друг на друга. Из комнаты сбоку, раздавалась тихая печальная музыка. У меня мелькнуло в голове, что все происходит как бы не по настоящему. Как-будто я еще сплю и вижу странный сон, в котором вокруг меня движутся незнакомые мне люди.

Через некоторое время вышел один из работников и пригласил нас пройти. Мы вошли в соседнее помещение. На возвышении уже стоял гроб. Недалеко встал священник. Он начал говорить речь. Мне казалось, что я слышу все издалека. Я смотрела на профиль лежащей в гробу Корнелии и не могла поверить собственным глазам. Неужели это происходит на самом деле? Наконец, священник умолк и спросил хочет ли кто-нибудь что-то сказать о покойной. Все молчали. Я поднялась и тихо прошла к небольшой кафедре.

Еще с детства я не любила внимание и ни слова не могла произнести, когда на меня смотрели. А тут еще такой случай:

— Здравствуйте, — робко начала я, затем поняв, что говорю глупость, смутилась, но взяла себя в руки. Я обратила внимание, что в зале присутствуют еще несколько человек, видимо это местные работники. — Сегодня мы присутствуем на похоронах Корнелии. Наверное, здесь нет такого человека, который мог бы рассказать какой она была. А я не умею рассказывать: Она была очень хорошим человеком. Человеком, который умел верить. В наше время это качество, к сожалению, утратилось: А еще она умела любить. Любить как никто другой. Любить без надежды и ничего не прося в замен. Просто так, потому что по-другому она не могла. Ради этого чувства она жила:

К сожалению, бог не дал ей детей, которые могли бы быть ее продолжением, но так уж случилось и мы не в силах что-то изменить. Она была лучиком, который освещает мрак вокруг себя. Именно такие люди и не дают забыть нам всем, что такое чистые человеческие чувства.

Меня слегка потрясывало, я стояла рядом с покойной Корнелией и пыталась найти слова, чтобы объяснить каким прекрасным она была человеком. Но разве это можно вот так вот просто сделать? Я посмотрела на нее. Похоже, что ее немного загримировали, потому как ее лицо было чистым и спокойным. Казалось, что она просто спит:

— Корнелия, — я посмотрела на нее. — Ты в жизни многое выстрадала и как никто другой заслужила счастье. Этот мир был слишком жесток с тобой. Я надеюсь, что на том свете, ты наконец-то обретишь покой и любовь. Надеюсь, что сейчас ты со своим любимым и все тревоги позади. А нам остается только память! Покойся с миром!

Я подошла к гробу и поцеловала ее в холодный лоб. 'Покойся с миром, милая!' — прошептала я ей и медленно пошла на свое место. В зале была абсолютная тишина, даже не было слышно звуков с улицы.

В центр прошел мужчина с черном пиджаке:

— А сейчас прощайтесь с покойной. Родственники и желающие могут присутствовать на кремации.

Соседка пошла к гробу. В это время ко мне подошел Федерико.

— Мария, вы будете присутствовать на кремации?

Я обессилено покачала головой:

— Я просто не смогу этого вынести. Хочу запомнить ее такой какая она сейчас:

Он кивнул и куда-то вышел. Через какое-то время пришли несколько мужчин, закрыли крышку гроба и унесли его. Мы медленно двинулись к выходу.

Когда мы вышли, город будто накатил на нас. И хоть мы находились за городом, было слышно как движется, дышит и живет многомиллионный мегаполис. В здании было очень прохладно, а тут стояла оглушающая жара. Мы пошли в сторону машины, которая казалось качалась в облаке горячего воздуха. Я придерживала за локоть соседку. Она тихо плакала.

Наконец, мы сели в машину и Денни включил кондиционер. Стало немного легче. Федерико повернулся ко мне с переднего сиденья:

— Мария, я забыл вам сказать, что с вашими родителями все нормально. Они с утра в клинике и ваша мама сдает все необходимые анализы.

'Господи! Я ведь совсем забыла про них!' — пронеслось в моей голове.

— Денни, мы отвезем эту женщину домой, а потом сразу в больницу скомандовала я.

— Нет, сказал Федерико. Я сейчас позвоню своему водителю и скажу где забрать меня и ее, а вы езжайте. Если я еще буду нужен, — он протянул мне свою визитку, — звоните. Я все улажу.

— Спасибо большое!

Когда мы подъезжали к зданию частой больницы, я не могла сидеть на месте. Машина подъехала к высоким воротам и просигналила. Охранник открыл нам ворота и мы въехали внутрь.

Внутри оказался небольшой больничный городок, состоящий из нескольких разноэтажных зданий. Некоторые из них, соединялись между собой прозрачными коридорами. Вокруг был разбит красивый парк с ухоженными газонами и опрятными

лужайками. Я видела, как на траве тут и там сидели несколько человек.

Уже входя в здание, я увидела одинокую фигуру отца на одной из скамеек. Он меня не видел. Меня поразил его убитый вид и какая-то тяжесть, сковавшая его некогда мощную фигуру. Я медленно подошла к нему и села рядом.

— Привет, пап!

Он посмотрел на меня глазами человека, который только что проснулся:

— Мария?.. А, привет, дочка! — он потрепал мою руку.

— Пап, ты почему здесь и где мама?

— Мама сейчас сдает анализы. А я вот тут ее жду.

— А почему ты не сдаешь анализы?

Он молча качал ногой, глядя в даль:

— Знаешь, когда твоя мать забеременела, я жутко испугался. Я думал, как она, такая худенькая и слабая сможет родить? Но она смогла, и все мои страхи оказались напрасными: Надеюсь и сейчас я зря боюсь.

Я обняла его:

— Теперь с ней будет все хорошо, она в надежных руках. А почему ты здесь? Почему не пошел на обследование?

Он покачал головой:

— Не могу я дочка! — он провел рукой по груди как будто не мог дышать. — Если бы не мать, я никогда бы не взял эти деньги. Ничего хорошего они нам не принесут. Прости, не могу!

Я сидела почти убитая этой новостью:

— Папа, — осторожно начала я, — ты понимаешь, что обрекаешь себя на смерть. А ты ведь так нам нужен? Особенно, ты нужен будешь маме. Она выйдет из больницы и за ней нужно будет присматривать. Я это пока делать не могу, Оливия не будет ей сиделкой. Ты нужен ей!

Он покачал головой:

— Я буду рядом с ней до последнего вздоха, но изменить себе не могу, — он попытался улыбнуться. — Кроме того, я так запросто смерти сдаваться не намерен! Может быть и обману костлявую!

Я обняла его и расплакалась. Если бы только я могла насильно уговорить его: Хотя:

— Я скоро приду! Тебе тут не жарко? Может быть зайдешь внутрь?

— Нет, я тут в тени посижу. А ты иди.

Я встала и пошла к зданию. Оно было сделано из больших каменных блоков и внутри было прохладно. На входе сидела приветливая медсестра. Я рассказала ей, что я дочь сегодня поступившей больной и что я хочу поговорить с доктором. Она кивнула мне и просила следовать за ней. Мы прошли на второй этаж и она указала мне на дверь с табличкой 'Александр Штольц. Заведующий больницей'. Я постучала и услышав 'Войдите!', зашла внутрь.

Внутри кабинет казался больше чем мне могло показаться сначала. На стенах висели различные медицинские дипломы и сертификаты. В углу стоял уютный коричневый кожаный диван с мягкими креслами. Был включен большой телевизор на стене.

За письменным столом сидел высокий человек с рыжими волосами. Я думала, что таких в природе не бывает. Он в буквальном смысле был оранжевым. Его худое интеллигентное лицо покрывало множество веснушек, отчего почти белоснежная кожа казалась почти

прозрачной. Он поднял на меня свои серьезные серые глаза и вопросительно посмотрел. Я поняла, что дальше паяться уже будет не удобно и поэтому подошла к нему и протянула руку.

— Здравствуйте, мистер Штольц! Меня зовут Мария Карузо. Я дочь поступившей сегодня пациентки Адрианы Карузо. Я хотела бы узнать как ее дела?

Он поправил очки и начал перебирать папки:

— Сейчас мы берем необходимые анализы. Если они будут хорошими, то через пару дней мы ее прооперируем. Если нет, то она пройдет небольшой восстановительный курс, а потом мы проведем операцию.

Я кивнула:

— У меня еще есть к вам один деликатный вопрос. Мой отец болен раком. Он говорит, что он безнадежен, но я ему не верю. Я нашла деньги, но он не хочет ими воспользоваться.

Заведующий наморщил лоб:

— Тут я ничем не могу вам помочь. Лечить пациента мы можем только с его согласия. Все поступающие, подписывают необходимые бумаги.

Мое отчаянье было безграничным:

— Доктор, помогите мне! Убедите его!

Он покачал головой:

— Я не могу никого убеждать. Это не этично с моей стороны. Вы как дочь попробуйте сами.

— Я уже пыталась. Это невозможно: — ответила я. — Разве только:

— Только что? — Александр смотрел на меня очень внимательно.

— Разве только, его признают недееспособным.

— Хм: Мисс Карузо, вы отдаете себе отчет в том, что говорите? Кто может сделать это? И как вы потом ему в глаза посмотрите. Если вы принесете мне такую бумажку, я смогу конечно закрыть глаза на нее, но вам потом жить рядом с этим человеком. Подумайте сами.

Я сидела и чувствовала как пылает мое лицо. А что я еще могла сделать? Поэтому тихонько встала:

— Спасибо, доктор! Я подумаю, как быть дальше. Не могли бы вы держать меня в курсе относительно моей матери. И еще, я хочу чтобы с ней в палате жил отец. Может быть тогда он изменит свое мнение.

Штольц пристально посмотрел мне в глаза:

— Хорошо. Оставьте свой телефон. Как будут новости, я позвоню!

Я достала ручку и написала ему свой номер телефона:

— Звоните, если что будет нужно!

Он проводил меня до двери:

— Не волнуйтесь насчет матери, мы сделаем все как нужно!

Я кивнула и тихо вышла. По дороге вспомнила, что не видела мать, но вернуться и спросить разрешение я не смогла, поэтому пошла на улицу.

Отец сидел все на той же скамейке. Я подошла к нему:

— Сегодня похоже маму увидеть не удастся. Я договорилась с врачом, чтобы ты вместе с ней в палате пожил. Тебе койку поставят.

Он покачал головой:

— Я лучше приходить буду. С утра приду, вечером уйду. Я тут не усну. Да и за содержание меня еще платить придется.

День для меня выдался ужасно трудным, поэтому спорить я не стала.

— Тебя подвезти?

— Нет. Я еще подожду немного, может быть дадут увидеться. А потом домой поеду.

Я чмокнула его в щечку и пошла к машине. Сегодня я одела жутко не удобные черные туфли, которые стерли мне ноги. Поэтому я сняла их и медленно шла по зеленому газону, который приятно щекотал кожу усталых ног.

— Мисс Мария! — это был Денни. Он стоял недалеко от дорожки. — Меня попросили переставить машину, поэтому я пришел за вами.

— Не нужно было так беспокоиться, ты мог бы мне просто позвонить.

Он сверкнул белозубой улыбкой:

— Вот еще. Хозяин за это мне шею отвернет.

— Я не хозяин. Так что, зови меня Мария без всяких мисс и будь проще!

Он скорчил грозную мину:

— Так где ты шляешься?! Вон машина тебя ждет! — он опять хитро улыбнулся. — Так пойдет?

Я моргала глазами:

— Ничего себе переход! Ну конечно не до такой степени, но ты меня понял, — наконец я расслабилась и улыбнулась. И мы поехали домой.

Машина подъехала к воротом виллы и я поймала себя на мысли, что называю ее домом. 'К хорошему быстро привыкаешь!' — хмыкнула про себя, выходя из машины и поднимаясь по лестнице. Один из охранников сказал, что Чаки выехал и просил меня чтобы я ужинала без него. Я кивнула и поднялась в свою комнату, чтобы для начала искупаться. Мне казалось, что за день на мне осела вся пыль Мексики, поэтому я сильнее обычного терла себя мочалкой. В голове была абсолютная пустота. Проблем было столько, что не хотелось ни о чем думать. Ладно, хоть мама в больнице! Тут я вспомнила про Оливию. Я потянулась за мобильным и набрала ее номер. В трубке были долгие гудки и никто не отвечал. 'Похоже, она опять развлекается', - зло подумала я.

Выйдя из ванны, я прилегла на кровать. За окном уже смеркалось и длинные тени пересекали комнату как бы разрезая ее на несколько частей. Я чувствовала, что медленно погружаюсь в сон. И хотя время было не подходящее, противиться я не стала, а просто закрыла глаза, отдавая себя в руки Морфея.

Когда я проснулась, было уже совсем темно. Из-за не до конца задернутой занавески в комнату заглядывал лунный свет. Я потянулась и села на кровати. Во сне, мой тяжелый махровый халат съехал и теперь на теле были из-за этого отпечатки складок.

Мне ужасно хотелось есть, а события сегодняшнего дня уже казались мне какими-то далекими и нереальными. Как будто все это мне приснилось. Я поплотнее запахнула халат и пошла искать съестное. Спустившись на нижний этаж я нос к носу столкнулась с одним из охранников.

— Э-э: Я тут ищу чем бы подкрепиться.

Он смотрела на меня сверху вниз как на жука:

— Вам пригласить повара?

— Нет-нет! — заторопилась я. — Мне бы узнать где тут находится холодильник.

Он объяснил мне и я кивнув пошла в кухню.

В доме стояла абсолютная тишина. Проходя мимо больших часов, я обратила внимание, что уже около часа ночи. Боже, я проспала 5 часов!

Кухня была очень большой. В середине ее были столы для приготовления в виде квадрата. В центре этого квадрата стояли наборы ножей, вилок, ложек и прочих поварских придамбасов, названия которых я не знала.

Холодильник нашелся не сразу, так как он был спрятан за панелью. Я открыла его и замерла в восхищении. Содержимому этого холодильника мог бы позавидовать любой супермаркет. Казалось, что здесь было почти все! Мой голодный желудок видимо, торопя меня заурчал.

— Ладно ты! Сейчас найдем чего-нибудь!

Я вытащила сардельки, сыр, йогурт, кусок шоколадного торта. К сожалению, майонез не полез мне в руки, и поэтому я прижала его подбородком.

Когда я уже со всем этим добром направлялась к столу, я заметила, что в проеме кто-то стоит. Черт! Это был Чаки! Вот невезет! И почему именно он?

— Милая! Ты я вижу голодна?

В этот момент майонез падает у меня из-под подбородка и растекается на полу огромной белой лужей.

— Господи! Ты меня до смерти напугал! — я пыталась сделать вид, что не испытываю неудобства от этой идиотской ситуации, поэтому просто перешагиваю белую лужу и раскладываю свою добычу на столе. — Подумаешь, аппетит немного разыгрался!

— Немного? — он взял одним пальцем за гирлянду из сарделек. — Да у тебя просто волчий аппетит! Знал бы, что ты так много ешь, не пригласил бы тебя к себе пожить!

Я продолжая делать гордый вид, оторвала одну сардельку и начала задумчиво ее жевать. Чаки смотрела на меня пытаясь не рассмеяться. Я же решила его добить и поэтому взяла огромный кусок сыра и откусила от него.

Чаки начал смеяться как сумасшедший, а потом взял мою руку с куском сыра и тоже откусил. Я примирительно улыбнулась и протянула ему сардельку.

После этого, мы уже стали вести себя более свободно. В итоге, мы ходили к холодильнику еще два раза.

Наконец, я почувствовала, что едва могу дышать. А также, то, что глаза Чаки все чаще смотрят в разрез моего халата, который слегка распахнулся. Я начала неловко завязывать пояс, одновременно, пытаюсь запахнуть длинные полы.

Чаки откинул надкусанное яблоко и взявшись за пояс моего халата, начал тянуть за него, одновременно пятясь к двери. В какой-то момент, я заметила, что он пятится в сторону лужи майонеза, но решила промолчать. Однако, мое злорадство обернулось против меня. Чаки поскользнувшись в жирной белой гуще, невольно схватился за полы моего халата и мы вместе грохнулись в эту лужу. Я лежала прямо на нем и поэтому видела его удивленное лицо достаточно близко. Его глаза расширились, я же тем временем хохотала и не могла остановиться. Чаки попытался подняться, однако сделать это на жирном полу не смог, тем более, прямо на нем лежала я. Мне он напоминал гигантскую божью коровку, которую перевернули на спину. О чем я, чуть отдышавшись от смеха и заикаясь еле смогла произнести, как снова начала смеяться как угорелая. Глаза Чаки вспыхнули весельем и он ловко перевернул меня, отчего мои волосы испачкались в майонезе и я почувствовала на спине липкую и жирную субстанцию. Я начала отчаянно бороться, но он держал меня крепко, не переставая смеяться. Да, уж! Как говорится, не рой яму ближнему.

Поняв тщетность своих попыток, я успокоилась и затихла. Чаки смотрел на меня сверху вниз. Не знаю, почему я так сделала, но я почему-то подняла свою голову и легко его поцеловала. Он выглядел пораженным, затем буквально впился своими губами в мои. Я ответила на его поцелуй. Его язык был горячим и острым. Внутри своего живота я почувствовала какое-то томление. Мне казалось, что мне не хватает воздуха и что моя кожа стала обжигающе горячей.

Чаки поднялся на ноги и взяв меня на руки понес на верх мимо охранников, которые старались делать вид, что не видят мои обнаженные ноги, так как халат мой задрался выше некуда.

Он поднялся на наш этаж совсем не запыхавшись и решительным шагом направился в свою комнату. Подойдя к кровати, он бросил меня на нее и распахнув полы моего и так уже съехавшего халата остановился наблюдая за мной. Я же краснела как девчонка.

Где-то далеко в мозгу пронеслось, что где-то эта ситуация уже была, но я отогнала эту мысль. Впервые в жизни, я поняла что такое страсть. И это чувство меня поглотило. Я совсем не хотела ему сопротивляться. Мне хотелось быть бесстыдной и свободной, получить то, что я хочу. Поэтому я скинула халат и начала помогать ему снять с себя одежду. Наконец, мы остались совсем голыми. Я рассматривала его тело. Оно было очень красивым, без грамма лишнего жира. Его смуглая кожа в темном помещении казалась еще темнее. На груди росли черные волосы, которые тонкой дорожкой доходили до пупка и спускались вниз — прямо к его мужскому достоинству. Его член был напряженным. Я легонько взяла его в руки и слегка погладила. Чаки закрыл глаза и издал протяжный вздох. Сама не зная почему, я опустилась на колени и взяла его твердый член в рот и аккуратно погладила его языком. Стыда не было. Мне казалось, что я наблюдаю эту сцену со стороны и что это не я, а кто-то другой.

Чаки поднял меня и повернув к себе спиной, наклонил меня. Он гладил мою обнаженную спину, слегка покусывал ягодицы. Я закусил губу, чтобы не застонать. Но когда, его рука дотянулась и слегка будто бы играючи пощекотала мне клитор, я услышала собственный стон. Я выгнула спину, как это делают кошки. Да это уже наверное кошка и была. Мне казалось, что мою личность вытеснило какое-то дикое существо. Оно обрадовалось обретенной свободе и не хотело отступать, заполняя каждую мою клетку!

Мы сплелись как две лианы, его горячая кожа обжигала мою. Чаки погладил мои волосы, его рука была в майонезе. Видимо это с моих волос. Я облизала его пальцы и он легко засмеялся. Дальше мы упали на кровать и мне казалось, что я падаю и падаю вниз. Я совсем не чувствовала своего тела, оно было чужим и как мне казалось незнакомым:

Позже когда я пошла в душ, то поймала себя на том, что я пою. Чему была несказанно удивлена. Мне вспомнилось мое отчаянье и чувство унижения у Андре. А тут я как ящерица, скинула свою кожу, чтобы стать еще ярче! Вытирая волосы я вышла из ванной. Чаки лежал на кровати, ее уже перестелили и смотрел на меня. От смущения я слегка смутилась.

— Ложись ко мне, детка! — он похлопал рядом с собой.

Я забралась на кровать и прижалась к нему.

— Гляди что сейчас будет! — он нажал кнопку и на стене открылась одна из панелей, за ней был черно-белый старый телевизор. Чаки нажал на кнопку, по телевизору шел какой-то старый американский фильм про ковбоев.

— У тебя же есть плазма, — я погладила пальцем по его носу. — Зачем тебе такое

старье?

Он ухмыльнулся:

— Когда я был мальчиком, то мечтал о телевизоре. Мы жили бедно и у нас не было даже радио. А вот у одного моего друга был вот такой же телевизор. И иногда он приглашал нас его смотреть! Как же я ему завидовал! Мне казалось, что будь у меня такой же телевизор, я был бы самым счастливым человеком на земле. Поэтому как только у меня появились деньги, я купил себе телевизор, тогда это был уже цветной. Но временами, когда у меня бывает ностальгия, я включаю этот черно-белый телевизор и смотрю старые фильмы. Тогда я чувствую, как многого я достиг и что я счастливый человек!

Я смотрела на него и чувствовала что влюбляюсь все сильнее. Почему люди называют его живодером? Никто не знает, что у него тонкая душа и что он в глубине души все тот же испуганный бедный мальчик!

Мы прижались друг к другу и смотрели фильм про ковбоев и индейцев и каждый думал о своем. Я думала о том, что моя жизнь враз изменилась и что наверное я счастливая женщина. Также я вспоминала как Чаки стонал и извивался в моих руках и чувствовала свою женскую власть над ним, и то что как-то внезапно он мне стал близким и родным! О чем думал он мне было не известно! Я не хотела портить этот момент ненужными расспросами. Через какое-то время я крепко уснула.

Утром я проснулась ощущая легкость в теле и просто животный голод. Чаки в комнате не было. Я пошла к себе и переоделась. Сегодня мне нужно съездить к маме. Я позвонила Оливии. Она долго не брала трубку. Наконец я услышала заветное:

— Алло!

— Привет, Оливия! Слава Богу! Я до тебя не могла дозвониться!

— Я была занята. Ну как ты? У тебя я слышала все ок?

В ее голосе были злые нотки. Я решила не обращать на нее внимания:

— Оливия, я хотела с тобой поговорить. Может быть встретимся у мамы в больнице, или мне домой заехать?

— Я сегодня отпросилась на работе и через час собираюсь в больницу. Отец уже там. Давай увидимся там!

— Хорошо!

Охранники сказали мне, что Чаки выехал. Я позавтракала и начала собираться в больницу. Тут зазвонил мой мобильный телефон. Номер был не известен:

— Алло!

— Привет, детка!

Это был Чаки. Он впервые позвонил мне:

— Я слышал ты уже встала?

— Да. Я собираюсь ехать в больницу.

— Обязательно позавтракай!

— Хорошо, папочка! — я улыбалась, чувствуя что и он тоже улыбается.

— Покушай, шофер отвезет тебя.

— Ок!

— Целую! Вечером тебя ждет сюрприз! — я чувствовала как его голос сел и решила немного над ним подшутить.

— Что же это может быть? Надеюсь плотный ужин?

— Нет, — его голос еще сильнее сел. — Что-то личное.

Я продолжала ломать комедию:

— Что-то личное?: Что же это может быть? Только не говори, что ты мне подаришь ручного крокодила.

Я услышала на том конце его смех и у меня радостно затрепетало сердце.

— Почти, дорогая! Вечером увидишь!

— Ок! Как бы мне только сразу не обрадоваться:

— Я уже на месте, до вечера! Чао!

— Чао!

Улыбаясь я положила телефон и начала одеваться в больницу.

Завтракала я на террасе. Утро было не жаркое и я нежилась под лучами солнышка. Откусывая бутерброд, я заметила газету на столе. На самой верхней был громкий заголовок огромными буквами 'Криминальная разборка в ночном клубе. Расстреляно 10 человек!'

Я пожала плечами и продолжала жевать бутерброд. Рядом ходил один из охранников.

— Эй! — я махнула ему рукой.

Он был не высокого роста и со смешными усиками.

— Да, мисс!

— Вы не могли бы позвать ко мне садовника, ну или сказать где мне его найти.

— Конечно, я сейчас его приведу к вам.

— Нет, лучше распорядись пока насчет машины, а мне объясни где он. Охранник объяснил мне и я пошла по дорожке в сторону небольшого домика.

Под 'домиком' они имели ввиду небольшой двухэтажный дом побеленный и выглядевший очень опрятным. Я тихонько постучала в дверь, но мне никто не ответил, поэтому я вошла и пошла смотреть домик. Внутри вся мебель была из дерева и у меня было впечатление, что я в Провансе. На окнах висели короткие цветные занавески, украшенные бантами. Мне навстречу вышла пожилая дородная женщина. Я как-то встречала ее, кажется ее звали Эльвира. Она мне улыбнулась, вытирая руки об белый фартук.

— Здравствуйте, мисс Мария! Очень рада что вы зашли!

Я пожала ее теплую сухую руку:

— Я ищу садовника. Его Шомер кажется зовут.

— Да. Это мой муж. Но сейчас он уехал за саженцами, — тут она громко закричала куда-то в сторону. — Хасан!

Мне было как-то неловко, поэтому я спросила:

— Вы здесь живете?

Она кивнула:

— Да! Я мой муж, наш сын Хасан. У мужа есть еще два помощника, но они приходящие. Мы сами приехали из Ирана. Мой муж был главным садовником министра, но министра задушили повстанцы и поэтому нам пришлось бежать. Чаки дал нам работу и дом. Мы уже десять лет служим у него: А вы зачем искали Шомера?

— Я хотела попросить цветов для своей матери. Я сейчас иду к ней в больницу.

— Хасан! Подлый мальчишка! — опять закричала она.

За ее спиной появился худой чернявый подросток, лет шестнадцати.

— Ах вот ты где! Иди проводи мисс и срежь ей красивый букет.

Подросток оглядел меня озорными цыганскими глазами. Его зрачки были очень

темными, поэтому глаза казались огромными. Нос был широким и немного приплюснутым, а волосы вились и лежали на плечах.

— Конечно, ма! Идемте, мисс!

— Спасибо вам! — я пожала ей руку и мы с Хасаном пошли по дорожке.

Я смотрела на его спину с острыми лопатками и мне почему-то было его немного жаль. Но шел он достаточно быстро и разговаривать было не удобно.

Мы дошли до большой оранжереи. Он открыл ее и мы попали во влажное цветущее царство.

— Ваша мама какие цветы любит?

Я пожала плечами:

— Не знаю. Она раньше танцовщицей была:

Он кивнул и стал ловко срезать какие-то цветы и растения.

Я же бродила по дорожкам не переставая ахать и охать.

— Хасан, а тебе нравится быть садовником?

В это время он возился отрезая ярко-красные розы и поэтому сопел:

— Не знаю. Я еще только помощник.

— А: А кем бы ты хотел быть?

— Альпинистом!

Услышав это, я обернулась:

— Кем-кем?

Он засмеялся:

— Вот и мама также как вы сказала! А еще сказала не выпендриваться. Мой отец садовник, его отец был садовником и его дед был садовником. Так что, садовником буду и я!

Я улыбнулась:

— Понятно! А почему альпинистом? Разве это профессия?

Он пожал плечами:

— Мне нравится горы! Там люди часто попадают в беду и их нужно спасать. И по миру ездить!

— Так значит ты хочешь быть спасателем?

— Значит. Только спасать я хочу в горах!

Мы рассмеялись. И он вручил мне букет. От красоты букета я ахнула: в нем были ярко-красные розы, нежные белые лилии и еще какая-то мелкая травка в шишечками. А сам букет был перевязан каким-то красивым зеленым листом.

— Какая красота! Ты просто волшебник!

Я наклонилась и чмокнула Хасана в щечку. Он весь зарделся, но было видно, что ему очень приятно!

— Чего уж там: Если что, я еще лучше могу!

— Спасибо! Лучше не бывает!

Я протянула ему руку и он с гордостью ее пожал. Я же побежала в сторону дома. Пора было ехать в больницу, я итак много времени потратила.

Подъезжая к зданию больницы, я заметно нервничала — как там мама? И что с отцом? Поэтому когда машина замедлила ход возле ворот больницы, я открыла дверь и хотела выйти. На что Денни крикнул мне:

— Если вы разобьетесь в лепешку, хозяин сделает из меня рагу.

Я улыбнулась и схватив букет поспешила по дорожке к зданию больницы. День еще только начинался, но было ужасно жарко. От земли поднималась белая дымка и деревья тяжело качали ветвями, пытаясь хоть как-то охладиться.

Когда я вошла в главное здание, то вздохнула с облегчением. Там стояла приятная прохлада и полутьма. Девушка за стойкой узнала меня и приветливо кивнула, я улыбнулась ей и спросила:

— Вы не подскажите как мне найти пациентку Карузо?

— Конечно, сейчас подскажу, — она открыла журнал. — Комната 405. Это на четвертом этаже с правой стороны коридора. Вас проводить?

Я покачала головой и пошла в сторону лифта.

Здание было удивительно просторным. Было видно, что над ним работал хороший архитектор, потому что не смотря на кажущуюся простоту, оно было очень элегантным. Внутри были только натуральные материалы — мрамор, камень и дерево разных пород.

Мои каблочки гулко стучали по коридору, но мне казалось, что мое сердце звучит еще громче. Я соскучилась по родным, тем более, что раньше я никогда не ночевала вне дома.

Перед дверью под номером 405 я нерешительно замерла пытаясь унять сердцебиение. Затем тихонько постучала и не услышав ответ, вошла внутрь. Мама спала, а на соседнем кресле дремал отец. Я обратила внимание, что он выглядит уставшим и немного бледным. Тихо войдя я села рядом с кроватью.

Палата была просторной, с телевизором и даже небольшой кухонкой. Рядом была дверь в душевую и туалет. Дверь туда была открыта и я видела идеально белую плитку и стальную голову душа. На столике рядом я увидела вазу в которой стояли гвоздики. Я поставила свой букет рядом.

Когда я села, мама открыла глаза и улыбнулась мне.

— Привет, дочка, — она протянула мне сухую и теплую от сна руку. Я ее взяла в свою и улыбнулась ей в ответ.

— Привет!

Тут она заметила цветы и глаза ее загорелись:

— Это мне?.. Какие красивые! Знаешь, в молодости мне часто цветы дарили. А один поклонник каждый вечер присылал мне коробку темного соленого шоколада и букет роз, — ее глаза затуманились и я поняла, что сейчас она далеко — в днях своей веселой юности. — Всем я говорила, что не люблю цветы и мне все равно. Глупая! Я этим наверное как-то похвалиться хотела, что не обращаю внимания на подарки. А сама была просто счастлива. Я ставила цветы возле кровати и когда засыпала, мне казалось, что я сплю в райском саду. Вот какой в маленькой комнатке аромат стоял!

Я смотрела на мамино любимое лицо и старалась запомнить его таким — счастливым и почти молодым. Ее глаза светились радостью. И даже морщинки стали не такими заметными.

В это время дверь тихо отворилась и вошла Оливия. Они с мамой принялись охать и обниматься. Заерзав на стуле проснулся отец.

— Ой! Видать я заснул, — отец посмотрел на часы. — Смотри как! Почти час спал!

Я подвинула Оливии стул и мы все уселись в ряд. Среди своей семьи я чувствовала себя как никогда счастливой. Мы были вместе и нам было хорошо. Как будто каждый чувствовал важность этого момента, а также то, что все запомнят этот день, поэтому мы пытались друг друга смешить. В итоге в палате было весело и шумно.

Наше веселье прервал заведующий больницей, Александр Штольц. Он вошел и увидел наше веселье тоже улыбнулся:

— Добрый день! Я очень рад, что вы пришли поддержать вашу маму! У меня для нее хорошие новости.

Мы смотрели на него с надеждой. Так путник в пустыни смотрит на далекие очертания города, боясь обрадоваться и разочароваться если город окажется всего лишь миражом.

Тем не менее он продолжил:

— Анализы не плохие, так что мы начнем проводить подготовку к операции. Пару дней вам рекомендована диета и небольшой курс мероприятий. И уже на следующей неделе, если анализы будут такими же, то во вторник мы будем делать операцию.

У мамы выступили слезы, мы же кинулись обниматься. Этот день мы так долго ждали! Больше всего я боялась, что мама умрет, а я ничем не смогу помочь ей. Но, Бог дал мне шанс! И я была счастлива, что я им воспользовалась!

Александр стоял и улыбаясь смотрел, как мы поздравляем друг друга. Лишь перед тем как выйти он сказал:

— Мария, зайдите потом, пожалуйста, ко мне. Нам нужно обсудить кое-какие детали.

Я радостно кивнула. В палату зашла медсестра с инвалидной коляской и попросила нас выйти, так как ей нужно было отвезти маму на процедуры. Мы с Оливией пошли к выходу. Отец сказал, что дождется маму, а потом пойдет домой.

Мы с Оливией подошли к большому открытому окну и сели на подоконник. Она закурила. Я молча смотрела на нее:

— Оливия, не кури, тебе не идет.

— Ох, Мария, ты прямо как мама! — она меня передразнила закатив глаза: 'Оливия, не кури, тебе не идет!'. Лучше говори, чего звонила.

Я не знала как ответить.

— Я переживала за тебя. Вот и звонила.

— А ты не переживай! У меня все ок! Вот деньги бы не помешали. Ты мне не одолжишь?

Я покачала головой:

— У меня ничего нет. А зарплату еще не дали.

Оливия затянувшись сигаретой, смотрела на меня как на полную кретинку:

— Смотрю на тебя и думаю, правда дура или только притворяешься.

— Не понимаю, о чем ты?

Она опять изобразила меня противным голосом:

— 'Не понимаю, о чем ты!'. А я все о том, что ты живешь у одного из самых крутых мужиков в городе и пытаешься мне втереть что у тебя денег нет.

Я начала оправдываться и от этого злилась:

— У меня и вправду ничего нет. То что он дал, я все отдала маме. Ты думаешь, я к нему как в банк хожу!

Она покачала головой и выбросила в окно сигарету:

— Мария! Ты для него очередная игрушка, которая рано или поздно наскучит ему. Поэтому пользуйся положением пока можешь. Дои его как корову, которая бьется в конвульсиях и не факт, что доживет до завтра.

— Я не могу так, — покачала головой я. — Он столько для нас сделал.

Оливия обняла меня:

— Мария, что он сделал? Изнасиловал меня? Ты про это? Ну дал он тебе деньги. Понимаешь, это для нас огромная сумма. А для него копейки. Он больше на скачках проигрывает. Разве ты не понимаешь, что этот пресыщенный сукин-сын просто играет тобой как с новой игрушкой? А когда он распотрастит тебя и изучит все твои внутренности, ты ему надоешь, он выкинет тебя на улицу и не вспомнит, что ты есть на свете.

Я сказала тихо:

— Он так не сделает!

Оливия пристально взгляделась в мое лицо:

— Только не говори, что ты в него влюбилась? Да?

Я молчала, но чувствовала, что краснею.

— Боже! Мария, ты в своем уме! Ты разве не понимаешь, с кем ты связалась? Это как огонь. Сегодня он тебя греет и кормит, а завтра сожжет твоё жильё и отнимет у тебя всё! Огонь нельзя любить!

Она поцеловала меня в висок и быстрой походкой пошла по коридору. Я испытывая сложные чувства смотрела ей в след. Её каблучки звонко стучали, а сама Оливия что-то напевала. Как же я завидовала её способности от всего отключаться!

Я хотела идти к заведующему, но вспомнила про отца, поэтому вернулась в палату. Он читал газету, направив её на солнечные лучи, которые пробивались в окно.

Я подошла и села напротив:

— Папа, как ты себя чувствуешь?

Он отложил газету и устало посмотрел на меня:

— Ничего дочка! Только вот с непривычки спать не могу. Матери дома нет, тебя тоже.

Оливия приходит поздно. Вот я как старый дурак и таращу глаза в телевизор до утра.

Я заметила, что его лицо как-то осунулось, возле одного глаза стала заметна синяя вена, которая сделала щеку как-будто испачканной чем-то.

— Папа, — терпеливо начала я. — Ты зря упрямышься! Тебе нужно пройти обследование и лечение, если это необходимо! Каждый день дорог!

Он покачал головой:

— Не могу я дочка! И не терзай себя. Я хорошо пожил, но меня не сможет вылечить ни один врач.

— Ты хотя бы попытайся! — заплакала я.

Он улыбнулся и погладил меня по голове:

— Сейчас тебе трудно понять мое решение, но когда-нибудь, ты поймешь его и согласишься, что это было правильно!

— Никогда! — почти закричала я. — Никогда я не пойму того, что ты добровольно обрекаешь себя на смерть, в то время как ты так нужен маме и нам! Как мы без тебя!

Он сел рядом и обнял меня, я прижалась лицом к его груди и рыдала, рыдала, рыдала. Отец гладил мои волосы и что-то тихо нашептывал мне. А я все никак не могла успокоиться. Мне было непонятно почему он упрямится, а также страшно, что своим упрямством он посылает себя на верную смерть. А я ничего не могу с этим поделать.

Наконец, когда я выплакала казалось бы всю жидкость, которая была во мне, я подняла лицо и посмотрела на него. Он мне улыбнулся:

— Душ сегодня можно не принимать!

Я засмеялась и легонько ткнула его кулачком:

— Ты невозможен!

Затем пошла в ванную комнату и умылась. Когда я зашла, отец снова читал газету, подойдя к нему я чмокнула его в щеку:

— Мне нужно зайти к заведующему.

— Иди, конечно! Он хороший парень.

— Ты о чем?

— Я видел, как он смотрел на тебя! Ты ему нравишься!

— Господи, папа! Что ты такое говоришь, он меня второй раз видит. Я сомневаюсь, что он вообще смотрел бы на меня, если бы не деньги, которые мы платим за лечение.

Отец улыбаясь покачал головой:

— Ничего ты еще не понимаешь! Я знаю этот взгляд. Сам когда-то также смотрел на твою маму, когда она не видела: Знаешь, а он мне нравится!

— Папа! — я махнула ему и вышла.

'Бред какой-то!'. Сказала себе я и пошла искать кабинет якобы влюбленного в меня заведующего.

Я сидела напротив Александра Штольца. Он начинал было разговор, но у него постоянно звонил телефон. Он извинялся и начинал разговаривать по телефону. Я же от нечего делать, разглядывала его и его кабинет. Александр уже не казался мне таким уж рыжим и худым. В нем была какая-то утонченная интеллигентность. Я обратила внимание на его длинные тонкие пальцы с гладкими аккуратными ногтями. Таким пальцам позавидовал бы любой пианист. Когда он разговаривал, то слушая собеседника наклонял голову, как бы пытаюсь понять и почувствовать то, что пытались донести.

Наконец, он перестал разговаривать и отодвинул телефон. Видя мое пристальное внимание, он немного смутился:

— Простите, меня! Работы много!

— Понимаю.

— Так, о чем я хотел поговорить?..

Я терпеливо ждала:

— Ах, да! Я хотел узнать. Удалось ли вам уговорить своего отца пройти обследование?

Я покачала головой.

— Жаль! Я сегодня звонил одному своему коллеге. Он один из самых лучших в нашей стране онкологов. Через 2 недели он прилетает сюда на семинар. И я попросил его, дать вашему папе консультацию.

В моей душе ожила надежда:

— Правда? Это было бы здорово! Даже и не знаю как вас благодарить!

Он смутился:

— Что вы!?! Какие благодарности!

Я готова была прыгать от радости:

— Спасибо, доктор! Я постараюсь его уговорить! А вот после маминной операции, мы наляжем на него вдвоем и обязательно уговорим его!

Он улыбался, глядя как я ерзаю на месте:

— Можно просто Александр! А то доктор, звучит как-то страшновато!

Мы улыбнулись друг другу. Он смущаясь произнес:

— Ваш отец очень гордый мужчина, который не любит чувствовать себя кому-то обязанным, поэтому скажите ему, что осмотр будет проводить врач из Красного Креста —

это бесплатно. Думаю он согласится, а потом в случае если нужна будет операция, мы также что-нибудь придумаем.

Затем я встала и протянула ему руку:

— От всей души благодарю вас Александр!

Он пожал мою руку.

— Я очень рад был вам быть полезным!

Мы мило попрощались и я счастливая от него ушла, про себя посмеявшись над словами отца. Я же сама видела глаза Штольца когда мы разговаривали. Он просто был хорошим и внимательным человеком, но любовью ко мне там и не пахло.

Я решила заехать на работу, чтобы узнать как там обстоят дела и заодно пообщаться с Розой. Мне не хватало ее, потом мне нужен был дружеский совет.

Роза увидев меня бросила работу, а ей оказалась жженая перекистью блондинка.

— Девочка моя! — Роза тепло обняла меня. — Ну как ты?

Я только хотела начать жаловаться на жизнь, как блондинка подала голос, который оказался таким же противным, как и ее белокурые пакли:

— Нельзя ли сначала закончить работу, а уж потом чесать языки?

Роза взглянула на нее как на червяка, который внезапно заговорил:

— Нет, ты видишь, какая публика пошла? — она подошла к блондинке и повернув той лицо, начала яростно его красить. — Сидите, дамочка, скоро закончим.

В этот момент зашел Рамирос:

— Мария! Детка! Ну как ты?

— Нормально! Я только что с больницы. Если все будет нормально, моей маме на следующей неделе сделают операцию.

— Это очень хорошая новость! — Рамирос сел на один из стульев. — Я слышал у тебя подруга умерла. Может быть чем помочь?

Я покачала головой.

— Спасибо, не нужно. Уже все сделано.

Повисла неловкая пауза. Роза докрасила блондинку:

— Все! Вы готовы!

Блондинка близоруко всматривалась в зеркало, затем протянула руку и взяла очки. Она водрузила их на нос и уставилась на свое отражение.

— А почему так бледно?

Роза всплеснула с руками. Мы с Рамиросом еле сдерживались, чтобы громко не рассмеяться.

— Бледно!? — у Розы в этот момент поднятые от удивления брови были чуть ли не на затылке. — Как это бледно?

Блондинка крутила головой как китайский болванчик:

— Бледно, говорю! У меня же глаз не видно! А где мои губы, я их практически не вижу!

Мне казалось, что Роза сейчас ее чем-то огреет, поэтому я попыталась вмешаться:

— Зря вы! Вам очень идет!

Блондинка повернулась на меня и пропищала:

— Разве это кому-то может идти? Я такая бледная, что если меня посадят на фоне светлой декорации, то я с ней сольюсь!

Она достала косметичку и начала подкрашивать губы оранжевой помадой. Роза не

удержалась:

— Милочка, если до этого вы как говорили выглядели бледно, то сейчас вы будете выглядеть как стена после нашествия сумасшедших граффити. Не вздумайте кому сказать, что я вас гримировала, а то моей репутации конец! — Роза начала складывать свои инструменты. — И еще, купите себе новые очки, потому как в старых вы похоже ни хрена не видите!

В это время блондинка нанесла на себя такой боевой раскрас, которому позавидовал бы любой каманчи.

Роза посмотрела на нее. На блондинке был толстый слой румян, от которого она казалась похожей на клоуна. Роза не выдержала:

— Конечно, ма! Идемте, мисс!

— Эх, красотка! Давай хоть ровно что ли сделаю, а то ты как тыква в кустах в моей бабушки — один бок зеленый, другой оранжевый.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Роза взяла кисть для нанесения румян и начала 'выравнивать' лицо счастливой блондинки. Когда гример закончила, та посмотрела на себя в зеркало и счастливо воскликнула:

— Супер! Дай телефончик, если что, позвоню!

Роза протянула ей визитку:

— Звони, моя ты: яркая!

Блондинка напевая, вышла из кабинета. Роза устало опустилась на кресло и скинув босоножки протянула ноги.

— Ты подумай! Я ей сорок минут интеллигентное лицо делала, а она его за пять минут превратила в ярмарочный балаган в воскресный день!

Она покачала головой:

— Нет! Уйду я из этой работы! — и она подняла палец. — Вот увидите уйду!

Рамирос улыбнулся, показав все свои не очень ровные зубы.

— Ну куда ты старушка моя пойдешь? Если только улицы подметать.

Роза буквально подпрыгнула:

— Сукин ты сын! Да я вперед тебя работу найду, если нас отсюда попрут.

Рамирос тоже не остался в долгу и сказал ей пару колкостей. Между ними завязалась перебранка. А я сидела и думала: 'Как же мне хорошо, и как мне их не хватало!'

Наконец они выдохлись и замолчали. Я спросила Рамироса:

— Ну как там дела на любовном фронте?

Он покачал головой:

— Пока не очень, но я надежды не теряю! — он хитро улыбнулся. — На днях познакомился с ее бабушкой.

— С кем? — мы с Розой воскликнули в один голос.

— Старухе уже наверное за восемьдесят, — у Розы глаза стали идеально круглой формы.

Рамирос ухмыльнулся:

— Скажешь тоже, восемьдесят: Ей через неделю будет восемьдесят пять! — он промолчал, а потом одарил нас хитрым кошачьим взглядом сказал. — И я приглашен на ее юбилей!

— Как? — это уже не удержалась я. — Как тебе это удалось? Не успел ты с ней

познакомиться, как ты уже приглашен на семейное торжество?

Роза сказала:

— Только не говори, что ты охмурил старушку-одуванчик?

Он улыбался, подкручивая свои усы:

— Дело было так. Следя за своей Лючией, я узнал где живет ее бабуля. Дальше было все просто. Нашел пару пацанов и дал немного денег. Те своровали у старушки сумку, а я ей ее вернул!

— Ну ты и фрукт, Рамирос! — Роза так качала головой, что все ее кудряшки на голове буквально плясали. — А ты подумал, что было бы, если бы старуха дала бы дуба, из-за такого стресса? А?

Рамирос потер руки:

— Ты не видела это как ты сказала "одуванчика". Она отбивая сумку, так огрела одного парня, что мне пришлось ему платить двойную сумму. Тот клялся, что у него легкое сотрясение!

После этих слов, я начала смеяться так, как не смеялась уже давно. Видимо, из меня выходил накопившийся стресс, потому как из глаз текли слезы, а все лицо болело от смеха. Роза тоже смеялась своим раскатистым смехом вместе со мной. Лишь Рамирос сидел и улыбался как довольный кот, которого хозяйка до отвала накормила деликатесами, почесала живот и отправила греться на солнышке.

Наконец, я смогла успокоиться и расспросить его дальше:

— А дальше? Ты вернул благодарной старушке сумку и она расцеловала тебя в обе колючие щечки?

— Если бы все было так просто! У старушки должен сказать прескверный характер. Она меня отчитала, что я их недостаточно хорошо поколотил, потом, узнав что я не сдал их в полицию, чуть не отлупила меня. А потом 'разрешила' подвезти себя до дома. А там, я еще чинил ей кран, ручку двери и перила на втором этаже.

Мы с Розой после этих слов, буквально лежали на полу. А после того, как Роза выдавила из себя:

— Ч-черная неблагодарность!

Я думала, что умру от смеха. Чтобы хоть как-то себя успокоить, я представила скорбные лица своих родных и как священник произносит прощальную речь, успокаивая, что 'она умерла не жалея живота своего'. Но это не помогло, я хохотала как ненормальная!

Через пять минут, утирая слезы, Роза спросила:

— И что твоя звездочка знает, что ты будешь посаженным гостем у ее бабули?

— Нет, конечно! Я собираюсь сделать ей сюрприз! — Рамирос разглядывал свои натертые туфли. — А то она у меня характерная, вдруг не придет!

— Придет-придет! — успокоила я его. — Если у нее такая бабуля, то придет как миленькая! Даже не волнуйся!

Мы снова посмеялись. В это время заглянул один из постановщиков новой программы и сказал, что надо гримировать ее участников. Роза засуетилась. Я предложила ей свою помощь, но она отказалась, сказав, чтобы я хорошо отдохнула и как можно скорее возвращалась. Ничего не сделаешь, пора уходить.

Я позвонила Денни и сказала, что все дела я закончила и попросила забрать меня с работы. Оказывается, он был совсем недалеко и буквально через пять минут подъехал к зданию. Я села в машину и тут зазвонил телефон. Это был Чаки. Мое сердце забилося как

бешенное. Мне казалось, что его удары слышны на соседней улице.

— Алло! — неуверенно сказала я.

— Привет, Милая! Как ты?

Я улыбнулась:

— Все хорошо! Я была у мамы, на следующей неделе будет операция.

— Прекрасно! А ты сейчас где?

— Я? Мы с Денни только что отъехали от моей работы.

На том конце возникла пауза. Я поняла, что он напрягся и что я сделала что-то не то.

— А что ты там делаешь? — вкрадчиво спросил он.

— Просто, хотела узнать как дела.

— Понятно: Я сейчас в центре. Давай встретимся в ресторане 'Пекин'. Я буду там через 40 минут.

— Ок! Сейчас скажу Денни.

Я положила трубку. И наклонилась, чтобы спросить у водителя:

— Денни, ты знаешь где ресторан 'Пекин'?

Он кивнул:

— Знаю. Я пару раз возил туда хозяина. Этот ресторан небольшой и про него мало кто знает, но кухня там не плохая.

— Отлично! А то я голодная как волк! Мне кажется, что скоро мой желудок съест сам себя!

Денни засмеялся:

— Тогда, я пожалуй поеду побыстрее!

Он прибавил скорость и мы понеслись в потоке куда-то спешащих машин.

Ресторан и правда был в центре, но на такой узкой улочке, что мы оставили машину на соседней улице, и прошли на одну соседнюю узкую улочку, на которой с трудом бы смогли разъехаться два велосипедиста. Денни вел меня к ресторану, я же крутила головой осматривая улицу. Это бы не богатый район и из-за узости дороги, дома стояли очень плотно друг к другу. Не удивительно, что на многих окнах были плотные шторы.

Поэтому можно сказать протискиваясь по этой улице, я не удивилась, что про ресторан мало кто знал. Когда мы подошли, то я с удивлением посмотрела на небольшое двухэтажное здание, которое впрочем ничем не отличалось от стоящих поблизости жилых домов. Оно было небольшим, а вывеска такой выцветшей, что я с трудом прочитала слово 'Пекин'. Кроме того, слово было написано так, что если не вглядываться, то казалось, что написано что-то на непонятном языке.

— Думаю столпотворения из клиентов тут не бывает, — сказала я Денни.

— Как знать, — хитро ответил он.

Мы подошли к большой стальной двери и Денни постучал в нее молоточком. В двери что-то щелкнуло и открылось небольшое окошечко. В котором едва умещалось, если так можно сказать лицо, очень крупного и толстого китайца. Он смерил нас взглядом и видимо узнав Денни, кивнул и открыл нам дверь. Мы зашли внутрь.

Мы прошли по небольшому обшарпанному коридорчику и открыли большую кованную дверь в виде арки. От того, что представляло собой здание снаружи и внутри у меня отвисла челюсть. Снаружи эта была старая хибара, которая только и ждала, когда ее снесут. Внутри же, была такая обстановка, которой позавидовал бы любой китайский мандарин. Стены

были украшены красным шелком, с вышитыми золотыми иероглифами. Огромное помещение (и почему мне только дом показался таким маленьким?) было разделено как бы на небольшие беседки. Внутри каждой такой беседки на полу стояли мягкие разноцветные пуфы с кучей подушек и небольшой прозрачный столик. Судя по его высоте, здесь сидели на коленках. Каждый столик украшала невысокая ваза с цветами и широкая тарелка, в которой плавало несколько свечей.

В центре помещения располагался небольшой фонтанчик. Вода в нем видимо была очень холодная, так как в помещении было прохладно и влажно. И совсем не было слышно звуков с улицы.

К нам подошла девушка в кимоно и жестом пригласила в одну из беседок. Я повернулась к Денни. Он мне кивнул:

— Вы идите! Хозяин скоро приедет, а я пойду.

— Почему?

— Не положено!

Я смотрела, как он упругой походкой пошел к выходу. Я тем временем продолжала рассматривать ресторан. Внутри играла какая-то китайская музыка. Не знаю что это был за струнный инструмент, но его звуки расслабляли и успокаивали. Когда я подошла к беседке, девушка сделала мне жест сесть на подвинутый почти круглый пуф. Я села, она тем временем сняла мои босоножки, чем меня очень смутила. И я совсем уже была готова провалиться от стыда, когда она начала влажной тряпкой обтирать мои ноги. Видимо в тряпке кроме воды, были какие-то эфирные масла. Это было жутко приятно, но я не привыкла к такому обхождению, поэтому чувствовала себя неловко.

Девушка закончила процедуру и кланяясь ушла. Я села на мягкие подушки и почувствовала себя восточной принцессой. Вокруг меня была роскошь и нега. Официант в черных шелковых штанах и небольшой шапочке принес большое блюдо с какой-то жидкостью, сверху плавали лепестки роз. Я сначала вопросительно смотрела, пытаюсь понять для чего это, но потом сообразила. Это для омовения рук. Я вымыла руки и вытерла белоснежной салфеткой. Когда я закончила, то увидела Чаки, которому та же девушка омывала ноги. Он подмигнул мне.

Я смотрела на него и испытывала гордость, что это мой мужчина. На нем был легкий светло-серый костюм, который невероятно ему шел. В руках он держал портфель из крокодиловой кожи.

Наконец-то он зашел и сел рядом. Ему так же как мне принесли воду и он изящно вымыл руки. Я пыталась запомнить как он это делает, потому как сама плюхалась в этой воде так, что половина жидкости разлилась вокруг.

Когда Чаки закончил, к нам подошел какой-то невысокий и худой мужчина. В отличии, от официантов он не был в форме и потому как все ему кланялись, я поняла, что он владелец ресторана.

Он поклонился Чаки и что-то сказал ему по-китайски. Чаки тоже ему ответил. Тот поклонился и вышел.

Чаки придвинулся ко мне и обнял меня за талию:

— Как моя принцесса?

— Отлично! Только есть хочу как зверь.

Он улыбнулся.

— По дороге я им звонил и уже все заказал. Сейчас будем есть. И ты мне докажешь, что

и вправду сильно голодна.

И тут начали ходить официанты. Каждый приносил какое-то блюдо и ставил его на стол. Вскоре стол стал весь заставлен чем-то дымящимся и вкусно пахнущим. Многие блюда я даже по виду не смогла определить что это такое. И уже совсем уныла, когда вместо столовых приборов, нам подали палочки. Чаки взял их и ловко начал ими орудовать. Казалось, что они являются продолжением его руки.

У меня же такой фокус не получался. Все что я брала, падало. И в лучшем случае на тарелку. Я уже совсем отчаялась.

— Давай я тебе помогу.

Чаки взял мою руку и переложил палочки. Затем чуть сдавил пальцы и палочками взял ролл. Я с удивлением смотрела, как этот ролл не упав отправляется мне в рот.

— Ну как?

— Потрясающе! Еще 20 таких упражнений и я буду сыта.

Чаки улыбнулся и все еще держа мою руку, в которой были палочки, протянул их за еще одним роллом.

— А говорила как зверь:

Через какое-то время, я вполне освоила палочки и даже смогла вполне сносно управляться ими. Вот только брать ими рассыпчатый вкусно пахнущий шафраном рис я все же не рискнула. Чаки комментировал каждое блюдо. С ним было очень интересно:

— А вот это каракатица. Ее обжаривают на сильном огне, а затем тушат со специальным соусом, рецепт которого держится в тайне. Известно только, что в его состав входит около сорока ингредиентов. Ты должна это попробовать!

Я задумчиво разглядывала каракатицу, крайне сомневаясь, что знакомство нужно продолжить.

— Не бойся, это очень вкусно!

Поддавшись его уговорам, я взяла кусочек и аккуратно положила его в рот. Это было просто божественно! Мясо было сочным. И с первого раза я даже не поняла что это такое. Соус был острым, но не сильно. В тоже время, у него был как-будто какой-то леденящий эффект, поэтому я подозревала, что там все-таки есть лайм и мята.

Чаки смотрел на мое удивленное лицо:

— Вижу тебе понравилось! А теперь попробуй это! Это филе кролика фаршированное грибами под алычевым соусом. Это блюдо португальское, его рецепт в знак благодарности хозяину подарил один известный повар. Теперь это место славится и многие приходят попробовать именно эту крольчатину.

В этот раз я пробовала уже смелее. Все было безумно вкусным. В итоге мы объелись как два удава.

— Теперь я понимаю, почему тут вокруг подушки, — простонала я.

— Почему?

— Чтобы можно было откинуться на них и гладить свой огромный живот.

Чаки засмеялся и наклонился, чтобы поцеловать меня. Тем более, моя поза была более чем удобная.

— Не только поэтому:

— Подожди, нас же увидят.

Он еще раз улыбнулся и дернул за тяжелые кисти. В этот момент вокруг нас закрылись плотные шторы.

— А теперь не увидят, — сказал он яростно меня целуя.

Мне было не ловко, но видимо это обстановка и ужин тоже распалили меня. Мы начали срывать друг с друга одежду. Его губы ш горячими. Мне было приятно, когда они блуждали по моей коже. Когда он слегка укусил мне сосок, я невольно чуть вскрикнула. Сначала я испугалась, но потом успокоилась. Снаружи ничего не было видно, к тому же играла музыка. Я решила не остаться в долгу и языком провела дорожку до его пупка. Чаки закрыл глаза и откинул голову. Его руки гладили мои волосы, мяли грудь.

Я чувствовала такую страсть, что немного испугалась, что нас могут услшать, но потом страсть буквально накрыла меня волной. Перед глазами все плыло и стучало в ушах. Мне хотелось отдаться ему без остатка. Подчиниться его воле. Я опустила и взяв его член начала облизывать его. Он стал твердым как камень. Раньше я бы не поверила, если бы мне сказали, что это может быть приятным, но сейчас я буквально не могла оторваться. А слыша стоны Чаки и видя его искаженное страстью лицо, я была на седьмом небе.

Наконец, он не выдержал моей сладкой муки и схватив меня буквально швырнул на подушки. Раздвинув мне ноги, то опустил вниз и начал языком ласкать мне клитор. От страсти меня потрясывало. По моему телу бежали волны наслаждения. Мне казалось, что его язык хочет свести меня с ума. От эмоций, мне заложило в ушах. Даже если я и кричала, то не помню этого. Я пыталась убрать от него свои бедра, но он держал меня крепко и продолжал эту сладкую пытку. Меня уже трясло как под действием высокого тока, когда от опустил меня. Я удивленно распахнула глаза, но он сделал это лишь для того, чтобы заполнить мое лоно своим большим и дрожащим от волнения членом. Я приняла его как радостная самка, истекая соком и повизгивая от наслаждения и страсти. Его движения были жесткими и ритмичными и мне это нравилось. Каждый раз, когда он входил в меня, у меня перед глазами словно пробежали бордовые волны и это продолжалось очень долго, пока в моем мозгу не произошел взрыв и мое тело, которое мне уже не принадлежало не затряслось. Я чувствовала себя так, как будто умерла и родилась вновь. Толчки внутри меня продолжались, но я почти их не чувствовала. Через какое-то время Чаки тоже кончил. В мое лоно ударила мощная струя его спермы и вокруг разлился ее мускусный запах. Мы лежали друг на друге потные, боясь пошевелиться и открыть глаза. Через какое-то время, Чаки пошевелился и аккуратно переложил меня на подушке. Он встал и протянув руку куда-то в сторону достал коробку с влажными салфетками. Как они там появились, для меня так и осталось загадкой. Он аккуратно вытерся сам, а потом протянул коробку мне и я принялась вытирать свои ноги и лоно.

Наконец мы оделись и он открыв шторы окликнул официанта. Чаки что-то тому сказал и официант удалился. Через какое-то время, он принес поднос с большим чайником, чашками, а также какими-то сладостями.

Чай был просто потрясающий. Это был мой любимый зеленый с жасмином, но такой крепкий сорт с терпкими нотами я еще не пробовала. Наверное, он был из дорогих, потому как в чае я разбираюсь неплохо.

— Нет ничего лучше после любовных утех, как попить освежающий чай, — сказал улыбаясь Чаки.

— Ага, — сказала я потягивая дивно пахнувший напиток из плоской чашки. — Только давай в следующий раз сделаем это до обеда.

— Почему? — удивился он.

Я улыбнулась, глядя на него из-под ресниц.

— Потому как после такого плотного обеда, я стеснялась своего выпирающего живота, а также боялась твоего.

Чаки усмехнулся показав свои белые ровные зубы. Я смотрела на него и не могла понять почему я раньше его боялась и как могла верить про то, что он жестокий убийца, который ни перед чем не остановится. Его лицо мне стало очень родным. Я знала каждую родинку и каждую морщинку на его стройном теле. Мне казалось, что мне нравится в нем абсолютно все. Его чуть раскосые глаза мне казались удивительными и загадочными, а цвет его кожи, а особенно ее запах сводил меня с ума. Она была такой родной и теплой, что мне каждый раз хотелось прикоснуться к ней вновь и вновь.

— Мария, о чем ты думаешь?

Я неопределенно качнула головой. Мне очень хотелось сказать ему, что я его люблю. Слова буквально висели у меня на языке, но не стала этого делать. Еще прошло слишком мало времени. Кто знает, что будет дальше. К тому же, к моим женским переживаниям, добавилась благодарность за помощь матери. Поэтому сейчас мне не хотелось говорить эти слова так поспешно. Раньше я никому не говорила ничего подобного и оказалось, что это легко и чрезвычайно трудно. Оливия как-то рассказывала мне, что мужчины очень любят слышать о том, что женщина в них влюблена. Услышав эти слова, они становятся заботливее и как она сказала 'делают все возможное, чтобы подольше оставаться предметом твоей любви'. Она мне также рассказывала, что каждому своему новому кавалеру они говорят что влюблена в него по уши. Для нее это не трудно, а на их щедрость это влияет капитально. Я же не хотела, чтобы для меня эти важные слова стали обыденностью. Эта фраза как молитва. Ее не допускается употреблять 'всуе', иначе она теряет свой смысл. В глубине души, мне даже казалось, что если повторять эти слова часто, то любовь отвернется от тебя и ты разучишься любить. А любить мне очень хотелось!

Чаки пил рядом чай, расслабленно полулежа на подушках. В этот момент у него зазвонил телефон. Он взял трубку и начал разговаривать на английском. К сожалению, я не понимала ни слова. Когда он закончил говорить, я не удержалась и спросила:

— Откуда ты знаешь столько языков? С хозяином ты разговаривал на китайском, с кем-то по телефону по-английски. Сколько еще языков ты знаешь?

— Я знаю пять языков. Китайский, английский, русский, турецкий и итальянский. Мой бизнес часто связан с зарубежными компаниями, поэтому я выучил эти языки, чтобы не мучиться с переводчиком.

У меня округлились глаза:

— Ничего себе! А это трудно?

Он покачал головой:

— Совсем нет. Это даже просто, потому как это помогает в работе. Да и учился я с практикой. Поэтому мне было легко.

— Здорово! Ты молодец!

Он улыбнулся:

— И вечером я даже докажу тебе это.

Я засмушалась и покраснела как вареный рак. Тем более, что его мягкая рука гладила мне коленку.

— Ты мне это уже доказал!

— О нет! Это была только прелюдия!

В этот момент подошел официант узнать все ли у нас хорошо и сказал, что хозяин будет

рад, если господин Тусайро зайдет к нему.

Чаки кивнул, попросил принести мне фрукты, а сам чмокнув меня пошел к хозяину этого прекрасного заведения.

Мне принесли огромное блюдо с фруктами. И хоть сил есть у меня почти не было, но тем не менее, я с радостью поела сладкую черешню и несколько ягод личи. Жизнь казалась мне раем!

Позже я вертелась перед зеркалом.

— По-моему в этом платье я выгляжу как лошадь. Только попоны не хватает!

Чаки рассматривал меня сидя на белоснежном диване в шикарном бутике одежды, потягивая шампанское из высокого бокала. После ресторана он повез меня по магазинам, так как я по его мнению выглядела так жалко, что как он говорил 'у меня рука так и лезет в карман, чтобы тебе подать милостыню'. Услышав эти слова, я долго дулась. Но он принялся целовать мне нос и мне стало смешно. В конце концов, подумала я, пусть делает что хочет. Мы заехали в район самых фешенебельных магазинов и начался безудержный марафон покупок. Со временем, я даже вошла во вкус и начала командовать: 'А покажите мне вон то платье!', 'Эти брюки подойдут к белой блузке' и так далее. Чаки улыбаясь смотрел, как у меня разгораются глаза и я захожу во вкус.

— Почему как лошадь? Ты в этом платье похожа на прекрасную диву!

Я посмотрела на себя в зеркало. На мне было обтягивающее фигуру платье черного цвета с синеватыми блестками. А на попе был большой бант из шелковой ткани.

— Нет, Чаки! Оно мне не нравится!

— Тогда меряй другое.

Я ушла в примерку. Там еще висело платьев штук десять. А я уже устала. Поэтому я выбрала три наиболее понравившиеся, а остальные отдала продавщице, сказав, что мне не подошло.

Первое платье было с обтягивающим корсетом и пышной юбкой. Оно было белоснежного цвета, а на нем были ярко-красные маки. Сначала оно мне не слишком понравилось. Но, когда я одела его, оно село прекрасно. Как-будто на меня шили! Моя талия казалась осиной, корсет выгодно подчеркивал грудь, а благодаря пышной юбке, моя фигура казалась очень аппетитной. Видя себя, я осталась довольна, поэтому вышла показывать платье Чаки.

Я вышла на середину комнаты и повертелась перед зеркалом. Мои ноги на шпильках казались очень длинными, а платье придавало мне женственности. Я с удивлением рассматривала себя в зеркало и пришла к выводу, что я очень красивая. Как же раньше я этого не видела!

Продавщица не удержалась:

— Вы просто красавица! У нас еще есть несколько моделей, которые вам подойдут! Я принесу?

— Нет, — это был голос Чаки.

Я с удивлением обернулась на него, только что он буквально заставлял меня мерить кучу одежды, а тут нет. В его глазах горел огонь желания. Он сидел облокотившись об спинку дивана и буквально пожирал меня глазами.

— Посчитайте сколько мы вам должны, мы срочно уезжаем.

— А как же остальные платья, которые не успела померить мисс?

— Все заверните. Я заплачу.

Я хотела пойти в примерочную, чтобы переодеться, но он взял меня за руку:

— Останься в платье, твои вещи они упакуют.

Продавщица была смышленной, поэтому буквально через несколько минут мы выходили из магазина с пакетами моих новых нарядов.

Когда мы сели в лимузин Чаки, он сказал, что мы едем домой и закрыл окно водителя. Не успела я прийти в себя, как он буквально набросился на меня. Его жадные губы искали мой рот, а найдя принялись терзать его.

— Осторожно, Чаки! Ты порвешь мне платье!

— Я куплю тебе новое!

Он начал расстегивать замок на моем платье. Ему в руки постоянно попадала этикетка. От этого он нервничал и ругался. Меня же обуял непонятный смех, видя как он возиться. Наконец, он сорвал и выкинул этикетку и открыв замок, вытащил из платья мою грудь и принялся ее лизать и посасывать. Мне стало не до шуток. Я почувствовала как слабеют мои колени, и как голову застилает туман. Затем он перевернул меня к себе спиной и задрал платье, взял меня сзади. Мое лицо почти что упиралось в тонированное стекло. Машина остановилась на светофоре. Сквозь туман сознания, я видела как совсем рядом проходят люди. Они спешат по своим делам, даже не догадываясь, что происходит внутри. От этих мыслей я распалаялась еще больше. Чаки продолжал свои движения внутри меня. Я решила сделать ему приятное и начала сужать и расширять мышцы влагалища. Мое гладкое лоно, то сжимало его напряженный член, то отпускало. Я чувствовала как трясутся его руки у меня на обнаженных ягодицах. Ему было здорово!

Наконец мы почти одновременно кончили. Я почувствовала как теплая липкая сперма заполняет меня. Сверху на меня буквально навалился Чаки. Мы легли закрыв глаза.

— Детка, это был улет! Ты чуть с ума меня не свела!

Я улыбнулась, протягивая руку и ища влажные салфетки:

— Wellcome!

Он засмеялся:

— А говоришь английский не знаешь! У тебя прямо оксфордский акцент!

Я улыбнулась:

— Знаешь, это наверное единственное что я знаю. Не считая еще пары фраз!

— А какие?

Я сморщила лоб, пытаясь вспомнить:

— Hello! Fuck you! Thank you!

Чаки смеялся закинул голову:

— Основы знаний у тебя есть. Тебе смело можно ехать в любую англоязычную страну!

Я засмеялась вместе с ним. А затем он помог застегнуть мне платье и мы пили шампанское, пока машина везла нас в загородный дом.

Растянувшись на плетеном шезлонге я лежала возле бассейна. Она моя нога почти касалась воды. В бассейне плавал Чаки. Потягивая ананасовый коктейль, я смотрела как он делаем мощные гребки и его смуглое тело рассекает прозрачную голубую гладь воды. Наконец, он остановился и подплыл к моему бортику. Он снял очки и начал гладить мне ноги. После того, как я разогрелась на солнце, мне его рука казалась холодной и по телу бежали мурашки.

— Чаки! Ты мокрый!

Он улыбаясь начал гладить меня еще выше.

— И что?

Я натянула большие темные очки:

— А я сухая.

— Разве это преимущество?

— Несомненно!

Он хмыкнув начал тянуть меня за ноги. Сначала легонько, а потом все сильнее. Я поняла, что он хочет меня стащить в бассейн, поэтому начала яростно упираться. Мы смеялись как дети. Я даже умудрилась вылить ему на голову ананасовый сок. Он высунув язык, начал слизывать его со своих губ и даже пытался слизать с щек. Я хохотала как ненормальная и в итоге потеряла свое преимущество, а он стащил меня в воду.

Сначала я даже немного растерялась, когда надо мной сомкнулась вода, но затем вынырнула и начала его догонять. Он смеясь плавал то к одному бортику, то к другому. В итоге я выдохлась. Чаки подплыл ко мне и прижав к стенке бассейна стал целовать. Это было очень сексуально! Вода уже не казалась мне прохладной. Она меня освежила и сняла усталость.

Позже, когда мы вышли с бассейна, разошлись по комнатам я легла спать. Сегодняшний день получился очень насыщенным и я спала как убитая. Когда я проснулась, то увидела, что солнце уже садиться. Я потянулась и позевывая пошла в душ. Моясь я мурлыкала какую-то глупую песенку. Когда я сушила волосы, то услышала стук в дверь.

— Войдите!

Вошел один из охранников:

— Хозяин сказал, что через час вы едите в оперу. Он будет вас ждать возле машины.

— Хорошо! Я буду готова!

'Вот тебе на! Ну ладно, опера, так опера!' — подумала я, подвигая к себе свою огромную косметичку.

Накраситься мне не составила труда, этой работой я занималась много лет, поэтому мои движения были доведены до автоматизма. Макияж получился что надо! Мои глаза блестели и казались огромными. Губы я покрыла ярко-красной лаковой помадой, отчего они стали чуть пухлыми и весьма соблазнительными.

Затем я одела шикарное белье с чулками, которые мы сегодня купили и приступила к выбору платья. Открыв свой гардероб, я задумалась что одеть для такого случая. Мы купили сегодня столько нарядов, что в это можно было одеть труппу любого крупного театра. Наконец, я остановила свой выбор на черном кружевном платье до колен, которое выгодно подчеркивало мою фигуру и открывало мои плечи. На ноги одела мягкие замшевые туфли на очень высокой шпильке и взяла шелковый черный клатч. Выходя я подошла к зеркалу и осталась довольна собственным видом — из зеркала на меня смотрела элегантная красивая дама.

Я немного нервничала и хоть было еще довольно рано, я решила идти. Сидеть в комнате не было сил. Поэтому перед выходом досчитала до десяти, топнула и пошла выключив свет.

Спускаясь по лестнице я посмотрела в окно. Возле машины стоял одетый в белый костюм Чаки. Он был великолепен! Рядом с ним стояли два охранника. Прямо напротив Чаки стоял один довольно известный артист Зариб Залан, известный по роли полицейского в одном из популярных сериалов. Я уже хотела идти дальше, как что-то меня остановило. Я

обратила внимание, что Зариб плачет. Затем он упал на колени и обхватил руками ноги Чаки. Один из охранников, ударил того по голове и он упал. Чаки что-то наклонившись говорил тому, но что слышно не было.

Я застыла пораженная. Затем быстро пошла и спустилась по лестнице.

На улице уже было не так жарко, но все же мне было почему-то было холодно. На меня удивленно повернулся Чаки и все остальные:

— Дорогая, ты рано.

Я смотрела на лежащего в пыли артиста:

— Я вижу.

Чаки крикнул охранникам:

— Что стоите! Быстро поднимите его!

Они кинулись выполнять поручение и даже отряхнули с того пыль. На актере лица не было.

— Что здесь происходит? — услышала я собственный звенящий голос.

Чаки приобнял Зариба:

— Мы с моим другом немного поссорились. Теперь все нормально. Правда Зариб?

Тот принялся кивать.

Чаки крикнул охранникам:

— Заведите его домой, чтобы он мог умыться, а затем проводите до машины. Также, скажите его шоферу, что он скоро выйдет.

Затем он повернулся ко мне и подал руку:

— Ты великолепна! — он открыл дверь и мне пришлось сесть в машины, он крикнул охранникам, — Едем!

Наш лимузин медленно поплыл в сторону выезда. Сзади ехал большой джип с охранниками. Я отодвинулась подальше от Чаки и уставилась в окно. Он пододвинулся ближе и приобнял меня за плечи:

— Ну, милая! Чего ты?

— Как ты мог! — закричала я. — Ты вел себя с ним отвратительно!

— Знала бы ты что он сделал, тогда бы так не говорила!

— А что он сделал, — почти кричала я. — Убил Кеннеди? Или может быть начал Третью Мировую войну?

Чаки покачал головой:

— У нас с ним был небольшой общий бизнес, но он предал меня и украл деньги. А я за него поручился перед большими людьми. Теперь, когда я поймал его за хвост, он все отрицает и отказывается возвращать украденное.

Я повернулась к Чаки:

— Это правда?

Он поднял руку:

— Клянусь!

Я пододвинулась и обняла его:

— Прости меня! Ты вел себя с ним скверно, но я плохо подумала о тебе! Еще раз прости меня!

Он благосклонно кивнул:

— А теперь поцелуй меня!

Я наклонилась и очень нежно поцеловала его в губы.

— Твой поцелуй, Мария, слаще меда!

Чаки протянул руку к бару:

— Хочешь чего-нибудь?

Я кивнула.

Он достал бутылку виски и разлил его по широким плоским бокалам. Один бокал он протянул мне, второй поднял:

— Я поднимаю этот тост за тебя, Мария! Ты лучшая женщина, которую я когда-либо видел!

Мы чокнулись и я осторожно попробовала напиток. Он был очень крепким. К такому алкоголю я не привыкла, поэтому сначала у меня задержалось дыхание, но потом по телу разлилось приятное тепло. А еще у него был какой-то особый вкус, чем-то отдающий дубовым деревом и какими-то орехами. 'Оказывается, я совсем раньше ничего не понимала!' — улыбаясь про себя подумала я. Тем временем наша машина подъехала к зданию Дворца изящных искусств.

Когда мы выходили из машины, был уже вечер и вокруг зажглись фонари. Возле здания дворца было много машин и несколько лимузинов. Водитель остановил машину чтобы мы вышли, сам же проехал чуть дальше, так как места на парковке не было.

Здание театра я видела не первый раз, но как и каждый раз до этого, когда я проезжала мимо, здание поразило меня своей монументальностью и богатым пышным декором. Из-за большого полукруглого купола и высоким мраморных колон оно выглядело очень высоким и внушительным.

Чаки подал мне руку и мы пошли к выходу. Сзади шли двое охранников.

Когда мы зашли внутрь, но от увиденного я буквально остолбенела. Если снаружи здание производило внушительное впечатление, то внутри оно было просто роскошным. Пока мы шли, Чаки рассказывал мне историю этого здания. Кое-что я слышала раньше, но некоторые факты были для меня в диковинку.

— А что мы будем смотреть? — спросила я.

— Мы будем слушать оперу 'Тоска'. Сегодня дает выступление труппа итальянского театра. Билеты почти не достать, но у меня хорошие связи, — Чаки мне подмигнул. — Обещаю, тебе понравится!

— Думаешь? — я все еще разглядывала здание изнутри. — Я пару раз пыталась смотреть оперу по телевизору, но не смогла.

— Почему?

— Они орали как мартовские кошки!

Чаки посмеялся:

— Поверь мне, опера вживую и опера по телевизору — это разные вещи.

Вокруг нас было много народу. Все были одеты очень нарядно. На женщинах были дорогие туалеты и бриллианты, мужчины в строгих костюмах и во фраках.

Чаки многие знали. Поэтому с нами периодически кто-то здоровался. Я тоже кивала каждому на приветствие, в конце-концов у меня заболела шея.

Мы взяли программки и пошли в большой зал. К моему счастью, охранники остались на входе. Меня они порядком нервировали, так как привлекали к нам лишнее внимание.

Наши места оказались почти у сцены. Оркестранты настраивали свои инструменты, приходившая публика гудела как растревоженный улей.

Сидя спиной к залу, я чувствовала на своем затылке любопытные взгляды. Чаки же вел

себя непринужденно и постоянно о чем-то болтал. Он мне рассказывал про строительство Дворца, и про то какие знаменитости были на этой сцене. Я его почти не слышала, так как кругом стоял просто оглушительный шум. К тому же, раньше я никогда не бывала в таких местах, и теперь порядком нервничала. В голове я сто раз себе проговаривала, что выгляжу не хуже остальных женщин, но тем не менее, мне почему-то было неловко.

Я начала читать программку. Опера была про любовь и вероломство. Интересно!

Наконец, все уселись и опера началась. Буквально с первых звуков, я почувствовала себя замороженной. Никогда раньше я не слышала таких красивых и мощных голосов, которые пели бы вживую. И хоть, оперная певица, которая пела партию молоденькой девушки, была теткой в годах и с приличным весом, тем не менее, буквально через несколько минут, это уже не замечалось. У нее был просто неземной ангельский голос, от которого сильнее стучало сердце. Итальянский язык совсем не мешал восприятию. Мне казалось, что я понимаю буквально каждое слово.

И когда первый акт подошел к концу, я разочарованно вздохнула. Чаки подмигнул мне: 'Не бойся! Продолжение следует! А сейчас идем немного разогреемся'.

Куда-то идти совсем не хотелось. Некоторые зрители остались на местах, но мы вышли в холл. С одной стороны, это было не так уж и плохо. Слушаю чудесные звуки музыки я даже не заметила, что внутри было очень душно, поэтому сейчас выйдя в широкий коридор, я глубоко вздохнула свежего воздуха.

Мы бродили по зданию Дворца изящных искусств, любуясь красотой и великолепием архитектуры.

— Странно, что ты никогда здесь не была, — сказал Чаки. — Обычно сюда водят школьников на экскурсии.

Я пожала плечами:

— Наверное, я в тот день болела, — пролепетала я. На самом деле, я прекрасно помнила тот день, когда наш класс собрался на экскурсию в это красивое здание. Но, я решила не просить у родителей денег, так как у нас был период безденежья. И пока нашему классу гид рассказывал про дворец, я шаркая портфелем по асфальту бродила по городу. Мне ужасно хотелось посмотреть, что же там внутри! Но, я успокаивала себя: 'Подумаешь, дворец! Мало что ли этих дворцов?'. А сейчас можно сказать, что моя детская мечта сбылась!

Наконец, объявили начало второго акта и мы как и все остальные потянулись на свои места.

Опера была великолепной. Я сидела, затаив дыхание и вслушиваясь в голоса певцов. Но, время пролетело так быстро, что мне казалось, что не успела я моргнуть, как опера закончилась.

Чаки подсмеивался надо мной, говоря, что зрителей на второй сеанс не оставляют.

Мы вышли и обнявшись пошли к выходу. Сзади нас шли охранники. Я поймала себя на мысли, что совсем перестала их замечать, и на том, что мне ужасно хорошо. Впервые в жизни, мне не было одиноко. В семье я чувствовала любовь родителей и сестры, но это было другое. Там я была любимым ребенком, но я жила в своем мире. А тут я была не одна. Чаки как-то незаметно стал моим любимым и родным человеком, таким, о которых девушки мечтают в сладких розовых снах. Честным и благородным, а также красивым. Да, красивым! И как только раньше я этого не замечала! Теперь мне нравилось в нем абсолютно все — запах его кожи, а также ее вкус, черные гладкие волосы, глубокие глаза. Он был моим принцем. А я в данный момент чувствовала себя принцессой!

Когда мы уже почти подошли к машине, я услышала сзади нас окрик:

— Эй, Чаки!

Мы обернулись. К нам почти бегом шел высокий очень полный итальянец в ярком фиолетовом пиджаке и желтой рубашке. За ним пытаюсь поспеть буквально бежала чуть полноватая блондинка на очень высоких шпильках. Бежать ей было не комильфо, поэтому она пыталась создать иллюзию быстрого прогулочного шага. Ее большая грудь при каждом шаге прыгала так, что мне казалось, что еще немного и она выскочит из широкого декольте ярко-красного платья. На ее шее болталось брильянтовое кольцо, толщиной чуть ли не с мою руку. Они оба были пьяны и поэтому глупо хихикали.

Похоже Чаки этот тип был знаком:

— Привет, Диего! — Чаки развел руки и они обнялись. — Я надеялся встретиться с тобой на банкете, но ты меня опередил.

— Пока этот банкет настанет, мое бедное пузо сдуется!

Я посмотрела на его как он сказал 'бедное пузо' и пришла к выводу, что с таким пузо можно прожить на скалистой горе с полным отсутствием растительности пару месяцев, однако, к счастью делиться своими мыслями не решилась.

— А кто это у нас такой красивый, — Диего улыбаясь смотрел на меня своими озорными глазами. — И это сокровище ты прятал? Как зовут тебя душа?

— Мария.

— Надеюсь не Санта Мария? — он так засмеялся, что его живот затрясся и я боялась, что он лопнет как шарик.

Чаки обнял меня и поцеловал в макушку:

— Для тебя Санта? Можешь на нее молиться.

Диего сделал вид, что хочет потрогать меня за грудь:

— А трогать можно?

Чаки треснул его по руке:

— Трогать можно только мне.

Я пылала, ища слов, чего бы такое ему сказать. Блондинка смеялась закинув голову и обнажив ровные белые зубы.

— Ладно, — сказал Диего залазая в наш лимузин, — пока тут болтаем, на банкете все съедят!

Блондинка подняв платье полезла за ним, отчего разрез сбоку поднялся так, что мне казалось, еще чуть-чуть и я увижу ее подмышки.

Чаки дал мне руку и мы тоже сели. Машина поехала.

— Ты не говорил мне, что мы куда-то поедим? — тихо спросила я.

— Хотел сделать тебе сюрприз, мы едем на вечер посвященный этой опере, его устраивает один мой друг. Там ты сможешь познакомиться с исполнителями главных арий.

У меня загорелись глаза:

— Класс!

В это время Диего полез в бар:

— Чаки, как я тебе завидую, у тебя тут прекрасный выбор джина и бренди, — он толкнул блондинку локтем. — Может быть мы тут пару дней у тебя проживем!

Мы все засмеялись.

— Живи, конечно Диего! Для тебя, друг, ничего не жалко!

Чаки взял бутылку шампанского и налил мне и блондинке. Я не удержалась и

обратилась к ней:

— А как вас зовут?

Она мне улыбнулась:

— Евгения!

Я попыталась оправдываться:

— Нас не познакомили: Как вам опера?

Она отпила из бокала:

— Учитывая что я смотрела ее не меньше тридцати раз, то каждый раз слыша ее, я прошу бога: 'Господи, пусть это будет в последний раз! Я готова слушать хоть Рамштайн, только не это!'.

После этих слов, мы друг другу тепло улыбнулись и лед между нами растаял. Дальше мы смеялись и болтали, пока лимузин не доехал до ночного клуба 'Оазис'. Это было очень шикарное заведение с большим танцполом и двумя этажами.

Когда мы зашли, закрытая вечеринка была уже в разгаре. Мы сели за столик на втором этаже. С этого места было видно танцующих. Официанты в набедренных повязках разносили напитки. В основном это были очень рослые и накаченные парни.

Евгения потянула меня танцевать. Мы с ней оказались почти в самом центре зала. И хоть я была не частых ходок на дискотеки, тем не менее получалось у меня довольно неплохо. А глядя как двигаются остальные девушки, я быстро освоилась и в итоге, стала танцевать лучше многих. Музыка уносила меня, я почти не чувствовала ничего и никого вокруг. Когда однажды я подняла голову вверх, я увидела удивленный взгляд Чаки. Я махнула ему рукой, чтобы он шел к нам, но он отрицательно помотал головой.

Через какое-то время, Евгения потащила меня в туалет. Туалет был удивительно чистый для таких мест, там играла легкая музыка. Евгения затащила меня в кабинку.

Мне почему-то было дико смешно, и я хохотала как ненормальная. Она тоже хихикала. Закрыв дверку кабинки, она открыла сумочку и высыпала на бачок белый порошок.

— Угощайся, подруга! — пьяно проговорила она. — Там внутри стоит камера, так что, приходится жаться по углам!

Я покачала головой:

— У меня и так все плывет, не нужно!

— Ну как знаешь! — она вытащила трубочку и ловко втянула в себя белый порошок. Затем аккуратно вытерла ноздри.

— Эта дурь, буквально сбивает меня с ног! Уж чего-чего, а в этой дряни Диего толк знает!

Я неудержалась:

— Он же продюсер!

Она пожала плечами:

— Одно другому не мешает! А в этой блядской среде все хотят порошка. Вот он всем и помогает.

Мы вышли из кабинки, она села на стул и начала поправлять макияж, глядя на меня в зеркало:

— А ты красивая, вот только странная какая-то!

Я пожала плечами:

— Я обыкновенная.

— Нет, обыкновенной Чаки бы не заинтересовался бы! Что-то в тебе есть!

Я решила тоже подкраситься, чтобы не отвечать. Какое-то время мы сидели молча. Наконец, она спустила с плеч трикотажное платье, оголив грудь. Она посмотрела на меня в зеркало:

— Как тебе мои новые сиськи! — она покачала ими.

Мне хотелось смеяться. Грудь выглядела как две большие перезревшие дыни:

— Ничего так! Только вот предыдущие я не видела!

Она громко рассмеялась:

— Нет, в тебе определенно что-то есть! Если захочешь себе такие, звякни, я тебе телефончик одного классного хирурга дам. Он просто гений!

— Да нет, пока своими обхожусь, — сказала я, подпудривая нос.

— Как знаешь, — она ловко надела платье. — Как думаешь, наши мужики трепаться закончили?

— Не знаю, а о чем трепаться-то?

— О дури и трепаться-то! А ты думала, они все оперу любят?

С меня слетел весь хмель. Я сидела так, как будто мне в макушку ударила молния в пару тысяч вольт.

— И Чаки тоже?

— Он ее Диего и толкает, — она перестала краситься и посмотрела на меня. — Только не говори что не знала!

Наши взгляды скрестились в зеркале. Она даже протрезвела:

— Чаки ничего не говори! Слышишь?

Евгения повернулась ко мне:

— Мария, я тут тебе наговорила всего! Так ты это лучше забудь. Это мужские дела, понимаешь?

Я кивнула. В это время в туалет зашли несколько женщин щебеча и хихикая, мы вышли. Когда мы проходили возле одного из официантов, Евгения наклонилась мне и шепнула:

— Ты хотела бы такого трахнуть?

Я ошарашено уставилась на нее. Ее зрачки казались огромными.

— Я как-то не думала об этом.

— Ничего себе! Тут такие красивые куски мяса ходят, а ты не думала об этом! Ты что с другой планеты?

Мы встали возле стойки бара и официант протянул нам два коктейля. Повернувшись, мы осматривали зал и танцующих.

Музыка была очень громко, поэтому Евгения практически кричала мне в ухо.

— В последнее время у Диего почти не стоит. От этого я вся на нервах. Только кокс меня расслабляет.

Я мучительно думала что ей ответить, как увидела что музыка остановилась и ведущий сказал:

— А сейчас давайте поприветствуем гостей, в честь которых была организована эта вечеринка — это знаменитые солисты итальянской оперы!

Все зааплодировали. Я приподнялась на стуле, чтобы увидеть их. Евгения мне сказала:

— Чуть потерпи. Даю гарантию, Диего потащит тебя с ними знакомиться. Он всех с ними знакомит. Эта прима еще та гадина. Она людей на дух не переносит, мне временами кажется, что Диего назло знакомит ее со всеми подряд.

От этих слов мне стало очень не приятно, но я подумала, что она под кайфом, поэтому

не обратила внимание на ее речь. Через какое-то время и вправду мы увидели пробирающегося к нам Диего. Он вспотел, золотые цепи на его шее качались туда и сюда.

— Эй, крошки! А мы вас потеряли! Мария, идем я тебя с кем-то познакомлю!

Я посмотрела на Евгению, она сделала взгляд типа 'я же тебе говорила'.

Диего взял меня и буквально потащил через толпу. Через какое-то время мы оказались перед главным героем, поющим арию любимого Тоски. Диего нас представил. Певец взял мою руку и поцеловал ее. Не успела я сказать, пару слов, как Диего потащил меня дальше, на ходу говоря:

— Ты на него больно не засматривайся. Он голубой, вот только изображается из себя бабника. А так, конченный для всего женского рода человек.

В этот момент мы оказались перед певицей, певшей арию Тоски. Похоже Евгения была права, она конечно кивнула мне, но сделала это так, как королева горничной. Слава богу, мне и в этот раз не пришлось ничего говорить, так как Диего потащил меня к Чаки.

— Видала стерву? Если бы не голос, грош была бы ей цена. А тут ничего не попишешь, да и как человек она дрянь!

От всех событий у меня кружилась голова, к тому же я все-таки похоже лишнего выпила, так как не успели мы дойти до Чаки, как я вырвала свою руку и побежала в туалет. Там мой желудок выкинул всю выпитую за вечер гадость.

Как мы приехали домой, помню смутно, так как меня все еще тошнило и кружилась голова.

— Милая, тебе лучше? — Чаки постучал в мою комнату.

— Ага, — я с головой укрылась одеялом.

Чаки зашел в комнату и сел на кровать рядом. Я откинула одеяло и посмотрела на него. Он был в домашнем халате, после душа.

— А откуда ты знаешь Диего? — спросила я.

— Мы как-то по работе столкнулись, — неопределенно ответил Чаки.

— А что за работа, — неунималась я.

Он чмокнул меня в нос:

— Диего один раз помог мне организовать вечеринку в честь день рождения жены мэра. С тех пор, мы дружим.

Я смотрела на него и мне очень хотелось ему верить. Его лицо было расслабленным, влажные от воды волосы чуть поблескивали, на шее были видны капельки воды. 'И как я могла поверить в бред наркоманки?' — думала я.

Взяв в ладони лицо Чаки, я его поцеловала. Мне было приятно ощущать его язык, гладить его гладкую грудь.

На следующий день, в обед я поехала в больницу к маме. На скамейке сидел отец, он кормил голубей. Я подошла к нему, наклонилась и поцеловала его в щеку:

— Привет, па!

— А, дочка! — сядь, посиди.

— Почему ты не у мамы?

— Да что-то как-то нехорошо стало, вот вышел подышать воздухом.

— Почему ты врачам ничего не сказал, — разволновалась я.

Он погладил меня по руке:

— Не волнуйся, милая! Это от духоты! Я вчера почти не спал. Ночью было так жарко, что я все окна открыл.

— Папа, я обязательно куплю тебе кондиционер! Вот зарплату получу и куплю! — сказала я.

Он улыбнулся, отчего его лицо покрытое морщинами стало еще старше:

— Это было бы здорово! Вот на старости лет и у меня будет кондиционер! Прямо как у министра!

— Ох, папочка! Ты у меня такой:

— Дурной?

— Нет! — засмеялась я. — Не дурной, а смешной!

— Смешной, это хорошо! Запомни дочка, смех он лучший друг бедняка. Богатым он не дан, у них хлопот много — как свое богатство сберечь, а бедные люди смеются, потому как у них только смех и есть. Поняла?

— Поняла, папа! — я поднялась. — Пойду к маме!

— Подожди, дочка! Я вот поговорить с тобой насчет сестры хотел... Не бросай ты ее!

— Ну что ты пап! — я подошла и еще раз чмокнула его в щечку. — Не брошу! А сейчас мне пора!

— Подожди:

— Потом поговорим, как выйду, а то у меня цветы завянут! — я показала ему большой букет белых лилий.

— Хорошо, иди родная!

Я пошла и только возле входа в больницу, что-то заставило меня обернуться. Отец все также сидел на скамейке, кормил голубей.

У мамы я провела время очень хорошо. Мы с ней много шутили. Она обрадовалась цветам, опять рассказывала про то, как в молодости ей дарили большие букеты и как счастлива она была в танце. Рассказывая это, она красиво взмахивала руками, как это делают в сальсе.

Когда пришла медсестра и сказала, что скоро процедуры, то я спохватилась. Оказывается я просидела три часа и совсем забыла про отца, он наверное, уже ушел. Пообещав маме навесить ее завтра, я побежала вниз, про себя думая, что в крайнем случае, я заеду домой и мы поговорим.

Отец все также сидел и ждал меня на скамейке. Возле его ног, бродили голуби в поисках крошек.

— Ты их откормишь и они разучатся летать, — сказала я подходя ближе.

Отец мне не ответил. Я села рядом и увидела, что он спит. Корка хлеба лежала в руке. Я взяла его за руку, чтобы вытащить корочку. В этот момент, я почувствовала, что его рука ледяная. Мне стало очень страшно и ужасно хотелось кричать, но от ужаса, крик застрял в моем горле. Он был мертв. Мой отец, мой папа! Человек, который подарил мне жизнь:

Я упала ему на грудь и зарыдала. Мне казалось, что его тяжелая мужская рука привычно погладит меня по волосам, скажет: 'Не плачь, дочка! Все пройдет!', но этого не происходило. Он сидел неподвижно.

То что происходило дальше, я помню очень смутно. Я видела, что ко мне подошел Денни, что он побежал за врачами, они пытались нащупать его пульс, но затем принесли

носилки и унесли отца куда-то. Мельком я видела Александра Штольца. Он что-то говорил мне, пока я плакала на стуле в холле больницы.

Я спала и видела страшный сон, а когда проснулась, то было уже далеко за полдень и солнце светило прямо таки нещадно. Рядом со мной проснулся Чаки. Он погладил меня по лицу, молча рассматривая меня. Я потрогала кончиками пальцев его губы:

— Знаешь, мне приснился страшный сон, словно папа умер.

Чаки смотрел на меня как-то отстраненно. Я подняла голову, чтобы заглянуть ему в глаза:

— Так это не было сном?

Он покачал головой, в его глазах я увидела сострадание и от этого мне стало еще хуже. Я отвернулась. Мне хотелось с кем-то поговорить, но когда он вот так смотрел на меня я не могла вынести этого.

— Знаешь, а он ведь перед смертью хотел со мной поговорить, а я как всегда торопилась и сказала, что мы поговорим потом, — я сглотнула чтобы не заплакать. — И почему только я не осталась? Для этого требовалось не так уж и много времени — только послушать то, что он скажет.

Чаки погладил меня по волосам и я не выдержав разрыдалась. Он прижал меня к себе что-то шепча, но я не слышала. У меня так болело сердце, что мне казалось, что оно не выдержит и просто лопнет. Я вспоминала, вспоминала: Свое детство, радость родителей, когда мой рисунок в школе занял первое место на конкурсе, как на спор катаясь на велосипеде с горки я упала и папа с белым от страха лицом повез меня в больницу. Эти моменты — это все что у меня от него осталось. От мысли, что я больше никогда его не увижу мне стало еще больнее. Мне хотелось вынуть собственную душу и выкинуть ее, чтобы она так не мучила меня. Но, к сожалению, от воспоминаний и от гори утраты было не убежать.

Через какое-то время Чаки позвонили и он спросив все ли у меня будет нормально уехал. Я бродила по дому, не зная чем себя занять, а потом решила позвонить Оливии. Ее телефон не отвечал и поэтому я решила ехать в родительский дом.

Мой дом встретил меня знакомыми запахами и звуками с улицы. Я прошла внутрь и открыла окна, чтобы проветрить комнаты. Мне нужно было найти вещи отца для похорон.

Перед тем, как зайти в его комнату я на минуту задержалась. На какой-то момент мне показалось, что сейчас я открою дверь и увижу его с газетой в его любимом кресле. Я даже зажмурилась, чтобы не спугнуть это видение. Но комната была пуста.

На кровати лежал выходной костюм отца и письмо в чуть желтоватом конверте. Я села на кровать и открыв письмо начала читать:

'Девочки мои!

Если вы читаете это письмо, значит меня уже нет в живых. Моя жизнь рядом с вами была прекрасной.

Ариадна, я благодарен тебе за каждый день прожитый рядом с тобой. Ты наполнила мою жизнь смыслом, сделала меня счастливым мужчиной и отцом. К сожалению, так распорядилась судьба, что я вынужден уйти раньше тебя. Но я оставляю тебя не одну. Рядом с тобой будут наши дети — они всегда поддержат тебя и не оставят одну. Если ты встретишь

достойного мужчину, не отказывай себе и ему в том кусочке радости, который послал вам господь. Я люблю тебя также сильно, как только впервые увидел тебя! Будь счастлива, моя любовь!

Оливия, не смотря на то что я часто говорил тебе что ты что-то делаешь не так, я всегда гордился тобой и любил от этого тебя ничуть не меньше. Я хочу, чтобы ты встретила порядочного мужчину, который бы понимал и любил тебя. Но и ты, оставь свою гордость и отвечай на эту любовь искренне! Когда-нибудь ты поймешь, дочка, что дети — это самое богатство в жизни родителей. Они — это наше продолжение! Наша надежда. Целую тебя моя, Оливия!

Мария, ты мой первенец, глядя на тебя я понимаю, что жил не зря. Ты такая дочь, о которой мечтает любой родитель. Прости, если иногда я делал тебе больно или просил тебя о том, что тяжело и невозможно сделать. Это я делал потому, что знаю какая тонкая у тебя душа и как ты способна понимать. Я хочу, чтобы ты тоже встретила достойного человека и обрела свое женское счастье. Но даже, если ты и найдешь кого-то и будешь его любить, никогда не отказывайся от себя! Не продавай свою душу!.. Прости своего старика отца за эти слова, но я должен был тебе это сказать! Я люблю тебя, Мария! Будь счастлива, дочка!

Ваш отец и муж Маркос'.

Последние строки я читала сквозь слезы. Буквы у меня перед глазами скакали. Я видела, что отец видимо тоже плакал, когда писал, потому что буквы были неровными, временами они скукоживались, а временами растягивались и было очень трудно читать.

Я легла на его кровать и обняла его костюм, который еще хранил на себе запах отца. Костюм был уже не новый, но отец его очень любил и всегда смеясь говорил матери, что если она от него уйдет, то он пойдет второй раз к ней свататься в этом же костюме, потому как перед ним она устоять не сможет. Мать же в ответ шутила, что если она и не сможет от чего-то и устоять, как только сойтись с ним, чтобы иметь возможность сводить в магазин, чтобы он купил себе новый костюм. После этих слов мы все смеялись. Боже, как давно это было! Мне казалось, что прошла целая вечность!

В это время я услышала, как дверь в квартиру открылась и по дому застучали каблук Оливии. Она открыла дверь в папину комнату и подойдя к кровати легла рядом со мной. Какое-то время мы лежали молча.

— Знаешь, я не верю, что папы нет, — сказала Оливия задумчиво разглядывая потолок.

Я протянула руку и обняла ее, прижав к себе:

— Я тоже. Но мы должны быть сильными и ничего не говорить маме. Ей перед операцией нельзя переживать.

Оливия погладила рукой папин костюм:

— А ведь он и вправду очень шел ему.

Я кивнула:

— Как твои дела, Оливия? Мы в последнее время редко видимся. Тебе что-то нужно?

Она покачала головой:

— Нет. Я встретила одного человека. — Оливия немного помедлила. — Он любит меня и заботиться.

— Это хорошо! А ты?

— Что я?

— Ты, любишь его?

Она неопределенно мотнула головой:

— Не знаю. Скорее всего, да.

Она показала мне руку, на пальце блестело кольцо с большим изумрудом:

— Он сделал мне предложение и я приняла его.

Я обрадовано обняла ее и еще крепче прижала:

— Ой, ты меня совсем задушишь! — пискнула Оливия.

— Прости, — я немного ослабила хватку. — А кто он? И как его зовут?

— Он владелец одной галереи. Его зовут Пабло Тамильо.

— Итальянец?

Оливия посмеялась:

— Ты правильно догадалась!

Затем мы помолчали:

— Сегодня я хотела рассказать про него родителям, — Оливия заплакала.

Я гладила ее по голове:

— Не плачь, папа бы очень обрадовался, что теперь ты не одна. Он оставил письмо, в котором написал об этом, — я протянула ей письмо. — А теперь мне нужно ехать насчет похорон. Чаки предлагал свою помощь, но я отказалась — папе это было бы не приятно. Хочу, чтобы все было правильно. Я взяла костюм и завернула его в пакет для одежды. — Я тебе позвоню, когда все организую, а ты пригласи пока соседей на завтра, хорошо?

Оливия кивнула. Я поцеловала ее в щеку:

— Главное ничего не говори маме? Ок?

Она еще раз кивнула и я поехала.

Все что было дальше, я видела как будто со стороны. Вот я прихожу в похоронное агентство. Служитель с фирменным скорбным выражением лица показывает мне каталоги с гробами, рассказывает про выбор 'букетов по этому тяжелому случаю'. Я рассеянно киваю и временами отвечаю невпопад. Но он, с понимающим видом кивает и очередной раз переспрашивает меня что я выбрала.

В итоге я все-таки выбрала скромный гроб и пару венков с какими-то бледно-желтыми цветами. Я вытащила из сумочки деньги и расплатилась. Он выписал мне квитанцию и проводил на выход. Неужели и правда весь этот бред происходит со мной? Постоянно спрашивала я себя. Этого просто не может быть! 'Я сплю! Я сплю' — твердила я себе как заговоренная.

Вечером я позвонила в больницу и попросила медсестре передать, что завтра мы с отцом и Оливией идем по делам, поэтому не сможем к ней зайти. Медсестра предложила мне самой поговорить с ней, но у меня на это не было сил, поэтому я сказала, что очень тороплюсь.

Похороны прошли очень скромно. На лужайке перед вырытой большой ямой поставила два ряда деревянных скамеек. Народу было очень мало. С работы ко мне приехали Роза и Рамиросом. Они привезли необъятный венок с лентой 'От телеканала Мексика сегодня. Скорбим:'. Увидев это чудовищное творение я не выдержала:

— Звучит как похабная реклама! Кто мог заказать такой ужас!

Роза хмыкнула:

— Это видимо твоя новая подруга Сальма Тепурос пыталась перед тобой прогнуться. Я

слышала, как она звонила в похоронное агентство и говорила: 'Нужен венок для большого человека. Большого, вы меня поняли?'.

Венок с трудом подняли двое мужчин. Я попросила поставить его в сторону. От одного его вида, у меня к горлу подкатывала тошнота.

Оливия приехала со своим женихом. Я очень удивилась глядя на него. Он вовсе не производил впечатление хлыща. А именно такие мужчины раньше были рядом с Оливией. Пабло, наоборот, чем-то даже напоминал мне отца. Было видно, что это немногословный мужчина с устоявшимся взглядом на жизнь. Он был не высокого роста и полноват, но было в его лице что-то мягкое и доброе. Когда он пожимал мне руку, я чуть не расплакалась. Рука была теплой и какой-то дружеской что ли. Он посмотрел на меня своими большими сочувствующими глазами, и я прониклась доверием к этому человеку на всю жизнь. Теперь за Оливию я была спокойна. Я улыбнулась ему и тоже пожала ему руку.

Мы сели на места и священник начал рассказывать про бренность жизни, и про то, что жизнь — это 'короткий путь в царствие небесное'. Я же постоянно ловила себя на мысли, что думаю совсем о другом. Этот момент — когда умрет мой близкий человек, я ждала с ужасом. Мне казалось, что когда отец умрет, моя жизнь остановится и я умру. Но вот, я сижу рядом с гробом отца, смотрю на его строгий профиль и думаю о чем угодно, только не о смерти. Наверное, это была защитный рефлекс организма. Мне совсем не хотелось думать, о чем-то тяжелом, а особенно о том, что его нет. А еще почему-то хотелось петь. Это было бы, наверное, ужасное кощунство, если бы в тишине кладбища, слегка прерываемое тихим голосом, скорее даже похожим на шелест священника, прозвучало мое громкое пение. От этой мысли я чуть не рассмеялась. Но видимо, все таки мой смешок прозвучал громко, потому как я заметила, что многие начали переговариваться. Ко мне наклонилась Оливия и прошипела:

— Держи себя в руках, а то все подумают, что ты рада этому событию.

Я ей сказала:

— И что тогда?

— Тогда тебя либо посадят в психушку, либо сочтут за суку!

Она резко отвернулась. Мою руку пожала сидящая слева Роза:

— Милая, не о чем не думай! Только ты знаешь, как тебе его не хватает и как ты скорбишь по нему!

После этих слов, меня прорвало. Я рыдала так, что не могла остановиться. В конце концов, я встала и побежала куда глаза глядят. Сзади себя я слышала как люди шептались.

Пробежав немного я села на скамейку, возле одной из могил, продолжая плакать. Рядом со мной оказался Денни. Он погладил меня по волосам:

— Не плачь, Мария! Это жестокая правда жизни, одни люди уходят, чтобы дать место другим.

Я с удивлением уставилась на него:

— Какие-то странные слова утешения, ты не находишь?

Он улыбнулся и пожал плечами:

— Ты слишком умна, чтобы тебе лепить про 'царство божье' и про то 'что им там лучше чем нам'.

Я невесело усмехнулась:

— А почему бы не попробовать?

Денни посмотрел на стоящий над нами большой мраморный памятник с крупным

толстым ангелом, который держал цветы:

— Никого еще из тех кто там был не возвращался. Поэтому мы не знаем, есть ли что-то там или нет. Именно поэтому, нужно жить так, — он серьезно посмотрел на меня, — как будто там пустота. Понимаешь?

Раньше я никогда не видела его серьезным. Для меня он всегда был похож на парня с обложки журнала. А что собственно я про него знала? Денни был улыбочивым, в всегда отглаженном костюме. Со светлыми льняными волосами и голубыми глазами. Это все.

Я положила свою руку на его:

— Скажи, ты терял близкого человека? Ведь так?

Он неопределенно покачал головой:

— Да.

И хоть было понятно, что про это он не хочет говорить, тем не менее мне хотелось знать:

— Это была твоя девушка?

Денни посмотрел на свои руки:

— Сестра.

Я хотела расспросить его про нее, но тут увидела, что к нам идет Рамирос с Корнелией. Похоже церемония закончилась.

Он встал:

— Я подожду вас в машине.

Ко мне подошла Роза и села рядом:

— Все кончилось! Хочешь я схожу с тобой на могилу?

Я покачала головой:

— Я не могу: — и снова заплакала. — Через пару дней, я лучше схожу одна. Там никого не будет.

Роза кивнула и обняла меня:

— Может быть поедем ко мне? Абдул будет рад тебя видеть!

Я покачала головой:

— Прости, но сейчас мне лучше побыть одной.

Роза кивнула и они с Рамиросом пошли в сторону выхода.

Ко мне подошла Оливия и устало села рядом:

— Ты как?

— Нормально.

— Мы сейчас едем обедать, ты с нами?

— Нет. Прости, кусок не лезет. Давайте как-нибудь в другой день, ладно? — я посмотрела на Пабло.

Он мне улыбнулся:

— Мы будем всегда рады тебя видеть, Мария! Приезжай когда захочешь! — он продиктовал мне адрес.

Я кивнула и они обнявшись пошли. Я осталась сидеть на скамейке взирая снизу вверх на памятник. Видимо, художнику, который его делал, хотелось передать что даже ангелы скорбят по умершему. Но, впечатление было обратным. Толстый мальчик со складками на животе и несуразными крыльями стоял опустив кудрявую голову, как будто устав от всего на свете, в том числе и от умершего. Памятник покрывал слой пыли, под которым черный мрамор казался серым и вылинявшим. Меня почему-то опять начало тошнить. Скорее всего,

от этих дурацких мыслей. Я встала и пошла по длинной алее, разглядывая памятники и читая надписи на них. И куда бы я не бросала взгляд, везде были каменные плиты, кресты и даже мавзолеи. Казалось, что здесь лежит весь город. Вокруг меня никого не было, лишь иногда ветер трепал полы моего черного платья, которое било меня по ногам. Было очень жарко. Через какое-то время, мне начало казаться, что все умерли и осталась только я. И теперь я блуждаю среди могил, проклятая и обреченная на вечное одиночество. И еще мне казалось, что я вижу призраков. Они смотрели на меня своими пустыми глазницами из-за могил, временами чуть приближаясь ко мне. А затем у меня перед глазами все потухло.

Когда я открыла глаза, то был уже вечер. Я увидела над собой испуганное лицо Чаки и чуть приподнявшись села держась руками за голову:

— Как я сюда попала?

— Господи, — Чаки обнял меня. — Слава Богу! У тебя был солнечный удар и ты упала на кладбище. Денни ждал тебя в машине, но все разъехались, а тебя все не было. Он пошел тебя искать и нашел на траве недалеко от могилы отца. Он позвонил мне и я сразу приехал с доктором. Тот тебя осмотрел, и сказал, что тебя нужно отвезти домой и не беспокоить, а как проснешься, чтобы ты побольше пила.

— Чаки, спасибо тебе! Мне уже лучше, а теперь тебе лучше выйти. Я хочу немного отдохнуть.

Он поцеловал меня в горячий лоб и вышел.

Я пощупала свою голову. Мне показалось, что она у меня из железа. Я встала и качаясь пошла в туалет. Там меня вырвало. У меня перед глазами все плыло и вращалось. Я кое-как дошла до кровати.

Лишь только моя голова коснулась подушки, как я опять погрузилась в сон. Во сне мне снилось, что я плыву по озеру с удивительно чистой и прозрачной водой. Плыть было легко и приятно. Я даже ощущала влагу на своем теле, которая освежала меня. На берегу я видела как стоит и машет мне рукой моя мама. Она была в красном платье. Которое ярким пятном алело среди серых камней. Помахав ей, я поплыла к берегу. Но чем ближе я подплывала, тем гуще становилась вода. Метров за тридцать до берега вода уже напоминала сироп. Я с трудом поднимала руки, чтобы грести, чувствуя, что мое тело тонет в этой грязно-бурого цвета субстанции. Мама что-то мне кричала и махала руками, но вода буквально затягивала меня. Я почувствовала как она попадает мне в уши, нос, словно склеивая их. Закричав, я проснулась. На дворе была глубокая ночь.

'Это сон, всего лишь сон!' — прошептала я себе, вытирая свой мокрый от пота лоб. Сняв ночную рубашку, которая также была абсолютно мокрая, я заснула. На этот раз без сновидений.

На следующий день я проснулась рано. Чувствовала я себя неважно, но по крайней мере, моя голова немного прояснилась. Это было как с глубокого похмелья.

Я вышла на террасу. Один из охранников сказал что Чаки уехал по делам и что велел мне оставаться сегодня дома. Я кивнула и пошла к себе. Мне хотелось есть, но я еще помнила как вчера меня выворачивало на изнанку. Поэтому попила чай и легла с журналом в кровати.

В этот момент зазвонил мой мобильный телефон. Номер был не знакомый:

— Алло!

— Мисс Карузо? Это секретарь Александра Штольца заведующего больницей.

— Я знаю кто он. В чем дело? — последние дни отняли у меня все цивилизованные манеры.

— Мистер Штолец просит вас приехать в больницу.

— В чем дело?

— К сожалению, я не в курсе.

— А вы можете меня соединить с ним?

— Он сейчас на обходе.

— Хорошо, — вздохнула я. — Скажите, что через час я буду!

Я положила трубку раздумывая зачем я понадобилась Штольцу. Скорее всего, дело в оплате или в предстоящей операции.

Нацепив на себя легкое платье, я посмотрела на себя в зеркало. Выглядела я просто ужасно. Под глазами были темные круги, а волосы жутко спутанными. Поэтому я одела большие темные очки и стянула волосы в пучок. Взяв телефон, я позвонила Денни:

— Денни, мне нужно в больницу. Отвезешь меня?

На том конце повисла долгая пауза:

— Мисс Мария, я был бы рад помочь вам, но мистер Чуарез меня просто убьет. Сегодня он раздал приказы всей прислуге, чтобы мы не шумели и помогали вам прийти в себя, после вчерашнего случая.

— Вот и помоги мне прийти в себя, а для этого я должна съездить в больницу.

Голос Денни был напряжен:

— Если я помогу вам, меня уволят. Простите, я не могу!

— Хорошо! Все нормально!

Я положила трубку обдумывая что делать. А потом позвонила в такси. Когда я садилась в такси, я видела, как один из охранников куда-то звонил, но предвидя реакцию Чаки мобильник я оставила дома.

Когда мы подъезжали к зданию больницы, я обратила внимание, что ворота закрыты и возле них столпились репортеры. Охранник пустил меня в калитку. Я шла за ним обдумывая, что бы это значило. Охранник впустил меня в здание, а сам ушел. Я прошла в холл и встала возле стойки. Медсестры все не было. Я решила зайти к маме, прежде чем идти к заведующему.

Подойдя к знакомой двери, я подумала что забыла цветы. Мама так радовалась, что я приносила их.

Открыв дверь я не поверила собственным глазам. Кровать стояла пустая и заправленная. Сиделки не было. Я уже собиралась выходить, когда в углу заметила сумку с мамиными вещами. В это время в помещение зашла уборщица с ведром воды.

Я обратилась к ней:

— А вы не знаете куда перевели пациентку с этой палаты.

Женщина не глядя на меня начала протирать пыль на подоконнике:

— Дак померла она!

Мне казалось, что мой ночной кошмар продолжается:

— Как это умерла?? — почти закричала я.

Женщина продолжала убираться:

— Тут с ней сиделка была. Видно она газету и принесла, в которой было написано, что

мужчина умер на скамейке на территории этой больницы. А как оказалось, это муж пациентки и был! Так-то! Та вышла ночью в коридор, медсестра по этажу отлучилась. Пациентка забрала почти все таблетки у той со стола, которые та раздавала пациентам на этаже. И все их выпила. Когда был обход, все подумали, что она спит. А она уже того:

Женщина откинула прядь волос с лица:

— А вы кем ей приходитесь? Знакомая что ли?

Я кивнула. В этот момент у меня жутко закружилась голова, а потом у меня в мозгу что-то взорвалось и я упала без памяти на каменный пол.

Потом мне казалось, что я умерла. Я была между сном и реальностью. Временами я видела склоненное надо мной лицо какого-то существа с яркими золотыми волосами и белой кожей. Оно было очень похоже Александра Штольца. Порой загадочное существо протягивало ко мне свои руки, которые казались бесконечно длинными и тогда я ощущала на своем лбу прохладу. Рука меня успокаивала, и я снова куда-то проваливалась.

Там где я была, было все серое. Где-то краем сознания, я чувствовала что со мной произошло что-то страшное. Что-то такое, что уже не изменить. И может быть поэтому, мне совсем не хотелось просыпаться. Уж лучше серое безмолвие, чем жизнь полная страданий, обид, страха и гнева.

Я чувствовала, что порой возле меня находились люди. Иногда мне даже казалось, что сквозь туман пытаюсь разобрать их голоса, а также то, о чем они разговаривали. Но, то ли сил у меня не было, то ли сознание отказывалось что-либо воспринимать, но не я могла разобрать ни слова. И поэтому, опять словно проваливалась туда, где была тишина, а также полный покой. Я растворялась в серой пелене, мне казалось, что я бесплотный парящий дух, который затерялся между раем и адом. Это было чистилище. Мое чистилище. И мне совсем не хотелось оттуда выходить. Там был серый сумрак и прохлада, а плотный туман покрывал все вокруг...

Не знаю, почему это произошло, но в один прекрасный день, я пришла в сознание и открыла глаза. Рядом со мной в кресле спал Штолец. Я залюбовалась на его лицо. А почему раньше мне его внешность казалась несуразной? Он был по-своему даже красив! Свет из-за полузадернутой шторы падал на его руку. Кожа казалась белой и почти прозрачной. Неудивительно, что я приняла его за неземное существо.

Видимо почуяв мой пристальный взгляд он проснулся. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, а затем он пододвинул стул и сел возле моей кровати:

— Привет! — он попытался улыбнуться.

— Привет! — попыталась улыбнуться я в ответ. Не знаю почему, но мне казалось, что я давно его знаю, поэтому я откинула все церемонии. — Ты скверно выглядишь.

Он провел рукой по небритой щеке. Я заметила, что он сильно похудел и под глазами залегли темные круги.

— Да: У меня было не простое время.

— Сколько я здесь, — задала я вопрос, обводя взглядом комнату.

— Почти две недели. Как ты себя чувствуешь?

Я неопределенно махнула головой:

— Не знаю. Как-то странно. Так, как будто я только что родилась, но еще кое-что помню из прошлой жизни, а что точно не могу сказать, — я помолчала собираясь с

мыслями. Во рту было ужасно сухо. — Насчет мамы и папы: Это правда?

— Давай пока не будем разговаривать об этом, ты еще очень слаба. Как ты придешь в себя, обещаю, мы все обсудим.

Обсуждать было нечего. Я посмотрела на него. Он смотрел на меня и в его глазах я видела боль и сочувствие.

— Я знаю что их нет, — где-то в глубине души я почувствовала боль, но она была где-то далеко. Обычно, так вспоминаешь про события из далекого прошлого, по прошествии десятков лет. Боль забирается вовнутрь. Ты еще страдаешь, но рана не открыта и не кровоточит. Она превращается в толстый рубец, который тянет при малейшем движении и болит в непогоду.

Он встал и подошел к окну:

— Да, их нет. Но сейчас тебе нужно подумать о себе. Твое состояние было очень тяжелым. При падении ты сильно ударила голову и на какое-то время впала в кому. Мы боялись, что ты уже не придешь в себя.

Я рассматривала его профиль. Это был профиль Наполеона, который вошел в пустой город. И вместо радостных горожан, его встретили пустые улицы и вой ветра в подворотнях. Его плечи устало опустились.

— Тебе нужно отдохнуть. — сказала я. — Иначе в следующий раз, когда я перейду в себя, я могу подумать, что умерла.

Александр улыбнулся и потер себя по небритой щеке:

— Что выгляжу не ахти?

— Краше в гроб кладут, — безжалостно заключила я.

Он улыбнулся и я удивилась способностью его лица к преобразению. Сейчас он выглядел как мальчишка. Хитро улыбнувшись, он спросил:

— Не составишь мне компанию за завтраком?

Я подняла к нему свои руки с кучей проводов.

— Если ты меня отстегнешь, то я обязательно с тобой позавтракаю. Тем более, что я голодная как волк.

Он опять стал серьезным:

— Ты долго была на аппаратах жизнеобеспечения. Поэтому тебе есть нельзя. Для начала ты можешь выпить молока. Я отдам распоряжение и тебе составят индивидуальное меню.

Я сделал вид, что разочарованна:

— И что мне стейк сегодня не светит?

Штольц улыбнулся:

— Пока нет! Но если твое выздоровление пойдет по плану, через пару неделек, ты можешь есть все что угодно. И даже стейк!

— Хорошо! Только дай мне сейчас хоть что-нибудь!

Он позвонил и пришла медсестра. Я смотрела как он отдавал ей распоряжение. Сейчас он опять выглядел как заведующий больницей и мне бы даже в голову не пришло называть его на ты.

Через какое-то время приехал Чаки. Он влетел ко мне в комнату и кинулся ко мне, осыпая мое лицо поцелуями:

— Милая моя! Девочка! Как хорошо, что ты пришла в себя! Я себе места не находил!

В это время я что-то пискнула. Он наклонился ко мне, как родственник к умирающему, который должен рассказать где закопал горшок с золотом. Его ухо почти лежало на моих губах:

— Что? Что, ты говоришь моя девочка?

— Слезь, ты буквально задушил меня, — почти прохрипела я.

Он вскочил с ужасом глядя на меня:

— Прости! Прости, родная!

Я махнула рукой, дескать ничего, все ок! Но в его глазах увидела страх. Поэтому опустила глаза, глядя на свою руку. Она была тонкой и почти прозрачной, казалось еще немного и через нее начнут просвечивать складки простыни. Судя по толщине, можно было подумать, что это была детская рука. Потом я с удивлением приподняла одеяло. Под ним лежало худое словно мумия тело. Если бы я увидела кого-то с такими формами со стороны, подумала бы, что бедняга не жилец!

— Не бойся! — я махнула рукой. — Скоро меня раскормят, так что я не полезу ни в одно из платьев, что ты мне подарил.

Чаки взял меня за руку. Я могла бы поклясться, что вижу в его глазах слезы. Но видимо, после чудного возвращения с того света, что-то случилось с моим зрением.

— Я куплю тебе новых платьев! Еще лучше прежних! Только поправляйся!

Я осмотрела комнату. Она буквально утопала в белых цветах:

— Это ты цветы присылал?

Он кивнул:

— Они тебе нравятся?

Я рассматривала их, пытаюсь составить свое мнение:

— Да, но их, как бы это сказать: слишком! Обычно цветы в таком количестве возлагают на могилу политическому деятелю. А также ставят памятник со словами: 'Ничего не может окупить твой подвиг!'.

Чаки рассмеялся. Мне показались в его смехе нервные нотки:

— Ты неподражаема! Если ты шутишь, то значит скоро поправишься! Тебе что-то нужно?

— Да. Я хочу увидеть Оливию.

Он кивнул:

— Ей уже позвонили. Они с Пабло скоро приедут.

— Ты знаешь его?

— Не сказать чтобы особо, но мы пару раз встречались.

— И как он тебе? — у меня проснулось женское любопытство.

— Пабло человек другого круга, поэтому сказать точно не могу. Но его уважают за профессионализм и принципиальность.

— Я так и думала.

— Если хочешь, я могу про него узнать? — Чаки наклонился ко мне, губами целуя мои пальцы.

— Нет, я верю ему! Он хороший человек. И я очень рада за Оливию.

Потом был долгий процесс реабилитации. Меня практически заново учили ходить. Ела я жидкие каши, но тем не менее, со временем у меня проснулся вкус к жизни. Это было как у человека, который всю жизнь боялся чего-то страшного и в конце-концов, это страшное с

ним случилось. Человек страдает, ему хочется умереть. Но со временем, он свыкается с мыслью, что уже ничего не вернуть. И тогда он позволяет себе жить. А жизнь оказывается не такой уж и ужасной!

Так и я! Я училась заново есть, ходить, а также по-новому воспринимать себя и этот мир. Я была как ветеран, который снисходительно смотрит на новобранцев, считая их еще совсем глупыми и зелеными. Почти все что было мне дорого осталось в прошлом, но тем не менее, я уговаривала себя, что в будущем меня еще ждет что-то хорошее...

Каждый день ко мне приезжал Чаки. Он рассказывал мне про то, что творилось вокруг. Оказывается в центре города был взрыв и пострадало несколько человек, а также одного министра взяли с поличным, когда он получал взятки и еще много чего. Раньше я политикой не интересовалась, но теперь начала. И когда он приходил ко мне, я просила рассказать что-либо еще. В глубине души я надеялась, что он расскажет мне про свою работу, но про нее я не слышала не слова. Когда я пыталась зайти издали, он становился раздражительным и менял тему. Приходилось довольствоваться политикой и светскими сплетнями.

Оливия первые несколько дней заезжала каждый день. Я была очень ей рада. Ее жизнерадостность передавалась и мне. Она рассказала, что переехала к Пабло и что через пару месяцев они поженятся. Слушая ее трескотню я долго не могла задать вопрос, который меня мучил. В один день я набралась храбрости:

— Оливия: а вы маму похоронили?

Она опустила глаза:

— Да. Мы не знали преиждешь ли ты в себя. Доктор сказал, что они делают все возможное, но почему-то ты не приходишь в сознание, видимо потрясение было слишком сильным и у организма включился защитный механизм, который на время отключил сознание. Поэтому мы не стали ждать, тем более, что волнение тебе было категорически запрещено, — она помолчала. — Она похоронена возле папы: Прости, мне жаль!

— Нет! Ты все сделала правильно! Как я выйду из больницы, я обязательно их навещу.

Оливия кивнула. Затянувшаяся пауза была для нее тяжела:

— Ой, но мне нужно бежать! Я должна выбрать торшер для спальни, к тому же дизайнер сегодня привезет материал на шторы. А ты же знаешь этих дизайнеров, они считают, что самые важные и поэтому опоздать нельзя!

— Конечно, милая! Беги! Передай привет, Пабло!

Она чмокнула меня в щечку и взмахнув гривой рыжих волос умчалась, оставив в комнате стойкий аромат своих духов с запахом ириса.

Вечерами ко мне заходил Штольц. Мы с ним очень подружились и даже устраивали литературные диспуты. Временами он приносил книги со стихами старинных английских поэтов и читал мне их.

Как-то он случайно он проговорился, что Чаки собирается подавать на его больницу в суд. На следующий день, я провела разъяснительную работу с Чаки и он пообещал мне, что у больницы проблем не будет. Я осталась довольна, о чем этим же вечером сообщала Штольцу. Он долго благодарил меня, а после сказал, что откроет на мое имя счет и переведет туда сумму за моральную компенсацию. На что я ответила ему, что от такого предложения откажется только дура.

Штольц смеялся сверкая своими серыми глазами. Иногда мне казалось, что я видела в его взгляде что-то большее чем просто опеку врача над пациентом, но я была не уверена в

этом. Он был уважителен и даже не допускал намека на какие-то похожие мысли, наоборот рассказывал о девушке с которой начал встречаться. После этого я расслабилась и уже была с ним абсолютно свободной. Но временами, когда я не смотрела на него, я чувствовала на себе его пристальный взгляд, хотя это мог быть и взгляд врача, который с удивлением смотрит на шалящего пациента, который буквально неделю назад лежал трупом.

Еще вечерами мы с ним играли в шахматы. Вначале он обыгрывал меня и снисходительно заявлял, что он один из лучших игроков и поэтому проигрывать ему не стыдно. Но я была упорной и мне очень хотелось его обыграть и утереть этому индюку нос, к тому же тренировка сделала свое дело. Я начала вспоминать, как отец учил меня игре. Он долго и нудно вдавливал мне комбинации и хитрости. И как оказалось на практике, они где-то отложились, потому как через некоторое время, я начала в пух и прах разбивать Штольца. Он сопел, удивлялся, а потом смеясь говорил, что я видно мухлюю. На что я с показным бешенством запускала в него ладьей. Он смеясь уворачивался, говоря:

— А не могла бы ты кидать не только мои фигуры?

После этого мы начинали хохотать и он бежал в свой кабинет за нардами. Я шутила, что к концу выписки стану прожженным шулером.

Время шло и я уже могла ходить без посторонней помощи. Меня продолжали кормить кашами и овощами. Чаки наотрез отказывался приносить мне 'вредную для моего слабого организма пиццу'. Поэтому когда позвонила Роза и сказала, что они с Рамиросом придут навестить меня. Я буквально взмолилась покормить меня чем-нибудь вредным.

Увидев меня, Роза раскудаhtалась:

— Девочка! Они же заморят тебя голодом! — говоря это она раскладывала передо мной пиццу, сосиски и картофель фри.

Я накинулась на еду, жадно жуя. Роза продолжала охать ошупывая мое 'тщедушное тельце', в то время как Рамирос опускал сальные шуточки насчет моего цыплячьего вида.

Жуя с полным ртом, я погрозила ему кулаком с гамбургером:

— Вот выйду на работу, отъемся, тогда узнаешь!

В это время, дверь моей палаты открылась и на пороге с отвисшей челюстью застыл Штолец. Минут пять он стоял как деревянный истукан. Я же в это время сообразив, что застолью похоже конец. Быстро засовывала в себя огромный гамбургер. Когда Штолец подошел ко мне и посмотрел на меня тяжелым взглядом, у меня изо рта торчала только веточка укропа, которую я быстро втянула в себя.

Похоже он не находил слов. Несколько раз, он порывался что-то сказать, подняв вверх указательный палец и издавая нечленораздельные звуки. Наконец, он взял себя в руки:

— Что здесь происходит? Мария, вы же знаете что вам нельзя такую пиццу! — в первый раз после нашего с ним дружеского сближения, он назвал меня на вы, отчего я почувствовала себя кругом виноватой.

— Простите! — пролепетала я. — Мне очень хотелось есть!

Он пристально на меня смотрел, как будто хотел взглядом прожечь дырку.

— Вы бы попросили еще порцию каши! Мы в нашей клинике на пациентах не экономим!

Вперед вышла Роза. Она встала поставив руки в бока:

— Каши!? — она это пронесла так, словно это слово значило что-то ужасное типа 'чума' или 'дезертирство'. — Доктор, вы в своем уме? Она же скоро на нет сойдет!

Роза ткнула в мою сторону пальцем. Три пары глаз уставились на меня. Мне было не ловко и я не знала как выйти из этой ситуации. Поэтому схватилась за голову изображая мигрень. Они все перепугались и засуетились. Роза с Рамиросом собрали вещи, уже на выходе желая мне скорейшего выздоровления. Штольц же сел рядом, проверяя мой пульс.

Роза остановилась на пороге, отчего ее массивная фигура в ярком платье почти заполнила проем:

— В следующий раз, я принесу тебе пироги, родная! — и победно взглянув на Штольца вышла.

Слушать отповедь мне не хотелось, поэтому я сделала вид, что ужасно хочу спать. Александр расправил мне одеяло и тихо вышел в коридор, в то время как я рассматривала из-под ресниц как он тихо идет к двери.

Съеденный гамбургер камнем лежал в моем желудке.

В больнице я пробыла почти месяц. Штольц за это не взял с меня ни копейки. А когда я начала ныть насчет выписки, он говорил 'на следующей неделе будет видно'. По мне так я была уже здорова как бык. Я даже совершала ежедневные пешие прогулки, так как 'моцион шел мне на пользу'. В один из таких дней я пришла в дальний угол больничного городка. Там находилось трехэтажное третье здание больницы. Что мне сразу бросилось в глаза, так это то, что отдаленный дом стоящий на отшибе был огорожен высоким забором, на котором сверху находилась колючая проволока. Здание было выкрашено в жизнерадостный желтый цвет, но от одного его вида мне становилось не по себе. Я подошла к калитке и заглянула в нее. Вокруг дома находилась просторная лужайка с множеством скамеек. Сейчас было время прогулки и на скамейках сидело несколько человек. Все было бы ничего, если бы один больной подняв руки вверх не бегал вокруг одиноко стоящего дерева. Все остальные молча созерцали его.

— Я вижу, вы решили обследовать нашу территорию.

От этих слов я почти подпрыгнула. Сзади меня стоял охранник в фирменной форме больницы. В руках у него был стаканчик с кофе и коробка с пончиками. Подойдя он начал открывать замок на калитке.

— А что это за здание? — спросила я.

— Это здание терапевтического корпуса для людей с психическими заболеваниями, — охранник смотрел на мою реакцию.

— Как же я сразу не догадалась!? А здесь лежит много народу?

— Простите, мисс, мне нельзя разговаривать с посторонними. Если кто-то увидит, будут проблемы.

И он пошел в будку, которая была на входе. Я же пошла бродить дальше.

Вечером ко мне приехал Чаки. Я была ему очень рада. Тем более, что он привез мне коробку моих любимых французских трюфелей. Зайдя ко мне он с порога крикнул:

— Собирайся! Мы едем домой!

Упрашивать дважды меня было не нужно. Едва он это договорил, как я уже стояла одетая с сумкой в руке возле порога. Выходя из комнаты мы столкнулись с Штольцем. Видя, что я оделась и стою с вещами он часто заморгал:

— Куда? Куда вы?

— Спасибо вам большое, но я чувствую себя превосходно и меня забирают домой!

Я блестела от счастья как начищенный башмак.

Штольц взял себя в руки:

— Хорошо! Только вам нужно будет подписать бумаги!

Чаки обняв меня чмокнул в щеку:

— Я подожду тебя в машине!

Мы со Штольцам пошли в его кабинет. Всю дорогу он молчал, наконец я не выдержала:

— Спасибо тебе большое!

— За что? — рассеянно спросил он открывая дверь своего кабинета и подходя к столу.

— За все!? — выпалила я. — Если бы ни ты, я бы не дожила до этого счастливого дня!

Он в это время копался в бумагах:

— Хорошо! — наконец, он достал какую-то бумагу из папки. — Подпиши вот это?

Я не глядя подписала.

— Ты даже не посмотришь, — спросил он.

Покачав головой я ответила:

— Нет! Ты самый лучший врач и я тебе верю!

Он стоял за столом и как-то странно смотрел на меня. От его взгляда мне почему-то было не ловко. Я протянула ему руку:

— Спасибо еще раз!

Он пожал мне руку через стол, хотя это было и не очень удобно:

— Спасибо тебе, Мария! Если будет что-то нужно, — он замялся, — например, покидать в кого-нибудь шахматами, обращайся.

Я улыбнулась и уже хотела уходить. Возле двери я обернулась и быстро подойдя к нему поцеловала его в щеку. Уже уходя я заметила, что он стоит за своим столом очень бледный и взволнованный. Но мне осточертела эта больница и я как птица рвалась на свободу, почти побежав к машине.

Когда дверь за мной захлопнулась, Штольц тяжело опустился в свое кресло и закрыл лицо руками. Но этого я уже не видела.

Первые несколько недель дома я только и делала, что отъедалась. Чаки шутил, что я ем больше чем все его охранники, но я отмахивалась и намазывала себе маслом очередной бутерброд с сыром и ветчиной. В итоге, все моя худоба осталась в прошлом и я вновь пришла к собственному весу. Я плавала, загорала, ходила по магазинам, общалась с Эльвирой и Хасаном и даже начала брать у него уроки по садоводству. Короче делала все, но только не ездила на кладбище. Когда Чаки или Оливия пытались со мной заговорить на эту тему, я молча отворачивалась и уходила. Я не могла объяснить им, что в глубине души я поселила мысль, что родители уехали и скоро обязательно приедут. Это был полнейший идиотизм, но я даже сама начала в это верить. И когда со мной заговаривали про их смерть, я жутко злилась. В итоге, все привыкли к моим бзикам и поменяли темы. Я же, продолжала делать вид, что все прекрасно.

В один прекрасный день, Чаки предложил выйти за него замуж и я внезапно для себя согласилась. Это была как игра. Мне казалось, что все понарошку и я наблюдаю со стороны. Услышав эту новость Роза ругала меня на чем свет стоит. Но я лишь улыбалась и думала о своем, а вернее ни о чем не думала. Наконец, она выдохлась и спросила когда свадьба. Я ответила, что через неделю. Роза сказала, что я безбожница и что мои родители в гробу переворачиваются видя, как я не держу траур. Я жевала яблоко и качала ногой.

Свадьба была очень пышной, но я почему-то помню ее очень смутно. Церемония проходила на лужайке перед нашим домом. Одеваясь и слушая трескотню Розы и Оливии, я смотрела в окно. Народу было так много, что мне казалось, что сегодня день выборов.

Когда я шла между рядами с людьми, меня слегка подташнивало. Единственное, что меня поддерживало, это взгляд Чаки. Я видела в его глазах, как он любит меня и что он страшно горд и счастлив. Если бы не этот взгляд, я бы подняла свои многочисленные юбки и дала бы деру.

Священник говорил нам что надо любить и уважать друг друга и в горе и в радости, а я почему-то думала о родителях. О том как они любили друг друга. Способна ли я была на такую любовь? Я смотрела на профиль Чаки. Правильно ли я сделала свой выбор? И буду ли я в конце жизни любить его также сильно? Ответов я не знала.

Наконец, церемония подошла к концу. К нам подходило бесчисленное множество людей, которых я не знала. Среди толпы незнакомцев я искала глазами своих знакомых. Я пригласила Оливию с Пабло, Корнелию и Рамироса с Люцией, так как они теперь были официально вместе. Оливия с мужем поздравили одни из первых, но потом то ли они уехали, то ли просто растворились в толпе, а Корнелии с остальными все не было. И когда уже почти все гости поздравили к нам подошли Рамирос с Люцией. Я подумала, что она и в правду выглядит исполином. Она была очень высокой и крепкой. Мне даже подумалось, что случись что, она способна легко взять Рамироса на руки и отнести как ребенка. Но у нее было очень доброе лицо и немного наивный взгляд. Они поздравили нас и ушли, а Корнелии все не было. В итоге ни одного поздравляющего не осталось. К Чаки подошел какой-то мужчина и они ушли, я же пошла за очередной порцией шампанского. По пути меня кто-то окрикнул. Это была Роза. Она была в лиловом платье, черной шляпке и с маленькой вечерней сумочкой, которую она не переставала тискать в своих больших руках.

Я не удержалась:

— Ну и?

Она мялась:

— Прекрасная свадьба, Мария! Я тебя поздравляю!.. Только вот понимаешь, не для меня все это: Это все люди из другого мира, — она обвела яркую толпу рукой Я чувствую себя здесь жабой, которая попала к белкам.

Я попыталась возразить:

— О чем ты говоришь? Ты просто потрясно выглядишь! И если бы я не знала тебя, то подумала бы, что ты бизнес-леди на приеме.

Она покачала головой:

— Не в этом дело. И ты сама все понимаешь! Как бы я ни вырядилась, я буду не такой как они, — помолчав она добавила. — Теперь у тебя начнется другая жизнь, и скорее всего наши дороги разойдутся. Чаки не позволит тебе общаться с такими как я.

Говоря это она рассматривала носки своих практичных лаковых туфель на толстом каблуке:

— Теперь и ты станешь другой. Что было в прошлом, оно ведь быстро забудется. У тебя будет новая жизнь, новые друзья и интересы. Мне там просто нет места!

Я покачала головой:

— Твои слова очень жестоки! Я какой была, такой и останусь! И никто не сможет мне помешать общаться с теми, с кем я захочу!

Роза грустно усмехнулась и обняла меня:

— Прощай, Мария! Ты была прекрасной подругой! Но лучше растаться сейчас друзьями, чем копить обиды.

А затем она резко развернулась на своих квадратных каблуках и пошла прочь. Я стояла и смотрела ей вслед. Как же я любила ее! Видя как движется среди людей ее большая фигура, я вспоминала те годы, когда мы работали вместе и как мы были счастливы! Через какое-то время толпа ее поглотила, а я все стояла и смотрела, надеясь, что она передумает и скажет, что это была просто дурацкая шутка, но она не возвращалась. И тогда я поняла, что она ушла навсегда и ее в моей жизни уже не будет.

Вздыхнув я пошла к бару и начала пить. Чтобы не терять времени даром, я сразу начала с водки. Я лила ее в себя рюмку за рюмкой, но почему-то совсем не пьянела. На душе было очень скверно, а Чаки все не было. Я смотрела как вокруг меня ходят и разговаривают люди. Они меня как будто даже не замечали. Когда-то я смотрела фильм 'Призрак', как один мужчина умер, но его неуспокоившаяся душа осталась среди людей. Его никто не видел и не слышал, кроме одной чокнутой негритянки. И похоже, что моя чокнутая негритянка ушла, и теперь то уж меня точно никто не услышит. В какой-то момент меня посетила безумная мысль, а что если я выйду в середину лужайки и лягу. Заметит ли это хоть кто-нибудь, или люди и также будут ходить через меня и перешагивать.

Этому плану не суждено было сбыться, потому что появился Чаки. Он сначала не мог поверить, видя свою благоверную в совершенно нетрезвом состоянии, а затем резко дернув меня за руку поставил на ноги.

— Да, что ты тут такое делаешь? Ты пьяна как матрос!

Я стояла покачиваясь, разглядывая испачканный подол своего белого платья, почему-то думая, что это не к добру. Чаки мой понурый вид принял за раскаянье, поэтому смягчился:

— Ладно, пошли я отведу тебя в комнату! Держись за меня и постарайся не упасть перед гостями.

У меня почему-то болела голова, но болела не так как она болит от выпитого, а словно мне чего-то не хватало. 'Наверное, выпила мало!' — подумала я, стараясь идти в одну ногу с Чаки.

Он завел меня в комнату и сел на кровать:

— Ты хоть понимаешь, что подумают все эти люди?

Но я упорно молчала сев в кресло и сторбившись.

Чаки сел возле меня на колени и все распалялся:

— Я думал, что это будет наш самый лучший день. А теперь все подумают, что я тебя на себе чуть ли не насильно женил!

Я тихо подала голос:

— А тебе не все ли равно кто и что подумает? Половину из этих людей ты даже и не знаешь.

Чаки смотрел на меня так, как будто хотел убить:

— К своему положению я шел очень долго, и я не дам тебе разрушить то, что я строил годами.

Я чувствовала что нужно помолчать, но мой язык словножил отдельной жизнью:

— Тогда разведись со мной!

И в этот момент он дал мне такую пощечину, от которой у меня посыпались искры из глаз. Я потирала свою алевшую щеку, он резко развернувшись вышел из комнаты.

А потом я легла на кровать и долго лежала глядя в потолок и сквозь пьяный угар думая о своей жизни. Задавая вопросы, на которые у меня не было ответа. Например, 'Почему беспутная Оливия нашла себя отличного мужа?', 'Как мне жить дальше, а главное чем' и 'Что мне теперь делать?'. Не знаю сколько было времени когда я уснула, но на улице было уже совсем темно и со временем смолкли звуки музыки и смеха.

Чаки в ту ночь не пришел, поэтому я накрылась пледом и уснула, а точнее впала в состояние между сном и реальностью. Это было что-то похожее на то, как я лежала в больнице. Мне казалось, что я нахожусь среди серого мира и вокруг меня безмолвная пустота.

Когда я утром пила на террасе кофе, вышел Чаки. Он был свеж и бодр. Подойдя, он поцеловал меня в щечку как ни в чем не бывало:

— Доброе утро, дорогая! Сегодня отличный день!

Я сложила газету, которую читала:

— Интересно почему?

Чаки хитро улыбаясь проговорил жуя печенье:

— Сегодня мы поедем в свадебное путешествие!

Новость была неожиданная:

— А куда? — вытянула я шею.

— А куда бы тебе хотелось? — спросил он держа в ладонях мою руку.

Я сморщила нос:

— Ну не знаю, например во Францию.

Чаки улыбнулся:

— Ты почти угадала! Мы едем в Венецию!

Я уже готова была рассмеяться, но тут вспомнила вчерашнюю оплеуху. Хоть я сама и была виновата, тем не менее, он оказался неожиданным парнем.

— Превосходно! — выдавила я.

Чаки легко соскочил на ноги:

— Через три часа ты должна быть готова! Нас будет ждать самолет.

И что-то напевая вышел.

Я же сидела как каменная. Что-то в этом во всем было не правильно, но у меня совсем не было времени остановится и подумать, как-то отдышаться что ли. Не знаю почему, но я достала телефон и позвонила Штольцу.

Он взял трубку:

— Алло!

— Привет, это я, — я немного помолчала. — Я тут замуж вышла:

— Я слышал. Поздравляю! — у него был серьезный голос.

Мне хотелось еще что-нибудь сказать, но я не знала что:

— Мы сегодня уезжаем, когда приеду, я позвоню тебе, ладно?

На том конце провода было напряжение, но потом он сказал очень мягко:

— Звони в любое время Мария! Я буду очень рад услышать тебя. Сегодня моя секретарша открыла на твое имя счет. Его координаты я тебе сброшу, — в этот момент я услышала, что кто-то зашел в его кабинет. — Желаю хорошо повеселиться. Прости, мне нужно идти! Пока, Мария!

— Пока, — сказала я, но он уже повесил трубку.

Я поплелась собирать чемоданы.

Летели мы на небольшом самолете, который назывался 'Быстрый' и принадлежал Чаки. Несмотря на небольшие размеры, внутри он был просто шикарный. Панели были обшиты редкими породами деревьев напоминающая мозаику, на полу лежал толстый ковер с арабскими мотивами. 'Любим показуху!' — почему-то хмыкнула про себя я. Чаки оживленно болтал рассказывая про самолет, я же слушала его в вполуха. У меня в голове постоянно крутился дурацкий вопрос: 'Как я вляпалась во все это?'

Через некоторое время, Чаки ушел в кабину пилотов, я же яростно листала журнал, думая о своем. Внутри меня был диалог:

— Что со мной происходит?

— А что с тобой происходит?

— Я должна прыгать от радости — вышла замуж за любимого мужчину. Он красив, богат, знаменит. Но:

— Что но?

— Но я как-то странно себя чувствую: Как будто, я что-то делаю не так: А что?

— Может быть ты просто устала? Так сказать кризис среднего возраста.

Я пожала плечами:

— Наверное я просто дура набитая, которая сама не знает чего ей надо. Я так долго мечтала чуть о чем-то — о мужчине, или о богатстве, или о путешествиях. Но Бог посмеялся надо мной и дал мне все. А что делать с этим дальше я не знаю.

Взглянув в окно, я видала лишь только облака. Тут мне вспомнился момент из детства, когда отец катал меня на своих плечах и когда мы шли через толпу на улице, я сидела на его шее весело болтая ногами. И на его вопрос: 'Что там видно сверху?', весело смеясь отвечала: 'Облака! Всего лишь облака!'

Вот и сейчас я вижу только облака, но рядом со мной другой человек, который тоже любит меня и который хочет сделать меня счастливой. Решение было принято, отбросив журнал я встала и пошла в кабину пилотов. Летевший с нами Родриго поднял на меня свой бычий взгляд, но ничего не осмелился сказать. Проходя мимо него, я не удержалась и показала тому язык. Видя это, он так позеленел, что такому цвету позавидовал бы любой крокодил. Я же напевая открыла дверь пилотов и не смотря на протесты Чаки, практически выволокла того и потащила в комнату.

Чаки сначала непонимающе сопротивлялся, но когда до него дошло зачем мы туда направляемся, он начал мне помогать.

У меня это было впервые, заниматься любовью на высоте 20000 миль и судя по ощущениям, это будет не последний раз!

В Венеции мы жили простой и даже скромной жизнью. Чаки снял для нас большой дом на одной из маленьких улочек. Первое время, я не могла спать, слыша как за окном плещется вода, мне постоянно казалось, что нас скоро смоет, но потом привыкла и мне даже понравилось. Здесь не было так жарко как в Мехико, и влажность была очень большая к тому же воздух был пропитан солью.

Гуляя я любила фотографировать дома. Многие из них практически до половины были затянuty то ли зеленой плесенью, то ли водорослями. Катера были запрещены и все передвигались на лодках. Отсюда было ощущение какой-то неторопливости, как будто время

здесь текло очень медленно.

Днем Чаки с Родриго частенько куда-то пропадали. На мои вопросы, они кратко отвечали: 'По делам!'. Что за дела я не интересовалась. Первое время я немного обижалась, потому как свой медовый месяц представляла себе несколько иначе, но потом поняла, что тут есть свои преимущества и начала ими пользоваться.

Впервые вырвавшись куда-то из Мексики, я наслаждалась свободой, красотой города и новыми впечатлениями. Днем я любила сидеть на площади и кормить голубей. Их здесь было очень много. Видимо этому способствовали туристы типа меня, которые щедрой рукой кидали им крошки хлеба, отчего голуби стали толстыми и когда их что-то пугало, они тяжело поднимались вверх, лениво кружа, а затем снова садясь, когда опасность миновала.

Когда прошло десять дней с нашего приезда, я почувствовала себя так, словно жила здесь всегда. Мне нравился здешний неторопливый ход жизни. Вечерами на улицах зажигались огни и люди встречались, чтобы попить вино или потанцевать. Местных старожилов было видно сразу. Я запомнила группу пожилых мужчин, которые часто играли в домино. На них были соломенные шляпы с широкими полями. Они курили и неторопливо беседовали. Видя таких людей, чувствуешь себя иначе. Глядя как они неспеша пьют кофе или посмеиваются друг над другом, понимаешь, что это и есть настоящая жизнь. Поэтому я садилась на скамейку под деревом напротив и часто просто фотографировала тех, кто был в кафе. Мне нравилось, когда фотоаппарат ловил улыбки незнакомых мне людей. Не видя меня, они были очень естественными. Вечером я часто просматривала снятые за день фотографии и снова на меня сходило умиротворение.

В один из таких дней я уже вышла из дома чтобы погулять и пофотографировать, но потом спохватилась, что забыла деньги. Я поднялась на второй этаж в свою комнату, когда я вышла из комнаты, то услышала в прихожей голос Родриго:

— Звонил Клоп, он сегодня хочет встретиться. Я предложил прийти к нам, но он сказал, что пусть это будет нейтральная территория.

Тут из соседней комнаты вышел Чаки:

— Ты главное при нем не назови его Клопом, иначе он от злости загнетса.

Они засмеялись. Чаки продолжил:

— Клоп всегда был идиотом. У него просто фобия, что его рано или поздно укокошат. Со всеми партнерами он встречается в оживленных местах. Как будто там сложнее его убрать: Ладно, скажи ему, пусть выбирает место, вечером я с ним встречусь. Только пусть свою свиту уменьшит, иначе будем выделяться.

Родриго что-то буркнул и вышел из дома, Чаки ушел в комнату. Я стояла раздумывая идти или нет, и когда я уже решила спускаться, внезапно к лестнице подошел Чаки и увидел меня. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Он начал первый:

— Я думал, ты уже ушла.

— Ушла, но потом вспомнила что забыла деньги и вернулась.

Чаки молча смотрела на мое лицо ища подтверждения тому слышала я разговор или нет. Я ему улыбнулась самой наивной улыбкой, на которую только была способна, затем подошла и чмокнула его в щеку:

— Милый, я надеюсь этот вечер ты посветишь мне?

В это время моя рука гладила его грудь в полураспахнутой рубашке. Глаза Чаки блеснули:

— Даже и не сомневайся!

Я подмигнула ему и пошла к выходу, он на прощанье шлепнул меня по заднице. Я погрозила ему пальчиком и выскочила за дверь. Как только дверь за мной закрылась, я прислонилась спиной к ней и закрыла глаза. У меня в голове была каша. 'А как же наш медовый месяц? Что происходит?' — твердила я про себя. Мои чувства разбушевались. Что-то внутри меня знало ответ на этот вопрос, но я старалась запрятать его очень глубоко. Так глубоко, чтобы не думать и даже как будто не знать про это. Мне казалось, если я во всем окончательно разберусь, мой мозг не выдержит и взорвется. Я просто не хотела ничего знать, поэтому надвинула шляпу на голову и пошла гулять.

В этот день было особенно жарко. К тому же я накупила кучу подарков и теперь везде таскалась с огромным пакетом. Можно было бы занести его домой, но мне почему-то совсем не хотелось туда идти. Поэтому я купила мороженное и пошла к своему любимому месту возле фонтана.

Внезапно, в кафе напротив я заметила Чаки и Родриго. Они явно кого-то ждали. Я уже хотела помахать рукой, но потом передумала и решила их поснимать. Я один за другим делала снимки. На фото Чаки выходил просто потрясающе. Белоснежная рубашка оттеняла его кожу и слегка открывала грудь. 'Хорош!' — думала я, бесконечно щелкая затвором. Идиллистической картине мешал только Родриго. Он сидел рядом бесконечно ерзая на стуле и теребя полы своего пиджака.

Я уже собиралась подойти к ним, когда увидела, что к Чаки подошло несколько мужчин. Один из них был совсем уморительного вида и я сразу же поняла, что это Клоп с которым они собирались встречаться. Мужчина был очень маленького роста. Я сначала подумала, что это карлик, но потом пригляделась и поняла, что он просто невысокий. У него были прилизанные волосы, какого-то мышино-серого цвета. А на носу практически висели на честном слове очки круглой формы. Двое его спутников ничем примечательным не отличались. Пожав плечами я решала, что группа 'тоже живописная', поэтому еще немного снимала. На снимках лица у всех были очень напряжены. Клоп достал какую-то папку и передал ее Чаки, который долго ее листал, а потом передал Родриго. Я не слышала о чем они говорили, но по их лицам и действиям я поняла, что там чего-то не хватает. Папку взял один из мужчин и начал вытаскивать из нее бумаги. Я приблизилась фокус и начала снимать еще чаще. Там были какие-то фото и данные. Похоже было на чьи-то то ли досье, то ли личные карточки. На одном листе было фото какой-то странной установки. Все сидящие за столом что-то оживленно обсуждали. Мне очень хотелось еще поснимать, но вокруг меня внезапно разошлись практически все зеваки и меня стало заметно. Поэтому стараясь не привлекать внимания, я взяла пакет и тихо пошла в обратную сторону.

Вечером Чаки заявил мне, что завтра мы возвращаемся домой. И хоть домой мне не хотелось, тем не менее, я уже соскучилась по Корнелии и даже Оливии, поэтому собирала чемоданы что-то напевая.

Мексика встретила нас жарой и сильным ветром с пылью. В машине я попыталась пошутить типа 'Не повернуть ли нам обратно?', но Чаки думал о чем-то своем, поэтому мне ничего не оставалось как замолчать и тоже смотреть в окно.

В последнее время мысли Чаки постоянно были чем-то заняты и на меня он обращал внимания не больше чем на напольную вазу. Я же пыталась не попадаться лишней раз ему на глаза, чувствуя что нужно подождать.

В один день я позвонила Корнелии и сказала, что хочу встретиться. Она разговаривала

со мной очень сухо, в конце концов сказала, что сейчас занята и положила трубку. Похоже на свадьбе она не шутила. Нашей дружбе конец. В груди была ноющая боль, но плакать почему-то не хотелось. После больницы я вообще сильно изменилась, временами мне даже казаось, что я вообще перестала что либо чувствовать.

Чаки куда-то уехал, а я просто бродила по дому. Наконец, в окно я увидела Хасана. Он помогал отцу высаживать цветы. Переодевшись и нацепив широкополую соломенную шляпу, я пошла в сад. Мне пришлось долго упрашивать Шомера не выгонять меня и позволить помочь ему. Садовник ворчал что ему достанется, но я сказала, что иначе я сяду на грядку и не сойду с нее. Вздохнув, он согласился.

Садоводство оказалось нелегким делом, поэтому через какое-то время Шомер забыл что я жена хозяина и гонял меня в хвост и гриву. Ему не нравилось абсолютно все — как я держу цветок, как сажаю, как закапываю. Шомер возведя ладони кверху не переставал жаловаться Аллаху на 'тупую бабу посланную ему шайтаном'. Через некоторое время я уже хотела сдаться и капитулировать, но тут пришла звать на ужин Эльвира. Увидев меня всю в земле и рядом костерившего меня на чем свет стоит Шомера. Она всплеснула руками, подбежала ко мне вытирая мое чумазое лицо фартуком. При этом она что-то часто-часто говорила Шомера на неизвестном мне языке. Вся важность садовника слетела как шелуха. Он стоял опустив голову, временами робко пытаюсь вставить слово в свое оправдание. Мне даже стало его жалко и я заступилась, сказав Эльвире, что я тоже очень голодна и буду очень рада, если они меня пригласят на ужин. Она сначала замаялась, говоря что хозяин будет недоволен, но я пообещала что урегулирую этот вопрос.

Сидя за простым деревянным столом я вновь ощущала атмосферу семьи. Эльвира беззлобно переругивалась с Шомером, Хасан над ними посмеивался. И хоть я жутко устала, тем не менее, мне было хорошо.

Через некоторое время в дом зашел один из охранников и сказал, что хозяин вернулся домой и очень недоволен, что меня нет. Поблагодарив Эльвиру за ужин, я быстро вытерла руки и стремглав побежала к дому. Оказывается на улице было уже совсем темно. Сидя в компании этой чудесной семьи я совсем не заметила как пролетело время. Я бежала по дорожке, на ходу теряя шлепки и смеясь.

Когда я забежала в столовую, спиной ко мне стоял Чаки. Видимо он видел как я бегу по саду. Ко мне он не сразу повернулся, лишь тихо спросил:

— Где была?

Смеясь я стала рассказывать, что помогала сажать цветы Шомеру и как он меня ругал, но потом пришла Эльвира и тогда-то уж ему самому досталось. Говоря это я смеясь потрясла рукой. И только тут заметила, что Чаки совсем не смешно. Он смотрел на меня очень злым и недовольным взглядом. Я даже осеклась и почувствовала себя кругом виноватой. Чаки сложив на руки груди начал меня отчитывать:

— Ты хоть видела себя в зеркало на кого ты похожа? Нет?

Он подошел ко мне и больно схватив меня за руку практически подтащил к зеркалу. В отражении на меня смотрела испуганная девушка с растрепанными волосами.

— Ты похожа на пацана, который чистит у прохожих ботинки за пару монет.

Чаки отпустил меня и резко отошел с таким видом, как будто прикоснувшись ко мне он испачкался:

— Став моей женой, ты стала частью меня. Если позоришься ты, теряю лицо я. Это

ясно?

Я молча кивнула и спрятала за спину свои руки с грязными ногтями. Он продолжал:

— С этого дня, ты станешь образцовой женой. Ты будешь всегда красива, весела и так далее. Работать ты не будешь, так что для этого времени будет предостаточно.

— А чем же я буду заниматься? — неудержалась я.

— Чем занимаются остальные жены богатых людей. Ходи в салон, делай покупки и так далее.

Не смотря на то, что он был не в самом своем лучшем расположении духа, я решила не молчать:

— Но я же не могу целыми днями завивать волосы и делать покупки!?

— Почему? — он неторопливо закурил. — Денег у меня столько, что можно скупить хоть все шмотки. В чем твоя проблема?

— Моя проблема в том, что я человек. И я хочу расти и развиваться.

Чаки закинув голову громко рассмеялся выпуская вверх облако дыма:

— О чем ты, милая! Развивайся внутри этого дома, — он развел руками. — Места здесь для твоего поля деятельности девать некуда. Для этого совсем не нужно сажать цветы самой. Для этого есть люди, которым за это платят. А ты им не ровня, поэтому не нужно дружить с ними. Дружи с такими же богатыми как ты сама. Я познакомлю тебя с женами своих партнеров, они милы и часто собираются попить мартини и поиграть карты. Тебе понравится.

Я не могла поверить своим ушам:

— Чаки, что с тобой? Ты же не такой каким мне сейчас хочешь казаться? Ты же понимаешь, что просто сидеть дома — это не мое. И полюбил ты меня не за то, что у меня что я могу быть 'образцовой женой'? — я почувствовала как по моим щекам текут слезы. — Я не глупая кукла! Я живой человек!

Он смотрел на меня и в его глазах я видела то, чего совсем не замечала раньше. Это были холодные глаза чужого мне человека. Понимание этого потрясло меня до глубины души. Я с удивлением осмотрелась вокруг как бы не понимая кто я и что здесь делаю.

— Закончила? А теперь слушай, что я тебе скажу. С завтрашнего дня, ты начнешь жить новой жизнью. Ты будешь хорошей женой, которая всю себя и все свою кипучую энергию направляет на то, чтобы муж был счастлив. Я — это центр твоей вселенной! И все что будет происходить, будет происходить возле меня и вокруг меня. Ты поняла?

Я смотрела ему в глаза:

— Чаки, скажи правду, зачем ты на мне женился? Ты же видел, что я не из тех, кто живет только тряпками и сплетнями. Ты мог бы взять себе в жены любую, причем из более богатой семьи и она была бы счастлива жить такой жизнью, которую ты описываешь. Она бы мыла бы тебе ноги и пила бы воду:

Он прервал меня:

— Мария, я влюбился в тебя с первого взгляда. Я пытался бороться с собой, но события развернулись так, что ты сама согласилась стать моей. И теперь я решил свою проблему и теперь тебе придется бороться с собой, чтобы угодить мне, а также не разочаровать.

Чаки подошел ко мне и взял мои руки в свои:

— Родная, мне совсем не хочется ругаться с тобой или отчитывать тебя. Я просто хочу, чтобы у нас была нормальная семья и чтобы я мог тобой гордиться.

В моей бедной голове царил сумбур. Я чувствовала, что ситуация не правильная, но в

тоже время, он был очень убедителен. И мне хотелось тепла, я хотела быть 'хорошей' и чтобы меня любили, и чтобы гордились. Поэтому я пообещала Чаки, сделать все от меня зависящее, чтобы не опозорить его славное имя.

На следующий день, Чаки сделал мне сюрприз. Он привел меня в одну из комнат. Она была заставлена холстами. На полках лежали тюбики с красками и множество кистей. Я вскрикнув от радости побежала 'обживать новое пространство'. В школе я хорошо рисовала и даже ходила в кружок, но потом у родителей стало не хватать денег на оплату, к тому же нужно было маме по дому помогать и я рисование забросила. Хотя иногда ночами мне снилось как я рисую. Как тяжелая кисть пахнувшая краской как бы сама водит мою руку по холсту. И холст радостно принимает краску. Как будто, она всегда была на нем.

Это занятие меня очень увлекло. Я даже облюбовала себе место в саду и рисовала картину как Шомер сажает цветы. Тут надо сказать правду, холстов я перепортила великое множество. Мне постоянно не нравилось то, что у меня получалась. То фигура садовника получалась не очень выразительной, то свет падал не правильно и так далее. Чаки мои потуги поощрял как мог. Он даже одну картину с изображенными на ней розами повесил в столовую. Но видя свою мазню у меня пропадал аппетит, в итоге он смиловался и перенес картину в свою комнату.

Временами, видя как Чаки бросает взгляды на мои неухоженные ногти я спохватывалась и на следующей день бежала к маникюрше, педикюрше и так далее. Уставшая, но с чувством выполненного долга я буквально приползала домой нагруженная новыми нарядами. А затем также пропадала в саду, рисуя то лошадей, то деревья. Чаки не один раз просил написать его портрет, но я постоянно уклонялась выдумывая себе отговорки. Не могла же я ему признаться, что в последнее время со мной что-то произошло. И хоть я очень старалась любить его, я больше так не могла. Когда мы были вместе, я упорно делала вид что все хорошо и что я счастлива и очень люблю его. Но чем дальше я притворялась, тем все сложнее становилась. Я уже не находила его таким красивым и обаятельным. С каких-то пор, меня стало в нем раздражать абсолютно все — как он держал вилку, ковыряя в тарелке как будто надеялся найти там ископаемые, как сидел откинувшись назад. Наверное в такие моменты он думал что выглядит очень многозначительно и благородно. Мне же он казался раздутым индюком. Когда мы занимались сексом, я просто сходила с ума, когда его кожа касалась моей. И почему раньше она казалась мне красивой и гладкой? Теперь я находила, что она похожа на кожу змеи — такая же горячая и сухая. Мне были противны его поцелуи. Когда он целовал меня, я боролась с тошнотой. Его острый язык хозяйски обыскивал мой рот. Мне казалось, что он делает это специально, чтобы я задохнулась. И так далее. Днем он куда-то постоянно уезжал и я была предоставлена самой себе, поэтому эти часы были для меня самыми лучшими. Я гуляла, рисовала, купалась, а также чувствовала собственное одиночество. Со временем я его даже полюбила и начала находить что это не так уж и плохо. И все могло бы тянуться еще довольно долго: я и он делали бы вид что ничего не происходит и у нас все хорошо, если бы ни один день.

В тот день я рисовала сад, а потом увидела как к своему дому идет Эльвира. У нее в фартуке лежали большие спелые яблоки и мне очень захотелось ее нарисовать. Посмотрев вокруг я пришла к выводу, что меня никто не видит и пошла в дом садовника.

Упрашивала я ее довольно долго. Наконец она согласилась. Я взяла тяжелый деревянный стул и посадила ее возле камина. Она смотрелась очень живописно. На ее

простом широкоскулом лице играл румянец. Большие мозолистые руки чуть придерживали фартук полный ярких спелых яблок. Когда я начала только рисовать, то с удивлением обнаружила в себе задатки хорошего художника. Картина получалась как живая — ни одного лишнего мазка, гармония цвета. Похоже что я очень увлеклась, так как через какое-то время прибежал Хасан и сказал что хозяин меня ищет и что он в ярости. Я чмокнула Эльвиру в щечку, пообещав что приду завтра, схватила под мышку холст и припустила так быстро, как только смогла.

Залетев в свою комнату я быстро скинула одежду, которая вся была в краске и накинула халат. Холст я не успела занести в мастерскую и теперь поставила его в угол лицом к стене. Только я проделала эти манипуляции, дверь в мою комнату резко открылась и на пороге застыл Чаки. Я позевывая села за столик и стала расчесывать волосы:

— Привет, — сказала я.

Он вошел в комнату и застыл сзади меня. В зеркале я поймала его взгляд. Глаза были почти стеклянные и я поняла, что он под кайфом. Поэтому сделала вид, что очень ему рада:

— Милый, как дела?

Чаки распрямылся и все также молча начал ходить по комнате. Его молчание меня немного пугало, но я старалась не подавать виду.

В какой-то момент он проходил возле холста и я молила Бога, чтобы он его не заметил. Но в том день видимо Бог был не на моей стороне. Чаки нагнулся и поднял холст. Затем он поднес его к свету и долго смотрел на картину. По его лицу было сложно понять о чем он думает. Но я чувствовала, что картина как-то на него подействовала:

— Значит меня ты рисовать не хочешь? — он швырнул картину в угол. — А ты ведь совсем не та, которой хотела казаться в начале.

Мне хотелось ему возразить, но вспомнив его остановившийся взгляд я промолчала, дрожащей рукой расчесывая волосы. Он продолжал ходить, при этом рукой сметая все вещи со столов:

— Я думал, что ты особенная, но ты меня хитро обманула. Ты лживая тварь, которая думает только о себе. Я исполнил все твои желания: дал денег на лечение родителей, свозил тебя в Венецию, дал тебе столько нарядов, что любая сошла бы с ума. Но только не ты! Тебе всего мало!

Тут я уже не смолчала:

— Господи, да что особенного я у тебя просила! Да, ты мне дал денег на лечение родителей и за это я буду тебе благодарна по гроб жизни, но все остальное было нужно тебе, а не мне. Ты хотел чтобы я стала тем, кем не являюсь. Эдакой идеальной куклой Барби, которую днем показывают гостям, а на ночь убирают в коробку.

Он сидел на моей кровати. Я подошла и села на колени перед ним:

— Чаки, давай начнем все сначала. Мы где-то ошиблись и все пошло не так! Я живой человек и у меня тоже есть свои желания:

В этот момент я получила внезапно пощечину. Сначала я даже не поняла в чем дело, только схватилась за щеку и сидела потрясенно глядя на него. Он оттолкнув меня встал и начал ходить по комнате:

— Я же тебя предупреждал, чтобы ты не лезла к этим людям. Они прислуга, обслуживающий персонал. У меня вообще такое чувство, что ты предпочитаешь их мне. Ты сидишь в их доме, ешь их еду, — он немного помолчал, — рисуешь их. А что же получаю я? Да ничего. Думаешь я не вижу, что тебе секс со мной перестал быть интересен. Лежишь

почти как бревно и даже когда я трахаю тебя, — он схватил меня за волосы и впился взглядом в мои глаза, — ты думаешь о чем-то о своем. А может быть ты представляешь себе кого-то другого?

Мне было так страшно, что хватило сил только отрицательно покачать головой. Он продолжил:

— Ты позоришь меня перед охранниками, таскаясь в дом садовника. На банкетах ты зеваешь и когда тебя что-либо спрашивают, то отвечаешь невпопад. Кто тебя не знает, со стороны может подумать что ты страдаешь, но это не так. Ты живешь в моем доме, жрешь мою еду и не хочешь меня!

Последнее предложение он заорал мне в лицо. Не знаю почему, но внезапно на меня напало какое-то равнодушие. Мое сознание как бы отключилось и включилось мое внутреннее я. Свой голос я слышала как-будто из далеко:

— Ты чертов сукин сын! Ты дал мне денег, когда я была в отчаянье и думал что купил меня. Я тебе жена, но я не твоя собственность и завтра же я соберу вещи и уйду. Больше ты обо мне не услышишь!

Чаки повернулся как-будто хотел уходишь, но потом схватил большую двухлитровую пластиковую бутылку у меня с тумбочки и начал ею меня бить. Я свернулась на ковре калачиком закрывая живот ногами, а голову руками. Он бил больно и методично. Краем глаза я видела как поднимается и опускается его натренированное тело. В этот момент Чаки напоминал мне хорошо смазанный механизм, который, мать его, работал без сбоев.

И хоть тело у меня болело, я решила не издавать не звука. Его это ужасно бесило и он бил все сильнее, я продолжала молчать. Потом он начал пинать меня. Такой боли я еще никогда не испытывала. У меня болела каждая клеточка, но мой организм включился в защитный режим и мне казалось, что это происходит как во сне. Что это не я молча катаюсь по полу, когда мой бывший любимый со злым побелевшим лицом бьет меня по спине и голове.

Наконец он устал и выдохся. Чаки встал и тяжело качаясь пошел к двери. Уже почти на выходе он крикнул мне:

— Теперь ты моя собственность, а со своей собственностью я не расстаюсь даже тогда когда она мне не нужна! — и вышел хлопнув дверью.

Я лежала на полу не в силах встать. Мои ноги меня не слушались, а зубы выдавали такую чечетку, что я боялась, что они сломаются. Я подтянула себя руками и заползла под кровать. Там я затихла слушая собственной дыхание. В голове пульсировала ноющая боль и мне почему-то было ужасно холодно. Может быть поэтому мои зубы так стучали?

Когда я начала немного успокаиваться и немного расслабилась, у меня началась истерика. Я плакала и не могла остановиться. Чтобы меня никто не слышал, я закусила кулак и скулила как собака.

Не знаю сколько я так лежала, только на улице стало уже темно и было слышно, что к дому подъехала машина. Я вылезла из-под кровати и подошла к окну. Было видно, как Чаки в вечернем фраке сбежал по лестнице и сел в машину. Сзади в джип сели охранники и они куда-то уехали.

Немного размяв руки и ноги, которые затекли я пошла в столовую. Там никого не было. Достав бутылку джина я села в кресло и начала пить. Через какое-то время, в столовую зашел Денни. Он совершенно не ждал кого либо там увидеть, тем более меня. Поэтому замер на входе и вначале не находил слов. Я подняла бокал:

— За тебя, Денни! Пусть твоя жизнь будет более содержательной чем моя!

Он подошел ко мне и забрал бутылку:

— Мария, не пей! Ни к чему хорошему, тебя это не приведет! Это не выход!

Я засмеялась:

— А что выход? Вниз головой с крыши, это выход? Ты хоть понимаешь, что у меня за жизнь? Такой жизни я врагу не пожелаю. Вот какая офигенная у меня жизнь!

Он тихо сел напротив:

— Не всегда будет так плохо, поверь мне. Все измениться к лучшему.

— Когда, мать твою, измениться? — я задрала полу халата показывая синяки на бедрах и ногах. — И что может быть лучше этого?

Потом я взяла бутылку и налила себе еще:

— Денни, беги из этого дома пока можешь. Он дьявол! К сожалению, я поняла это слишком поздно. Нужно было слушаться отца.

Потом я встала и качаясь пошла к себе. Он остался сидеть в кресле. Спиной я почувствовала его жалеющий взгляд. От этого мне становилось только хуже.

Как-то ночью я сидела в кресле и молча пила виски глядя в окно. На улице было очень тихо и лишь большой диск луны освещал лужайку перед домом. 'Странно, почему нет света?' — подумала я. Обычно ночью возле дома всегда горели фонари, от их яркого света первое время я даже не могла уснуть, но потом привыкла.

И тут я увидела большой черный фургон, который подъехал к дому. Не знаю, что я ждала там увидеть, но как странник пустыни вглядывается в далекие очертания города, боясь что он окажется очередным миражом, так и я вглядывалась в окно, надеясь, что это кто-то приехал за мной, однако в глубине души я знала, что это не так. В доме было тихо и машина выглядела уж очень странно.

Из машины вышли двое охранников Чаки, открыв заднюю дверцу они достали какого-то связанного человека. Лицо его было сложно разглядеть, так как оно представляло собой один большой синяк. Из дома вышел Чаки и широко расставив ноги встал напротив пленника. Один из охранников поднял за волосы голову несчастного и внезапно в нем я узнала Зариб Залана — актера, который брал у Чаки денег в долг. Похоже бедолага так и не рассчитался.

Чаки что-то кричал ему прямо в лицо. Зариб плакал и о чем-то умолял, поднимая в просительном жесте свои связанные руки. Чаки вытащил пистолет и поставил его прямо ко лбу актера. Как раздался выстрел слышно не было, но через мгновение, тело Зариба тяжело сползло на траву. Я стояла возле окна боясь от страха пошевелиться. Хмель как рукой сняло. Родриго вытащил черный пакет и начал заворачивать в него тело.

Справившись с ужасом, я быстро вышла из своей комнаты и пошла в комнату Чаки. То что я хотела сделать, нужно было делать очень и очень быстро.

Открыв дверь я заметила на тумбочке возле кровати телефон. Схватив трубку я набрала номер полицейского участка. Продиктовав адрес, я сказала что в доме произошло убийство и быстро повесив трубку ушла в свою комнату.

Выглянув в окно, я посмотрела как за домом роют яму для лежащего неподалеку тела бывшего актера, который при жизни играл полицейского, который борется с преступностью. Актером он был хорошим, но он оказался слабым человеком, который связался не с теми людьми и эта связь его погубила.

Полиции не было около десяти минут, но мне казалось, что прошла вечность. Я почти начала дремать. Затем я услышала, как к дому едет полицейская машина. Не выдержав, я выбежала на улицу. Возле бассейна я увидела Чаки с бледным лицом и охранников.

— Это они сделали это, — закричала я, тыча в них пальцем. — Они убили того человека. Он актер Зариб Залан.

Двое полицейских неспеша вышли из машины и показали свои значки:

— Не беспокойтесь, мы во всем разберемся. Итак, расскажите мне что тут происходит?

Чаки вышел вперед и закурил:

— Извините, моя жена слишком много выпила и теперь:

— Не ври! Я все видела! Ты грязный убийца! — кричала я. От волнения меня колотила нервная дрожь. — Я сейчас все расскажу. К дому подъехал фургон, в котором привезли связанного Зариба Залана. Его поставили перед Чаки на колени. Они о чем-то говорили, а потом Чаки застрелил его.

Полицейский попросил всех предъявить документы. Одного охранника отправили за документами.

Пока один из полицейских смотрел наши документы, другой продолжил допрос:

— О чем они говорили? — спросил толстый полицейский.

— Я не слышала, — сказала я. — В тот момент я находилась в своей комнате.

— А где находится ваша комната? — спросил он.

— На четвертом этаже, ближе в левому углу здания, — я показала рукой.

Полицейские задрали головы:

— И как же вы оттуда все увидели, если на улице темно? — спросил толстый.

Я пожала плечами.

— Они стояли прямо перед домом, к тому же луна яркая. Я видела каждую деталь!

Полицейский посветив фонариком обошел место, которое я указала:

— И где же труп?

С готовностью, я подвела полицейских к яме, которую недавно рыли для тела:

— Вот здесь они его закопали!

В этот момент ко мне подошел Чаки и заботливо обнял за плечи:

— Милая, ты кажется не в себе. Ты такие ужасные вещи говоришь. Давай я уложу тебя спать и мы не будем задерживать по пустякам полицейских.

Скинув его руки я сказала:

— Если для тебя смерть человека пустяк, то для меня нет. И для других нормальных людей это тоже так!

Полицейский попросил принести лопату и они начали копать яму. Очень быстро лопата стукнулась об что-то мягкое.

— Похоже у нас что-то есть! — крикнул высокий полицейский.

Они нагнулись и вдвоем тяжело вытащили черный мешок. Пока один светил фонариком, другой перочинным ножом вскрыл мешок. Я на минуту зажмурилась.

— Что за хрень? — крикнул толстый полицейский. — Вы надо мной издеваетесь что ли???

Я посмотрела на мешок. Внутри лежала мертвая собака. Одна из тех, что охраняют дом. Не веря в происходящее я даже несколько раз потерла глаза. Так и есть собака.

Высокий полицейский вплотную подошел ко мне:

— Вы хоть знаете что вам может грозить за хулиганство и за то, что вы отрываете

полицию от дел?

— Но я же все видела... — шептала я.

Он принялся ко мне:

— Так вы же пьяная!?

Чаки подошел к полицейскому и отвел его в сторону, но все равно было все очень хорошо слышно:

— Простите мою жену, она не в себе. У нее недавно умерли родители, от горя, она даже сама попала в больницу. Сейчас она выпивает, но я надеюсь на то, что она все забудет и станет прежней. Собака долго болела и я решил застрелить ее чтобы она не мучалась. Мне не хотелось, чтобы жена это видела. Поэтому я решил сделать это ночью. А тут она увидела и напридумала не знай чего.

Это была лучшая актерская игра, которую я когда либо видела. Чаки был прямо заботливый муж, который печется об здоровье жены, в то время как та беспобудно пьет.

Полицейский еще что-то ворчал, но я видела, как Чаки достал несколько купюр и сунул тому в нагрудный карман. Полицейский сказал:

— Что же, бывает! Напишем, что ложный вызов, — и крикнул напарнику. — Здесь все, поехали.

Чаки подошел меня и приобнял. Я дрожала то ли от страха, то ли от растерянности. Когда полицейский отошли достаточно далеко, он наклонившись к самому уху сказал:

— Запомни раз и на всегда. Это был в первый и последний раз когда я тебя простил. Не успела ты повесить трубку, как мой человек в полиции сообщил мне, что сюда едет полицейская машина. Мои люди есть везде и что бы ты не делала, я узнаю об этом сразу. Так что лучше не пытайся!

Он говорил мне все это шепотом в ухо, а потом засунул туда свой язык провел им по внутренней стороне. Ничего противнее со мной, наверное еще не случалось. В этот момент я согнулась пополам и меня вырвало. Краем глаза, я заметила ботинок недалеко в плотных кустах и черный мешок. Я поняла, что мы стояли всего лишь в несколько метров от тела, которое они попросту не успели спрятать подальше.

Выпрямившись, я побежала в сторону полицейских, но их машина уже поехала. Я долго бежала и что-то кричала им вслед, но машина все удалялась и удалялась. А потом в моей голове что-то хлопнуло и все стало черным.

К сожалению, это был всего лишь обморок. Почему к сожалению? А потому что, дальше вся моя жизнь походила на пьяный сон. Я пила столько, что ни один бы забулдыга не осилил. Если раньше вся выпивка мне казалась противной гадостью одинаково ужасной на вид, то теперь я научилась различать вкус алкоголя и у меня даже появились свои предпочтения. Чаще всего в моем бокале плескался 'Джек Денниэлз', хотя иногда я была не против и водки.

Только так я могла забыться и мне не было страшно и больно. К тому же, я не хотела, чтобы Чаки меня касался. Поэтому я напивалась в стельку и нечесаная валялась на кровати в мятом нестиранном халате и не свежей сорочке. Временами я выходила к бассейну и пила лежа на шезлонге, глядя на проплывающие облака. Тогда мне казалось, что я трава, которая колышется под вечным небом.

Про то что случилось, мы с Чаки не разговаривали, ибо ничего уже было не изменить. Первое время он как будто сожалел о том что произошло и даже пытался меня как-то

отвлечь, но меня ничего не интересовало. Я сидела в кресле со стаканом в руках и глядела в одну точку. Со временем ему все это надоело. Чаки был не из тех людей, которые долго мучаются от укоров совести и бесконечно посыпают голову пеплом. Такие как он все отметают и с чистой от тяжелых мыслей головой идут по трупам дальше. Я и была очередным трупом, который он переступил.

На одном из приемов, куда Чаки потащил меня, не смотря на то, что за мной следили охранники, я все же умудрилась стащить у бармена бутылку водки и выпила ее почти полностью в туалете. Когда за мной в туалет пришел Чаки, я почти не держалась на ногах. Он вывел меня из дома через черный вход. А дома опять методично избил и отобрал мобильный телефон. Но мне было глубоко плевать. Я была пьяна — а это главное. Даже его удары были не такие тяжелые. По опыту я знала, что завтра все тело будет болеть, а сегодня мне было все равно.

Через какое-то время ко мне приехала Оливия. Чаки не оставил нас вдвоем, поэтому сказать ничего путного я ей не могла. А даже если бы я сказала, чтобы она сделала. По ее глазам я поняла, что она в шоке. Но мне было все равно, в моем пустом желудке плескался джин, согревая и давая ощущения покоя.

Оливия пробыла не долго, а когда она уехала, Чаки орал на меня так, словно хотел взорвать мои барабанные перепонки. Я лишь молча качала головой. Откуда ему было знать, что мое сознание сейчас находилось очень далеко. Так далеко как это только было возможно. Я была в детстве. Там где деревья высокие, а вся жизнь наполнена радостью от того, что нас ждет впереди.

Я даже не сразу поняла, что он задрал мое платье и его член входит в меня. Мне было все равно. Я лежала на диване раздвинув ноги и безучастно смотря в окно. Чаки какое-то время пытался как либо меня разогреть, но потом застегнул штаны и со словами:

— Последняя шлюха лучше чем ты! — ушел

Что же, это была правда. Я понимала, что стала каким-то бесполом существом, но это состояние почему-то радовало меня. Мне так было спокойнее. Все казалось простым и очевидным. И в то же время не нужно было ни о чем думать. Я сознательно убивала себя, надеясь, что это произойдет быстро. И чем меньше у Чаки оставалось ко мне сексуальных позывов, тем лучше.

В один вечер я проснулась уже совсем поздно и на улице была глубокая ночь. Я все еще была сильно пьяная, но знаю что чтобы уснуть мне нужна еще бутылка, пришлось идти в столовую. В одной из комнат были слышны женские голоса и смех. Музыка орала на полную громкость.

Взяв бутылку водки, я вышла на улицу и села в шезлонг рядом с бассейном. Налив себе почти полный стакан, я начала его медленно пить, глядя на балкон, где горел свет и было очень шумно. Внезапно на балкон смеясь выбежала обнаженная женщина с длинными обесцвеченными волосами. За ней вышел Чаки. Он наклонил ее на перила. Я видала, как закрыв глаза он трахает ее, сжимая грудь. За их спиной из дверей доносился еще мужской смех и женское повизгивание. Похоже, что вечеринка была в разгаре.

'Это только начало!' — подумала я выпивая очередной бокал. Допив его, я выкинула пустой бокал и вошла в бассейн. Вода была слегка прохладной, но я этого не чувствовала.

Я заходила все дальше и дальше, пока ноги не скользнули и мое тело не пошло ко дну. Посмотрев наверх, я видала над собой толщу воды, сквозь которую просачивался свет. Мои

волосы словно водоросли тянулись к свету. Мне было хорошо. Рано или поздно воздух закончится и вместе с воздухом из меня выйдет моя глупая пустая жизнь, которую я сама загубила. Боль закончится, не нужно будет страдать и делать бессмысленные попытки что либо наладить. А главное от этого многим будет легче!

И в момент, когда я уже собиралась открыть рот, чтобы поскорее со всем закончить, кто-то схватил меня за волосы и вытащил на поверхность. Слепнув от воды я отбивалась как могла, но сильные руки вытащили меня на поверхность и положили на шезлонг. Это был Денни. Он стоял рядом со мной и с него текла вода:

— Боже, ты спятила! Ты же чуть не утонула! — он тяжело дышал. — А что если бы я не успел?!

Я пожала плечами:

— Кошмар бы закончился и я уснула бы сном, который принес долгожданный покой. И мне не было бы больно.

Он схватил меня за плечи:

— Мария, сейчас тебе кажется, что ты в тупике. Но, поверь мне, из любого тупика есть выход, и у тебя получится его найти! Ты сильная и сможешь!

Я качала головой:

— Нет, Денни! Я как ненужный механизм, который болтается где-то сбоку мешая работать системе. Все что я могла сделать, уже сделано. У меня ничего нет, и у меня никого нет. Если я умру, это даже никто не заметит. Я маленькая мошка, которое бьется в стекло которое ей не одолеть.

Он вытер воду у меня с лица:

— Ты сильная девочка и ты сможешь! Покончить с собой, это удел слабаков, но ты не такая! Расправь плечи и иди вперед! Рано или поздно ты найдешь себя и у тебя все получится.

Я хотела сказать: 'Звучит как проповедь', но не успела. Мы услышала шаги. Это шел один из охранников. Денни незаметно шагнул в тень и скрылся. Охранник не ожидал меня увидеть, поэтому замер глядя как я в мокром халате лежу ночью на шезлонге:

—: Что вы здесь делаете? — у него отвисла челюсть.

Я провела рукой по влажным волосам, вытирая воду:

— Не видишь, решила освежиться!

После этого я встала и пошла к себе в комнату.

И хоть то, что мне говорил Денни было сладкой сказочкой, которую работники социальной помощи рассказывают самоубийцам, тем не менее, что-то из того что он сказал на меня подействовало. Я собрала в комнате все бутылки и выкинула их в окно, при этом чуть не убив проходившего снизу охранника. Еще я приняла горячий душ и легла спать. 'Завтра, — думала я, — у меня начнется новая жизнь'.

Но когда наступило завтра, пришло и жуткое желание что-нибудь выпить, хоть чуть-чуть, хоть маленький глоточек, в последний раз. Мне казалось что мне холодно и у меня все болит, и только джин может меня хоть как то согреть, а также снять боль, отчаянье и страх. Я обрыла все свои шкафы, проклиная себя за то, что вчера поддавшись порыву все выкинула. И когда я металась по комнате ища бутылку, мой взгляд поймал в зеркале отражение, которое потрясло меня до глубины души. На меня смотрела уставшая как будто пожилая женщина с опущенными почти бесцветными губами и клоком спутанных волос. От ужаса увиденного у меня заболел живот. Мне было страшно и невозможно поверить, что это я. По

лицу текли слезы, делая его еще более безобразным и жалким. 'Как так получилось?' — твердила я полусшепотом. И не могла найти ответ. 'Родители бы меня не узнали' — мелькнула мысль. Именно от нее, мне стало ужасно стыдно и плохо. Они старались и растили меня, отказывая себе во всем, чтобы я стала человеком и они могли бы мною гордиться. А вместо этого я спиваюсь и мне уже стыдно за себя. Взгляд наткнулся на висящий на шее небольшой крестик, который в последнюю встречу мне подарила Корнелия. Невольно я подняла руку и потрогала этот маленький символ чужой любви, которая встретила двух незнакомых мужчину и женщину, и внезапно из простых людей, превратила их в героев, которые способны на необыкновенные поступки. Поступки, о которых они раньше не догадывались. И если бы кто-то со стороны сказал им, что они будут обманывать правительство в борьбе за свою любовь, они наверное бы просто посмеялись.

Именно тот момент стал переломным и я решила изменить себя и во что бы мне это не встало, изменить свою жизнь. А также вернуть себе свободу. И я стала строить план, который был трудный, практически невозможный, но он давал мне надежду снова стать человеком и начать уважать себя.

От алкоголизма излечиться оказалось не так уж и просто, ведь я полгода беспробудно пила. Но желание победить оказалось настолько сильным, что с этим недугом я справилась. С Чаки мы почти не виделись. Днем его не было, а вечерами он устраивал кутеж с женщинами и выпивкой. Меня это устраивало, так как мне нужно было время, чтобы подготовиться к побегу.

Для начала я начала бегать с утра, хотя не делала этого со школы. Первый день я думала, что умру. Каждая клеточка моего тела сопротивлялась утренним нагрузкам. Организм отравленный алкоголем совершенно не хотел переходить на новый уровень жизни. Меня так и тянуло лечь на шезлонг и взять в руки бокал с крепкой янтарной жидкостью, но я не сдавалась. И постепенно это занятие мне очень понравилось. Так понравилось, что я даже увеличила время бега. Теперь каждый день я бегала около часа.

Чаки делал вид, что совсем ничем не интересуется и утратил ко мне всяческий интерес, тем не менее, когда я попросила Денни отвезти меня в город, он мне отказал, сказав что шеф дал указ — покидать территорию мне запрещено, до особых указаний. От злости я готова была выть.

Тогда я поняла, что самой совершить задуманное у меня не получится, мне нужны были люди, которые мне помогут. Проанализировав тех, кто был рядом, я пришла к выводу, что это Денни. Но все оказалось просто только на словах. На деле же, когда я сказала ему, что мне от него требуется, он изогнув дугой бровь, наотрез отказался, со словами: 'И на кого как ты думаешь, они подумают?'. Вопрос был интересный и я пошла его обдумывать.

'Итак, — думала я, — что мы имеем: в город меня не пускают, помочь мне никто не может. Видимо, придется крутиться самой'. И в этот момент я увидела Хасана, который на велосипеде выехал за ворота виллы. Причем стоявший на страже охранник даже не посмотрел в его стороны. В тот момент я испытала чувство, которое посетило Ньютона после того, как на него шлепнулось спелое яблоко. Если бы я могла петь, мою арию услышали бы у другом конце Мехико. Теперь, я точно знала как я могу выйти и что мне нужно было делать. В свою комнату я шла напевая песню тореадора.

В одну ночь, когда Чаки с охранниками напивались в гостинной, я переодевшись в

костюм для пробежек осторожно вышла из дома. За то время, которое готовился мой побег, я успела сделать много полезного, например, я подружилась с собаками. Каждый день я таскала им стейки, благо мяса с кладовой было хоть отбавляй. После моих стараний собаки заметно потолстели и стали ленивыми. Один раз я даже видела, как Чаки распинал охранников, что собаки стали похожи на 'старых свиней'. Охранники чесали головы и клялись, что итак снизили норму еды почти в два раза.

Поэтому когда я вышла из дома, собаки лишь лениво смотрели на меня, так как за час до этого я им скормила чуть ли не целую баранью ногу.

Зная где находятся видео камеры, я обходила эти места и вообще старалась держаться в тени. Поэтому к дому садовника, я прошла никем не замеченная и с бешено бьющемся сердцем постучала в окно кухни на первом этаже. Увидев меня готовившая Эльвира всплеснула руками. Пару минут она не хотела открывать окно, но я делала отчаянные махи и вздохнув она открыла:

— Боже, Мария! Хозяин нас убьет! Ты просто не представляешь, как нам влетело в последний раз. Он запретил нам даже смотреть в твою сторону.

Я влезла в окно и тихонько закрыла ставни:

— Знаю! Я не за что бы не решилась нарушить ваш покой, но мне отчаянно нужна ваша помощь!

В этот момент со словами: 'Кто там, Эльвира?', в комнату вошел Шомер и увидев меня замер возле двери:

— Мария? Вы только не подумайте чего, — сказал он терзая в руках свою кепку, — но хозяин строго настрого запретил разговаривать с вами. Поэтому вам лучше уйти:

Мы стояли молча, они прятали от меня взгляды. Поняв, что мой последний шанс буквально улетучивается, я практически взмолилась:

— Мне очень нужна ваша помощь и я отсюда не уйду, пока вы не скажете, что поможете мне. Вы же видите, что со мной происходит, — я почти кричала. — Он хочет, чтобы я сгнила здесь всеми забытая. Я даже не могу позвонить сестре. И даже если я наберу ее, она будет не в состоянии мне помочь. Мои родители умерли и теперь обо мне никто не позаботится. Вы же сами родители!

Я впиалась в них взглядом:

— Про вашу помощь никто не узнает. Вам нужно будет всего лишь передать записки двум людям. Дальше я все сделаю сама. Не дайте мне пропасть!

Эльвира стояла утирая слезы краем фартука:

— Хорошо, — на нее прикрикнул Шомер, но она что-то ему ответила на незнакомом языке и от промолчал. — Давай свои записки! Бог подарил нам шанс, когда мы бежали из своей страны. Я хочу чтобы и у тебя был этот шанс, все начать заново!

Обрадовавшись я вручила ей записки для Штольца и Розы, объяснив где их можно найти.

Перед уходом, я крепко обняла их обоих и стараясь быть не заметной, опять вылезла в окно.

Обратный путь я преодолела очень быстро. По дороге мне никто не встретился, но тем не менее, я вздохнула свободно только когда за мной закрылась дверь комнаты. Все, начало было положено и отступать было поздно!

Ответ мне пришлось ждать несколько дней. За это время я совершенно извелась, так как

не знала, удалось ли передать записки и чем все дело кончилось. А тут еще и Чаки видно что-то заподозрил, потому что внезапно стал опять завтракать вместе со мной. Глядя на его физиономию мне совсем не хотелось есть, но тем не менее, я ему улыбалась и стойко засовывала в себя омлет. Чаки загадочно меня рассматривал, я же старалась отгородиться от него огромным журналом, в котором ничего не видела. В голове билась лишь одна мысль: 'Когда же этот ад закончится?'

Ад закончился в один день, когда я прогуливаясь зашла на конюшню. Внутри никого не было, поэтому я пошла чтобы дать морковку своей любимой лошадке. Как вдруг сзади меня кто-то сказал:

— Что раньше не могла сообразить сюда прийти?

После этих слов я буквально подпрыгнула на месте. Сзади меня стоял с самым серьезным лицом Хасан:

— Я уже второй день за тобой слежу. Все никак не могу отдать тебе записки и вот это, — он вытащил из запазухи сверток и пару бумажек с записками от Штольца и Розы.

Вскрикнув что-то типа:

— Ура! — я принялась целовать Хасана в обе щеки.

Он с недовольным видом вытер свои щеки:

— Вот еще чего удумала! Тут стараешься для нее, а она!?

Поглядев на него я поняла, что он еще совсем мальчишка и что своим поступком ужасно смутила его, а ведь ему хотелось казаться взрослым, таким, которому доверили важное дело. Поэтому напустив на себя пафоса, я сказала:

— Хасан, ты настоящий мужчина. Ты прямо настоящий спасатель!

После этих слов он покраснел. В глазах зажегся огонек гордости и надежды:

— Ты правда так думаешь? — спросил он, при этом его голос дрожал.

— Без сомнения! Ты совершил смелый поступок, которым любой бы мог гордиться. Не думая о себе, ты спас меня.

После этих слов, Хасан радостно совсем по детски подпрыгнул и побежал так, что у меня перед глазами часто замелькали его чумазные пятки.

Начало есть! Но мне еще много чего предстояло, поэтому я спрятала сверток на груди и не торопясь вышла из конюшни.

В комнате я развернула записки. Первая была от Штольца. Он писал:

'Мария, я всегда буду рад тебе помочь. Приезжай в любое время! Штолец'. А вторая была от Корнелии

'Здравствуй, Мария!

Не буду спрашивать зачем тебе понадобился грим. Высылаю тебе то, что ты просила.

Роза'

Вот такие краткие я получила записки. Но в них было все — а именно, мой шанс на побег. При помощи этого грима я замаскируюсь и воспользуюсь велосипедом выеду под видом Хасана из дома. Велосипед я брошу по дороге, а там поймаю попутку и поеду в клинику, где Штолец укроет меня на какое-то время.

План казался гениальным, но что окажется на самом деле, оставалось только догадываться. Мне потребуется несколько дней, чтобы подготовится. Я не могла больше подставлять семью садовника, поэтому решила выкрасть одежду Хасана, которую Эльвира повесила сушиться. Осталось дожидаться очередной пьянки Чаки и свобода у меня в руках.

Но, как назло, Чаки завязал с ночными кутежами. Каждый вечер я ждала подходящего случая, но Чаки видимо не правильно поняв мои вопросительные взгляды, начал заново за мной ухаживать. Для начала я решила его поддержать, может быть таким образом, он и сам даст мне свободу.

Однажды, когда мы обедали днем на террасе, я спросила его, когда мне будет дана свобода, чтобы я смогла поехать по магазинам. Сначала он молчал, а потом глядя на меня через бокал вина сказал:

— А зачем тебе ездить по магазинам? Платьев у тебя девать некуда, если чего-то нужно, скажи и тебе это доставят.

Я пыталась держать себя в руках:

— Мне нужно сделать маникюр, а то ногти в ужасном состоянии.

Чаки взял мою руку разглядывая мои безупречные ногти. После того как я перестала пить, чтобы себя хоть как-то занять, я занялась своей внешностью. И судя по всему не вовремя.

— У тебя прекрасные ногти. Но если тебе нужна будет маникюрша, я позвоню своей.

Я понимала, что он играет со мной, как кошка мышкой. И что-то в его глазах я прочитала, такое, что поняла, что прежней жизни у меня не будет и что ему приятны мои унижения и терзания. А также то, что терпеть это долго я не смогу. Поэтому я решила зайти с другой стороны. Он ждал от меня секса, но если бы я ему дала, это был бы еще один мой шаг для подчинения и потом этих шагов будет много. Выход же мне виделся в другом — раз план не действует, нужно оттолкнуть его и тогда он опять начнет кутежи, чего я так упорно ждала уже почти неделю.

Я откинула волосы рукой и изогнув бровь сказала:

— От твоей маникюрши лично для меня толку ни какого — трахнуть я ее не смогу, а если ее не трахать, то зачем звать? — после этого я как бы задумалась и снова посмотрела на него. — Хотя: может быть и правда ее трахнуть? А то от тебя меня уже воротит.

Это было на грани фола, но ничего другого мне не оставалось. Я понимала, что просто так мне эти слова он не спустит, от страха у меня даже дрожали колени, но внешне я была само спокойствие. 'Умирать, так с музыкой!' — мелькнула мысль.

Чаки смотрел на меня сощуриив свои итак до жути узкие глаза. Его хищный профиль был мне отвратителен. Он негодования его лицо сморщилось и нос стал еще более крупным. Гладкие черные волосы казались намазанными маслом. Меня и правда от него тошнило.

Странно, но он меня не ударил. Он встал и гроыхнув в тишине стулом ушел. Я закрыла глаза. Что будет дальше мне даже трудно было представить. Если бы он сразу избил меня, то он бы выпустил пар, а тут оставалось лишь ждать самого худшего. Но с другой стороны, я так устала, что совсем перестала бояться боли или смерти. Ночами обливаясь потом и что-то бредя, я просыпалась и долго не могла уснуть. Лежа в жаркой тиши я думала о том, как было бы хорошо, раз и навсегда уснуть глубоким сном, откуда нет возврата. В такие моменты я вспоминала родителей и обещала себе съездить на могилу, но когда просыпалась утром, сама себя снова обманывала и делала вид, что они уехали и я все драматизирую.

Каждую ночь, я ложилась в кровать якобы спать, на самом деле ждала когда приедут в дом ночные гости и будет ли снова у Чаки безудержное веселье. К его пирушкам я уже так привыкла, что один раз, внезапно встав ночью и не обнаружив в комнате воды, пошла в столовую. В коридоре я встретила бегущую мне на встречу обнаженную женщину, которая

громко смеялась. За ней бежал Родриго и еще один мужчина. В нем я узнала Карена, который продал Чаки Оливию. Родриго сделав несколько широких прыжков поймал ее и смеясь взвалил себе на плечи. Его большая рука хлестким движением ударила ее по тугому заду, отчего на коже появилось большое красное пятно. Женщина продолжая смеяться колотила его по спине. Меня они похоже не стеснялись. Карен зная про мое положение в этом доме решив надо мной посмеяться сделал вид, что снял шляпу. Я прошла мимо них, всем своим видом показывая, что их не существует. Сзади меня оглушительно смеялись эти трое. Как же я их всех ненавидела в тот миг!

И вот сегодня я сижу и жду, когда дом заполнится пьяным хохотом, от сигаретного смога будет стоять туман, а музыка будет орать на полную.

В ту ночь, видно Бог сжалился надо мной, потому как только я хотела лечь спать, как увидела лимузин, который лихо подъехал в дому. Из лимузина начали выходить неизвестные мне люди. Они были уже навеселе, значит все идет как надо!

Я быстро открыла сверток, который мне передала Роза. Там был грим, чтобы сделать меня чуточку похожей на Хасана. В последнюю неделю я старалась почти не есть, чтобы похудеть и чтобы моя фигура больше смахивала на фигуру подростка. Теперь гримируюсь, я радостно рассматривала свои торчащие ребра и плоский зад.

У Хасана был нос с большой горбинкой, как это бывает у восточных людей и темная кожа. Поэтому грим я просила темный. Когда я приклеила нос, то сходство получилось просто поразительным. Еще я слегка замазала губы, чтобы они стали уже, а черным карандашом нарисовала что-то типа легкой щетины. Пристально разглядывая себя в зеркало я осталась довольна. 'Мастерство не пропьешь!' — горько хмыкнула я, влезая в вещи Хасана, которые я украла, когда они сушились. И в этот момент, я услышала нетвердые шаги, которые приближались к моей комнате. От ужаса у меня свело живот.

Буквально в одну секунду я нырнула под одеяло и отвернулась от двери. Шаги остановились возле моей комнаты, а затем кто-то открыл дверь и тихо вошел. По запаху одеколona, я поняла что это Чаки. Вот чего-чего, а этого мне сейчас меньше всего нужно было. Если он сейчас решит устроить со мной разборки, то мне придется долго объяснять, откуда у меня такой нос и почему я так странно похожа на сына садовника.

Чаки сел на кровать и погладил рукой мои волосы. Еще один момент, который меня чуть не подвел. Задумывая побег, я старалась сделать все как можно правильнее — начала тренировать голос, чтобы он был похож на голос Хасана, худела и училась стремительной походке, которая так свойственна подросткам. А самое главное, я хотела постричь волосы, чтобы сходство было максимальным. Слава Богу, я этого не сделала, иначе сейчас была бы сцена из репертуара сатирического театра.

Чаки видно смотрел сзади на меня, потому как я чувствовала его взгляд, который жег мне спину. Мое сердце стучало под двести ударов в минуту, но я старалась дышать спокойно и равномерно, так как это делают глубоко спящие люди. Воздуха мне не хватало, потому что мое сердце гнало кровь так быстро, что легкие с такими слабыми вздохами просто не справлялись с работой.

Затем я услышала как Чаки вышел, дверь тихо закрылась и я набрала в грудь побольше воздуха и наконец-то громко выдохнула. Когда стихли его шаги, я вскочила с кровати и взяла заранее принесенную корзину. Ее я взяла на случай если с кем столкнусь в коридоре, то могу сказать, что меняла в вазах цветы или еще что-то подобное. Все это звучало абсурдно, но мне ничего не оставалось как надеяться, что в таком бедламе на это мало кто обратит внимание.

К тому же корзина скрывала мою грудь, которой никак не могло быть у шестнадцатилетнего подростка.

Одев кеды и надвинув бесйсболку как можно ниже, взяв корзину я выглянула в коридор. Там никого не было, на этаже ниже очень громко играла музыка и были слышны голоса. Я пришла к выводу, что мне лучше спуститься по лестнице, воспользовавшись лифтом я могу привлечь к себе внимание, которое было бы некстати.

По дороге меня никто не встретил и я уже готова была радостно выдохнуть, как на выходе я столкнулась с Родриго, на которого я практически налетела.

— Смотри под ноги, пацан, — буркнул он и быстрым шагом пошел наверх.

Я же стараясь идти не быстро пошла в сторону домика садовника. Мне нужен был велосипед, потому как вилла была за городом и идти до дороги довольно далеко. К тому же, меня могли быстро хватиться.

Велосипед стоял в сарае и мне пришлось долго возиться с дверцей. Когда я выводила велосипед из ворот, я обернулась. В окне стояла и смотрела мне вслед Эльвира. У нее были распущены волосы и она была в сорочке. Видно недавно проснулась, услышав мой шум. Я повернулась и махнула ей рукой. Эльвира помахала мне рукой в ответ.

Сев на велосипед я поехала. Что-то в душе у меня шевельнулась и я хотела обернуться, но времени было очень мало и поэтому я быстрее закрутила педали.

На выезде из ворот я увидела двух охранников, которые курили болтая о чем-то о своем. Я уже почти проехала ворота опустив голову, как внезапно один из них крикнул:

— Эй, малой, куда так поздно? Или может бабу завел?

Они дружно заржали. Я стараясь придать голосу хрипотцу сказала:

— Ничего не к бабе. Отец просил семена цветов соседскому садовнику отвезти.

У охранников видно было веселое настроение, потому что второй мне крикнул:

— А тебе отец говорил, что свои семена везде разбрасывать не стоит, а то от этого дети появляются!

Охранники после этих слов буквально зашлись в оглушительном смехе. Я решила не ждать и быстрее закрутила педали. Сзади было слышно, как они развивают тему, крича мне в след разные сальности, но меня было уже не остановить.

Идти домой было опасно, и я решила воспользоваться предложением Штольца и на время спрятаться в его больнице. А после сделать себе новые документы и куда-нибудь уехать, так далеко, что ни Чаки, ни кто либо другой меня не найдет.

В здание больницы мне удалось проникнуть незаметно, правда перелезая через высокий забор я зацепилась за него рубашкой и похолодела от страха представив как меня завтра здесь найдут, но успокоившись, смогла отцепиться. Велосипед я бросила возле одного дома пару кварталов назад. Уже через полчаса его либо увели, либо разобрали на запчасти, так что насчет этого волноваться не приходилось.

Штолец что-то писал в своем кресле, и когда я проникла в дверь и плюхнулась на рядом стоящий стул, он долго непонимающе таращился на меня. Тут я вспомнила, что все еще в гриме и со стороны напоминаю подростка. Я решила немного пошутить и поэтому сделав грубый голос прохрипела:

— Дядь, пусти пожить!

Он молча встал из-за стола и больно схватив меня за ухо потащил к двери:

— Тебя родители манерам не учили? Как ты сюда попал?

В этот момент у меня с головы упала бейсболка и длинные волосы рассыпались по плечам. Зло глядя на него, я отклеила накладной нос и возмущенно воскликнула:

— Нет, сам звал, а сам мне чуть ухо не оторвал!

Все еще потирая горевшее огнем ухо я смотрела на Штольца, а он глупо улыбался. Не удержавшись я спросила:

— И что здесь смешного?

Он подошел и порывисто прижал себе к груди:

— Мария! Я так волновался! После твоего письма я не находил себя места. В какой-то момент я даже хотел ехать и потребовать у твоего мужа, чтобы он показал мне тебя. И вот, ты здесь!

Я обратила внимание, что за время, пока мы не виделись он очень похудел. На его щеках была щетина и вообще он сам больше был похож на больного чем те, что лежали в его больнице.

Затем он ушел и вернулся с подносом, на котором дымились две кружки превосходно пахнущего кофе и лежала целая гора бутербродов. Видя это изобилие, я поняла, что голодна как волк, поэтому сразу накинулась на еду, походу с полным ртом рассказывая ему свою историю.

Он сидел рядом со мной и очень внимательно слушал. Пытаясь одновременно жевать и рассказывать, временами я сбивалась, но он меня никуда не торопил. На его бледном лице горели глаза, я видела, что он не просто рад меня видеть. Наверное, именно в том момент я осознала, что он меня любит и что я его кажется тоже. Все в его фигуре и лице было родным. Чувствуя его запах я буквально пьянела. А еще, мне хотелось тепла. После того как умерли родители, рядом со мной не было действительно близкого человека и от одиночества я немного одичала. И вот сидя на его мягком диване и глядя на него, я чувствовала себя так, что я снова дома и что теперь-то уж все будет хорошо. Не сдержавшись, я протянула руку и погладила его лицо. Щетина была грубоватой, но она мне приятно колола руку.

Его реакция была мгновенной, Александр словно этого ждал. Он накинулся на меня и закрыл рот страстным поцелуем. В этом поцелуе лучше всяких слов мы объясняли друг другу как скучали, как мы растеряны и в то же время счастливы, а также то, что наше одиночество в прошлом.

Наша одежда буквально в одно мгновение оказалась на полу. Мы очень торопились, так как итак потратили слишком много времени в прошлом. Теперь нам нужно было это наверстать, узнать друг друга заново, а также о многом поговорить.

В нашем слиянии было что-то отчаянное, мы были словно пару влюбленных на тонущем корабле. Эти несчастные понимают, что спасенья нет, а также то, что эти минуты любви могут быть последними в их жизни. И пока все вокруг хватают документы и спасательные жилеты, влюбленные дарят последние минуты жизни друг другу. Все до остатка. До последней капли:

Впервые за долгое время я проснулась очень поздно. Проснувшись, я сладко потянулась, подставляя свое разморенное сном тело солнечному свету, бившему через окно.

Алекса рядом не было, видимо он ушел по делам. Вчера он определил меня в дальнюю палату на последнем этаже. Это был этаж, где лежали тяжелые больные, а также те, кто был в коме, но родственники не хотели отключать несчастных от аппаратов, поддерживающих их растительную жизнь. На этаже было не много персонала, а те что работали, были самыми

проверенными. О том, что я здесь никто не должен был знать, поэтому я была поселена среди гнетущего больничного безмолвия. И не смотря на все это, я была до безобразия счастлива. Я была счастлива так, что мне хотелось петь и кричать о том, что я люблю самого лучшего человека на Земле, и что он любит меня.

Поскольку мне запрещено было выходить, то почти целый день я валялась глядя глупые сериалы и листая журналы, которые принес мне Александр. Днем он был еще красивее, он побрился и теперь его гладкая щека терлась о мою, пока я бормотала ему в ухо всякие глупости. Раньше мне это было не свойственно, и видя, как парочки называли друг друга 'Кисуля' и 'Перчик', меня передергивало. А теперь я сама сидела поджав под себя ноги и бормоча ему в ушко слова любви, а когда он наклонял мою голову, чтобы прошептать мне подобную же чушь в ответ, я буквально таяла и мурлыкала как кошка.

Наконец, начинал пикировать его пейджер и он куда-то убегал смеясь, потому что я с деланным гневом кидала ему вслед журналы и называя 'изменщиком'. Он возвращался, целовал меня в нос и снова куда-то убегал.

Неделя пролетела очень быстро, но не смотря на свое счастье, я заскучала. Мне нельзя было выходить во двор и подходить к окну, а обеды мне приносила неразговорчивая медсестра в возрасте, которая на все мои вопросы отвечала или 'Не знаю' или 'кто ж его знает'. В итоге, я начала выть от скуки. Лежа в одиночестве в ослепительно белой палате я думала то о Алексе, то о Чаки. Правда, мысли о Чаки были какие-то отстраненные и далекие. Видимо, я уже достаточно истерзала себя лежа долгими одинокими ночами в его особняке и слушая громкую музыку и смех других женщин.

Сейчас думая о том что было, я не испытывала ни ярости, ни грусти. Не буду врать, я его немного боялась, но в тоже время что-то во мне за это время изменилась. Сам не ведая того, Александр показал мне что такое любить по настоящему и как это может быть прекрасно. Он рассказал мне, что когда я только вошла в его кабинет, он сразу понял, что ждал меня всю жизнь. И тем не менее, он не стал торопиться и форсировать события. Более того, когда я выходила замуж, он думал о том, что Чаки может подарить мне весь мир и с ним я буду счастлива, ведь я это заслужила. Поэтому он ничего не предпринял. А когда узнал, что я несчастна, он сразу же согласился сделать для меня все возможное и невозможное.

Желая меня развлечь, Алекс заказал мне холсты и краски и я наконец-то обрадовшись тому, что не нужно сидеть на одном месте с усердием принялась за работу. Я рисовала его портрет. Мне хотелось отразить на нем его мужество и в тоже время доброту, а также природную интеллигентность и даже застенчивость.

Александр был самой идеальной моделью, о которой мечтают все художники. Он бездвижно сидел на кресле, сцепив перед собой замком руки и глядя на меня своими задумчивыми серыми глазами. В них я видела только себя. Раньше я всегда думала, что представляет собой выражение 'любить — это видеть свое отражение в глазах другого человека'. Сначала я думала, что это что-то типа второй половины или наподобие, но оказалось все проще. Когда тебя кто-то любит, он видит тебя. И куда бы он не смотрел на озеро, дерево, небо. Для него там есть только ты. Вот и я сейчас рисуя Алекса, видела в его глазах свое отражение. Я думаю, что в моих глазах тоже было что-то подобное, потому что, глядя на меня, у него на губах играла красивая мечтательная улыбка, от которой щемило сердце. Давно я не чувствовала себя так хорошо!

Как-то поздним вечером, когда я рисовала, ко мне в комнату вбежал очень бледный Алекс. Таким я его еще не видела.

— Мария, звонил один мой знакомый, к нам в госпиталь едет проверка, нужно срочно что-то делать!

Я подрисовывала ветки у дерева:

— Подумаешь, проверка! Чего ты так всполошился, у тебя одна из лучших клиник в стране.

Он подошел ко мне и отложив кисть взял мои руки в свои:

— Ты только не волнуйся. Проверка — это только повод. На самом деле в комиссии будет твой муж, он ищет тебя. Мне позвонил один мой хороший знакомый и предупредил. Времени у нас мало, так что действовать надо быстро!

Мои ноги стали как желе. В тот момент я поняла что такое страх! Алекс схватил меня и накинув на меня дождевик с большим капюшоном куда-то потащил. Я почти не сопротивлялась, так как новость меня потрясла. Когда я пришла в себя, мы в полной темноте шли по дорожке в сторону здания, где лежали больные с душевными заболеваниями.

Что-то буркнув охраннику Александр провел меня через скрипучие ворота. Мой мозг постоянно рисовал мне страшные картины, поэтому буквально под каждым кустом мне мерещились зловещие фигуры. Когда мы зашли внутрь, то на нас сразу нахлынула абсолютная тишина. Стены больницы были настолько толстые, что практически не пропускали звуки с улицы.

На входе нас встретила медсестра, которая молча пошла рядом с нами. Мне было любопытно, поэтому я постоянно вертела головой. Здание мне казалось зловещим, но может быть это мой страх искажал действительность. Стены коридора были выкрашены в бледно-зеленый цвет, с которым резко контрастировал линолеум красного цвета.

— Пожалуй, я бы здесь тоже сошла с ума, — сказала я, слыша как мои зубы отбивают барабанную дробь.

Александр лишь посмотрел на меня и крепче сжал мою руку. Мы поднялись на самый последний этаж пешком. Почему мы не воспользовались лифтом, для меня осталось загадкой.

На этаже нас встретили три очень высоких и плотных санитаров. Они были одеты в бледно-зеленые медицинские костюмы. Я уже хотела сказать, что с такими габаритами слиться со стеной у них все равно не получится, но вовремя сдержалась.

Мы остановились напротив одной из дальних дверей.

— Подержите, пациента, Тина сделает ему укол, — сказал Александр. — Тина, сделай тройную дозу. Он должен долго проспать.

Медсестра посмотрела на Штольца:

— Это опасно, а вдруг он не проснется?

— Если он проснется, то опасно будет Марии. Так что, — он повысил голос. — Делай как я говорю!?

Она кивнула и они вчетвером зашли в палату. Не выдержав, я открыла маленькое окно на двери и заглянула внутрь.

Их фигуры полностью загородили пациента и я ничего не видела, зато слышала, как он рычит и сопротивляется. Наконец, он затих и они вышли.

— Готово, он будет крепко спать, как минимум часа четыре, а может даже и пять.

Александр кивнул:

— Спасибо, вы можете идти.

Санитары и медсестра ушли, я же стояла не понимая к чему все происходящее.

Александр повернулся ко мне и взял мои руки в свои:

— Мария, я тебе обещал, что сделаю все возможное, чтобы защитить тебя. К сожалению, у нас очень мало времени и отправить тебя из этого места я уже не успею. Зная твоего мужа, я скажу одно, ища тебя, он по кирпичику переберет все мое здание, пока не найдет тебя. Я надеюсь, что здесь он тебя не найдет.

Я непонимающе смотрела на него:

— А где здесь?

Он показал в сторону двери откуда только что вышли санитары и медсестра.

— Здесь лежит один сумасшедший. Его зовут Клаус и он зверски убил семь женщин. Суд просил высшей меры, но у него очень влиятельные родственники. В итоге, суд постановил, что он всю жизнь будет содержаться в психиатрической лечебнице со строгими правилами. И у нас именно такая лечебница. Будь моя воля, я бы тебя ни на шаг не подпустил к этому человеку, но другого выхода нет. Я хочу спрятать тебя в его комнате, потому что только сюда они вряд ли заглянут. Для этого нужно постановление суда и он, — Штольц кивнул в сторону двери, — считается очень опасным. Но сейчас, он очень крепко спит и тебе ничего не грозит.

Я смотрела на Штольца не в силах поверить в его слова:

— Ты правда хочешь, чтобы я спряталась в одной комнате с этим животным?!

Он погладил меня по лицу, а затем опустил руку в халат и достал пистолет.

— Вот, возьми на всякий случай. Хотя надеюсь этого случая не будет.

В этот момент у него зазвонил мобильный:

— Да: Я понял, — сказал Алекс и положил трубку. — Они уже приехали. Среди них твой муж и еще целая бригада охранников и каких-то непонятных людей.

Он открыл дверь и мы вошли в палату. Я с удивлением смотрела на мягкие стены и пол. Видя мой вопрос, Штольц сказал:

— Это делается для безопасности пациента, многие себя ранят.

И тут я увидела Клауса. Я бы сказала, что его нужно было назвать Клаусе. Это был высокий и очень толстый человек с жидкими черными волосами и большими губами. Видя как он причмокивает во сне, сложно было предположить, что он маньяк, убивший столько невинных жертв, но обратив внимание на его мощные жилистые руки, которые были длинноваты для его туловища, я всему верила.

Александр подвел меня к кровати.

— Тебе нужно забраться к стенке и лежать там очень тихо, а я накрою тебя одеялом. Как только они уедут, я сразу приду и освобожу тебя. Если он проснется, стреляй без промедления.

От этой идеи мой желудок свело судорогой, но я понимая что времени нет, осторожно полезла к стенке:

— А как он убил: своих жертв? — тихо спросила я.

Александр молчал, но я все еще вопросительно на него:

— Задушил, — сказал он и накрыл меня с головой одеялом.

Я слышала его удаляющиеся шаги, а потом погас свет, тяжело закрылась дверь и заскрипел замок. После этого воцарилась абсолютная тишина. Слава богу, что Клаус лежал ко мне спиной. Я чувствовала его тепло и не смотря на то, что в комнате было ужасно жарко

и душно, мое тело было ледяным. Какое-то время от ужаса меня била мелкая дрожь, но затем я успокоилась и попыталась взять себя в руки. Выглянув из-под одеяла, я ничего не увидела, потому что окон здесь не было и поэтому вокруг стояла абсолютная тишина. Мне пришлось опять залезть под одеяло и укрывшись с головой ждать. И похоже, что ждать нужно было очень долго.

Штольц быстрой походкой шел к центральному зданию, возле которого стояло несколько человек в военной форме. Подойдя к ним, он обратился:

— Господа, что вы здесь делаете? Это территория больницы и сейчас здесь никого быть не должно.

В это время из двери вышел какой-то невысокий плюгавый человек с нездоровым цветом лица.

— Здравствуйте, мистер Штольц! — плюгавый протянул свою птичью ручку. — Разрешите представиться, я заведующий комиссии по проверке медицинских учреждений. Меня зовут Хорхе Тиро.

Александр пожал руку:

— А почему проверка проводится ночью? Или у вас так много работы, что днем не успеваете?

Человек зашелся в кашляющем смехе:

— Работа такая, мы в ней всего лишь маленькие пешки, которые выполняют свой долг, — Хорхе потер свои руки. — Простите, мы тут без вас начали.

— Ничего, я понимаю. Итак, идемте, я покажу вам нашу аптеку.

Штольц потянулся к ручке двери, но Хорхе слегка пригородил ему путь:

— Не надо, мы сами все посмотрим.

Штольц сделал вид, что не заметил как тот, его не пускает и снова протянул руку к двери:

— Нет, давайте будем соблюдать протокол. Досмотр больницы без присутствия главврача запрещен. А вдруг вы чего возьмете, а мне отвечать!

Плюгавый скривился, пропуская Штольца вперед:

— Ну если вам уж очень хочется:

Они зашли в здание. Александр обратил внимание, что кругом очень много людей в военной форме.

— А что они тут делают? — кивнул он в сторону солдат.

Хорхе пожал плечами:

— Это для: безопасности.

— А что тут что-то может быть опасным?

— Всякое бывает.

На встречу Штольцу и Тиро вышел Чаки:

— Где она?

Штольц поправил очки делая вид что не понимает о чем речь:

— О чем вы? Если о пожарной лестнице, то она справа, но у нас еще есть огнетушители на каждом этаже и пожарные лестницы, которые выходят с балконов:

Чаки резко прервал его:

— Тиро, вы можете идти!

Хорхе суетливо поклонился и быстро переставляя ножками куда-то удалился. Чаки и

Александр молча уставились друг на друга. Первым начал Чаки:

— Кто я вы думаю знаете. Я обладаю точными сведениями, что здесь моя жена. Отдайте ее и мы тихо уйдем, забыв про инцидент.

— Ее здесь нет, вы что-то путаете. Она лежала у нас, но потом вы ее забрали я ее с тех пор не видел.

— Перестаньте! Я видел ваш портрет в одной из палат, — Чаки скривился как будто ему было больно. — Я знаю, что это она рисовала. У вас с ней роман?

Штольц молчал.

— Молчите, увидев картину я все понял. В жизни вы совсем другой, этот портрет нарисован со взгляда влюбленной женщины.

Чаки замолчал, потом резко схватил Штольца за горло:

— Я все равно ее найду, а когда найду, вам не поздоровится!

Александр скинул его руку:

— Она была здесь, но потом уехала. Вы сами во всем виноваты. Она была вашей женой, но вы хотели рабыню. А такие женщины рабынями не становятся.

— Она моя жена! И кем ей быть решу я!

В этот момент к Чаки подошел Родриго:

— Босс, ее здесь нет!

— Ты уверен?

— Наши ребята просмотрели все вплоть до тюков с грязным бельем. Я лично на чердак лазил. Мы даже все палаты перевернули кверху дном!

Штольц молчал, но было видно, что он в бешенстве. Чаки помолчал:

— Соберите всех, идемте обыщем сад и другие здания. Она где-то здесь! Я чувствую это! — Чаки окликнул Хорхе. — Эй, мы идем проверять дальше!

После этого последовали поиски в других зданиях. Время шло и Штольц начал обливаться потом, боясь, что в любой момент пациент может проснуться. В итоге, было обыскано все, кроме здания психиатрической больницы.

Когда они подошли к зданию, Чаки осмотрел здание сказал:

— Выглядит очень внушительно, почти что крепость! Нужно было начать отсюда. Правда, доктор?

Штольц пожал плечами:

— Вам виднее, — и кивнул охраннику, чтобы тот впустил их. — Единственное условие, в здание может зайти не больше четырех человек. Здесь режим особый и мы не можем гарантировать безопасность.

Чаки хмыкнул:

— Не бойтесь, мои люди не покусают ваших пациентов.

— А вот пациенты могут:

Чаки позвал Родриго и взял с собой Хорхе. Группа людей зашла внутрь и начался долгий обход. Они заглядывали во все комнаты. И чем ближе они подбирались к этажу, где пряталась Мария, тем сильнее потел Штольц.

Наконец почти весь этаж был пройден. Осталась только комната Клауса.

Штольц подошел и сам открыл окошко:

— Смотрите, и уходите! Благодаря вам, я всю ночь потратил на поиски того, неизвестно кого. Вы перерыли все палаты и напугали пациентов. После такого погрома, всему моему персоналу предстоят долгие уборки!

Чаки заглянул внутрь и уже хотел уходить. А затем повернулся:

— Интересно: Вы хранили ледяное спокойствие, а в самый последний момент благосклонно открыли окно и разрешили нам заглянуть внутрь, чтобы якобы мы быстрее свалили. Интересно:

Штольц смотрел на него непонимающе:

— А вы не понимаете, почему я хочу чтобы вы быстрее как вы выразились 'свалили'?

Чаки задумчиво тянул слова, сузив глаза:

— Это-то я как раз понимаю, но у меня появились кое-какие сомнения: Откройте эту дверь, я хочу посмотреть кто там.

— Исключено! Там находится опасный маньяк. Если вы его разбудите, то он свернет вам шею как цыпленку.

— Ничего я потерплю, — Чаки хищно ухмыльнулся.

Штольц обратился к Хорхе:

— Мистер Тиро! Всему есть предел! Вы знаете, что можете зайти только с ордером. Я и так не спросил документы, когда вы пришли и перевернули мою больницу сверху до низу. — он указал в сторону палаты. — Человек там находящийся очень опасен. Мои самые лучшие охранники не ходят туда меньше двоих-троих. В последнее время его безумие усилилось и если он что-то выкинет, то мне придется писать рапорт и там дословно указывать почему это случилось!

Глазки Хорхе забегали. Было видно, что он боится, но в тоже время, видимо денег на лапу Чаки также дал ему не мало. Чаки прикрикнул:

— Тиро, я решу все проблемы. А вот если сейчас вы мне не поможете, то проблемы я вам обещаю!

Страх перед Чаки перевесил страх перед начальством и разоблачением. Но решение, видно все равно было не простым, потому как Хорхе закричал сдавленным голосом на Штольца:

— Откройте эту чертову дверь и мы уйдем!

Штольц кивнул и позвал своих санитаров. С деланным спокойствием он сказал им:

— Откройте дверь и включите свет! Если пациент накинется на гостей, то постарайтесь не дать ему их убить. Ок?

Санитары кивнули и открыли дверь:

Я лежала очень тихо и уже почти уснула, когда услышала звук открываемой двери. Мне хотелось буквально выскочить из под одеяла, но тут я поняла, что меня никто не позвал и вокруг тишина. Затем включился свет и несколько пар ног зашли внутрь. Они постояли недалеко от кровати, кто-то даже рискнул и заглянул под кровать. Тут я услышала тихий голос Штольца:

— Вы довольны мистер Чаки? А теперь, если вы не возражаете я предлагаю вернуться в коридор, пока он не накинулся на нас: Сегодня полнолуние, а психи люди нервные:

Мне хотелось стать маленькой незаметной мышкой и я сильнее вжалась в стенку, благодаря Бога за тучную фигуру Клауса и чувствуя как потеют мои ладони. Они все еще стояли, потом я услышала голос Родриго:

— Идемте, босс! Ее здесь нет.

— Вижу! — крикнул Чаки и они вышли.

Меня била такая нервная дрожь, что я боялась, что разбужу Клауса. Прошло уже

довольно много времени с момента укола и он время от времени стал шевелиться во сне, чем буквально приводил меня в состояние близкое к истерике. В такие моменты я сильнее прижимала пистолет к груди. В глубине души я понимала, что наверное никогда не смогу ни в кого выстрелить и скорее всего даже если он начнет меня душить, я просто буду болтаться в его руках как сломанная кукла, но я не смогу пустить пулю в живого человека. А вот лежа в обнимку с пистолетом, у меня больше шансов при очередном вздрагивании отстрелить себе что-либо.

Александра еще не было долго, или же мне просто так показалось. Клаус перевернулся на другой бок и положил на меня свою большую тяжелую руку. Чтобы не закричать, я зажала рот руками. От ужаса из моих глаз текли слезы, которые я не могла сдерживать. В темноте я ничего не видела, но до меня долетал звук его сопения. Иногда он что-то шептал во сне, и тогда я покрывалась липким потом. Я силилась вслушаться в его бессвязанную речь, но как бы мои уши не ловили звук, ничего разобрать не удавалось. Наконец, дверь скрипнула и включился свет. Я все еще боялась пошевелиться, но тут услышала голос Алекса:

— Мария, это я!

Я откинула одеяло и буквально перепрыгнула через спящего Клауса:

— Боже, я думала умру! — обливаясь слезами прошептала я.

Он обнял меня и погладил по голове:

— Они ушли, теперь все будет в порядке!

Выходя из палаты я обернулась. На койке разметав руки спал Клаус, даже и неподозревавший, какие интриги плелись вокруг него этой ночью. Затем мы вышли из этого царства ужаса.

Позже, когда мы обнаженные лежали на диване в кабинете Штольца, я водила пальцем по его носу, пока он водил своей рукой по моему животу.

— Я не верю, что скоро я буду далеко. А ты правда ко мне приедешь?

— Конечно, — он поцеловал меня в нос. — Вот улажу дела, продам дом и приеду. Твои документы готовы. Водитель надежный человек, он отвезет тебя до Акапулько. А там ты улетишь далеко, так чтобы никто тебя не нашел. Не говори этого даже мне. Через полгода, если сможешь, отправь с надежным человеком мне записку, в которой сообщишь, куда приехать.

— Что я буду делать полгода одна?

Он пожал плечами:

— Жить. На твой счет я перевел еще деньги, так что ты теперь очень обеспеченная, — Алекс погладил меня по волосам. — Ты слишком долго жила как от тебя это требовали другие, а теперь начни жить для себя — купи дом, заведи собаку. Не знаю, чего бы ты еще хотела делать?

— Я об этом никогда не думала. Понимаешь, у меня всегда был долг перед родителями, Оливией. А теперь родителей нет, а Оливия в прекрасных руках. Я даже и не знаю, как это жить для себя.

— Не волнуйся, ты скоро об этом узнаешь!.. И еще, если ты встретишь человека, которого полюбишь, то я буду только рад.

Я попыталась возразить, но от легонько закрыл ладошкой мой рот:

— Подожди, я должен тебе это сказать! Мария, ты теперь свободный человек и если ты найдешь свое счастье, то приходи мне как-нибудь открытку с подписью 'от дяди Сэма'.

Отпихнув его руку я рассмеялась:

— Что за мысли!?

Он пожал плечами:

— Ты молода!? И за полгода может случится все что угодно!

Я взяла его лицо в свои ладони и посмотрела в его глаза:

— Я ценю все то что ты сказал, но мне кроме тебя никто не нужен!

— Ок! — он встал и потянулся за брюками. — А теперь я должен съездить купить тебе вещи к отъезду. Пожелания есть?

Я заложила руки за спину бесстыдно подставив его взгляду грудь:

— Пожалуй: Купи мне бороду Санта-Клауса и рога оленя!

Он рассмеялся:

— Я вообще-то, подумал о джинсах и футболке!

— О... — с деланным удивлением сдвинула брови. — Думаешь надо?

Я подняла ногу и пальцами ноги ткнула ему в пах. Он смутился:

— Мне бы было спокойнее:

— Ах, это: Хорошо! Вези!

Мы оделись и я пошла в свою палату, собирать сумку. После визита Чаки мои вещи на всякий случай унесли в другое крыло.

Еще немного и я буду свободна!

Я смотрела телевизор, когда в мою палату влетела взволнованная медсестра:

— Мария, Штольц пропал!

Меня буквально выбросило из кресла:

— Как пропал?!

Она прошептала побелевшими губами:

— Его машину нашли открытой и брошенной недалеко от его дома. Мобильный не отвечает! Что делать?

— Давно это произошло?

— Мы не знаем.

У меня в душе словно что-то упало в плохом предчувствии. Я нервно поправила волосы:

— Я найду его. Принеси мне вещи и обувь.

Я попросила таксиста остановиться перед воротами виллы. Охранники видя меня выпучили глаза и связались с кем-то по рации. Я тем временем беспрепятственно вошла и устало пошла по аллее в сторону дома. Страшно мне не было. Была какая-то пустота. Словно, я старый человек долго проживший и уже уставший от всех жизненных перепитий.

Возле дома меня встретил один охранник, который сказал, что Чаки ждет меня в доме садовника. Я пошла по знакомой дорожке, не обращая внимания на то, что все цветы в саду теперь были ярко-красного цвета.

Подходя к дому, обратила внимание на странную тишину, а также на то, что входная дверь настежь открыта. Когда я зашла внутрь, то меня буквально с ног сбил приторно-сладкий запах разложения. Схватившись за рот и борясь с тошнотой я несколько минут стояла пытаюсь справиться с рвотным рефлексом. Запах был просто ужасным, а стоящая жара сделала его невыносимым.

Взяв себя в руки я зашла в зал. Света там не было и в слабом вечернем свете от окна я

видела какие-то странные вытянутые силуэты. В этот момент недалеко от меня щелкнул выключатель напольного светильника. В кресле положив ногу на ногу сидел Чаки с полным бокалом коньяка, почти пустая бутылка стояла рядом. Я перевела взгляд на силуэты, которые виделись мне в свете окна и чуть не лишилась сознания. На потолочных балках висели три повешенных трупа. Это были тела Шомера и его семьи. Видимо прошло уже пару дней, так как на трупах были темно-синие пятна, временами переходящие в черные. Я обратила внимание, что у них были босые ноги, на которых сидели черные мясные мухи. Временами мухи поднимались и кружились ища новое место. Тогда в абсолютной тишине был слышно их гулкое жужжание. Под трупами образовалось несколько лужиц, в которых также ползали мухи поблескивая своими толстыми черными телами. Представив что одна из этих мух может сесть на меня, меня передернуло. Я подняла глаза и посмотрела на лица повешенных. Они были отекаше-одутловатыми, у рта висели темные словно прикушенные языки, на которых также были вездесущие мухи. Мое сознание отказывалось верить, что я когда-то знала этих людей. Мне почему-то казалось, что это манекены. И если бы не этот ужасный трупный запах, думаю мне это бы удалось.

Чаки в это время наблюдал за мной:

— Все знакомые лица, неправда ли?

Я смотрела ему в глаза и думала как я могла раньше жить с этим чудовищем:

— Зачем ты это сделал, они хорошие люди, а Хасан еще совсем ребенок!

Он ухмыльнулся заложив руки за спину и развалившись в кресле:

— От своих людей я требую двух вещей: беспрекословного подчинения и верности. Они нарушили оба закона помогая тебе бежать. За этим последовала заслуженная кара, — он повернулся и посмотрел на тела, которые в свете торшера выглядели просто жутко. — Помня о том, что они хорошо мне служили десять лет, я итак не стал их пытаться. Так что, все честно!

Моя голова кружилась и мне казалось, что я упаду в обморок. Убив этих людей, он поступил очень хитро — Чаки загнал меня в чувство вины и в тоже время лишил меня друзей. Теперь кроме Алекса у меня никого не было.

— Где Штольц? — спросила я.

Он молчал. Не выдержав, я спросила еще раз:

— Я тебя спрашиваю, где он?

Чаки разглядывал меня:

— Ты как-то изменилась: А интересно, ради меня ты пришла бы в дом врага?

Я отвернулась:

— Где Штольц? Он: жив?

Его узкие глаза смотрели на меня зло, но за этой злостью угадывалось еще что-то. На какой-то момент мне показалось, что ему как и мне больно, но следующие слова убили желание поговорить с ним 'по-человечески':

— Ползи:

— Что? — спросила я непонимающе глядя на него.

Он махнул рукой со стаканом, чуть не расплескав свое пойло и положив вторую руку на спинку соседнего кресла:

— Ползи я сказал!

Я молча встала на колени и поползла к нему. Стыдно мне не было. Если бы сейчас он сказал мне идти на городскую площадь и отдаться там первому встречному, я бы поступила

так не задумываясь.

Чаки брезгливо смотрел на меня:

— Ты хоть сама понимаешь, во что ты превратилась? Ты такая же шлюха как твоя сестра, которую я купил за сотню баксов. Ты только прикидывалась 'правильной' женщиной, а на самом деле ты лживая тварь!

— Да, я тварь! А теперь скажи где он! Делай со мной что хочешь, но пусть у него все будет хорошо, — я плакала стоя перед ним на коленях и глядя на него снизу вверх. Мои руки просительно тянулись к нему. — Я знаю, что разочаровала тебя, но ради того, что у нас было, скажи жив ли он.

— Теперь это уже не важно.

Чаки сидел не шевелясь. Я буквально завывала упав на ковер. — Ты просто чудовище! Как я могла любить такого человека?!

Чаки нагнулся ко мне:

— Неужели ты думала, что я прощу твоего любовника, который скрывал, пока я бегал по его больнице ища тебя? А?

Я поднялась с колен и устало пошла из комнаты, Чаки кричал мне в след:

— Он лежит на дне реки с дыркой в груди и его тело едят рыбы и черви!

Это уже было выше моих сил и я побежала из этого места. Чаки меня не остановил. Я спотыкаясь бежала по дорожке в сторону особняка. Меня никто не удержал и выбежав на веранду верхнего этажа встала на перила. Прямо под собой я видела каменные ступени и собак, которые подняв свои острые морды молча глядя на меня. 'Пусть все мучения закончатся, — твердила я. — Вокруг меня долгая темная ночь, пусть она меня заберет! Я не хочу больше так жить!'. Земля тянула к себе. Всего один шаг и я снова стану свободной. Моя нога шагнула в пропасть:

Вместо того, чтобы упасть, я зависла в воздухе. Подняв голову вверх, я увидела Денни. Он держал меня за руку силясь поднять, но я дергалась, пытаюсь высвободить руку:

— Зачем ты остановил меня!?! Пусти!

— Нет! — он втащил меня за перила и мы обессиленные лежали пытаюсь отдышаться. — Ты не все знаешь, скоро ты будешь свободной! Через пару дней я приду ночью и мы поговорим.

— Я уже почти была свободной! — я закрыла глаза вспоминая последние слова Чаки о том, что Алекса нет в живых.

Денни обернулся удостоверившись, что вокруг никого нет. После этого он наклонился к самому моему уху и зашептал:

— Я агент полиции, скоро мы их всех возьмем и тогда они уже не выйдут. Ты будешь богата и свободна! И еще, ты отомстишь!

После этого он встал и ушел, оставив меня сидеть с открытым ртом. В моей голове все смешалось. Происходящее казалось мне продолжением какого-то фантасмагорического заезжего театра, с пьяными актерами и вылинявшими декорациями. Вокруг меня все двигалось и жило своей жизнью, под которую я никак не могла приспособиться. Земля вертелась все быстрее и часто мои ноги не успевая подкашивались.

Встав на ноги я посмотрела вниз, всего пару моментов назад я хотела умереть, потому что после того как не стало моего любимого человека, друзей, жизнь утратила всякий смысл, но теперь я хотела жить. А самое главное, я хотела видеть, как Чаки получит по заслугам и

будет страдать. Я хотела чтобы он мучался и чтобы ему было так больно, как никогда раньше. И времени у меня впереди о-очень много!

В тот день я сидела безвылазно в комнате и смотрела в окно, мне казалось, что все что было со мной — это сон. Когда человек сидит в заточении, через какое-то время ему начинает казаться, что он всегда так жил. Воспоминания о прошлом затираются, а на их место приходит страх, что четыре стены будут всегда. Так случилось и со мной.

Первое время я не выходила из комнаты, но через несколько дней охранник притащил меня в столовую и усадил за стол перед Чаки. Тот же, орудуя серебряной вилкой рассуждал о 'Божьей каре' и прочей чуши, пытаясь до меня донести, что все кто будут помогать мне сейчас или в будущем, обречены на 'неудачи и плохое здоровье'. Последние слова он произнес хихикая как девчонка. Мне было тошно. В мозгу бился один вопрос, как я могла доверять этому человеку? Почему меня не остановил случай с Оливией, когда ее забрали с улицы и привезли ему на забаву? Чаки мое молчание бесило и поэтому не удержавшись он сказал:

— Тебе что плевать, что твои друзья мертвы по твоей вине?

— Почему же, — сказала я равнодушно разрезая печеный картофель у себя на тарелке. — Я буду скорбеть по ним... Не передашь соль?

Мне не хотелось показывать ему свою боль. Пусть она останется у меня внутри. В последнее время ее живет там много: я потеряла родителей, любимого, друзей. Если бы ни эта боль, я бы думала, что давно умерла, но именно она давала мне понять, что я еще живая. Она тлела как тихий огонек в моей душе. И это единственное, что мне осталось. Я ходячий труп. И хоть мое сердце еще бьется, но все остальное мертво. Этот сидящий рядом человек был мне врагом, и поэтому мне не хотелось, чтобы он видел мои слезы.

Чаки кинул тарелку с едой, чуть не задев стоящего неподалеку официанта, я покачала головой и взяла соль. Он глядел своими змеиными глазами, как я солю:

— Ты настоящая сука!?

— Гав-гав! — сказала я. — Ты доволен?

Чаки матерясь на всех известных ему языках убежал. Я же сидела глядя в тарелку. 'Что же, — невесело подумала я. — По крайней мере, мои нервы крепче чем твои, милый!'

Как-то днем, мне под дверь подкинули записку: 'Будь через час в оранжереи'. Я сразу поняла, что это от Денни. Мое сердце забилося. И хоть я пыталась не торопиться, тем не менее не усидела и пришла туда раньше назначенного времени почти на полчаса.

Поэтому когда Денни пришел, я успела вспотеть во влажном воздухе наполненном ароматов редких цветов. Он оглянулся и сделал мне знак присесть. Мы спрятались за какой-то цветущий куст.

— Времени у меня мало, поэтому буду говорить быстро, — прошептал мне Денни оглядываясь. — Я полицейский. Моя сестра встречалась с Чаки, но я про это не знал. А когда узнал, было уже поздно. Она погибла, когда они ездили в Швейцарию кататься на лыжах. Я думаю, что он убил ее.

— Зачем ему это было нужно? Он мог просто ее бросить?

— Не все так просто, — он провел рукой по своим светлым волосам. — Она была студенткой и я потом узнал, что она продавала наркотики. Меня давно должны были насторожить у нее дорогие вещи и украшения, но я был слишком занят работой. Я почти два

года жил Японии. И мы с ней виделись только пару раз.

Когда он все это говорил, он не смотрел на меня:

— Я слишком мало уделял ей внимания после смерти родителей — они разбились в машине. Нам обоим было тяжело. Она училась в университете и была отличницей, поэтому когда мне предложили работу по обмену опытом, я с радостью согласился. Себя я оправдывал, что заработаю денег и помогу сестре встать на ноги.

Ее смерть была для меня полной неожиданностью, потому что буквально за день мы созванивались и она сказала мне что у нее сессия и она не может ко мне приехать. А потом мне позвонили и сказали, что она погибла спускаясь на лыжах по сложной трассе и что в ее крови обнаружили наркотики. Бросив все дела, я поехал в Швейцарию. Власти отказывались мне помогать, поэтому под видом туриста я поселился в отеле и в том же номере, где жила она. Позже мне удалось узнать, что она приехала не одна и что с ней был какой-то обеспеченный мужчина с высоким охранником с длинными волосами, которые тот убирал в хвост.

— Родриго! — воскликнула я.

Денни кивнул:

— Точно!? И чем больше я узнавал, тем больше вопросов появлялось. От ее подруги я узнал, что она познакомилась с Чаки в одном из его ресторанов. Через какое-то время, по его просьбе она несколько раз летала в Италию. Мне удалось узнать, что она возила для него какие-то документы на оружие. Спецслужбы давно подозревают Чаки в связях в итальянской мафией, но прямых доказательств нет. Он все время для переговоров посылал разных людей, а потом когда они становились опасными убирал их. Так же случилось и с моей Дженни.

— Так звали твою сестру? — спросила я, трогая его за руку.

— Да, мы были очень похожи. Она была очень красивой и веселой. А я не смог ее защитить.

Я нахмурилась:

— Знаешь, когда мы ездили в медовый месяц, Чаки встречался с одним человеком. Раньше я думала, что это не важно, но у меня есть фотографии.

Денни смотрел на меня недоверчиво:

— Что за фотографии?

И я начала все ему рассказывать. После того, как я закончила, он схватил меня за руку:

— Если все что ты говоришь правда, ему конец. Ночью, когда все уснут, я приду в твою комнату и мы сбросим фото на телефон. Если у начальства будет подтверждение деятельности Чаки, они его возьмут!

В этот момент мимо оранжереи кто-то прошел и Денни засобирался:

— Все, я пошел! Иначе нас могут заметить.

Когда он уходил я окликнула его:

— Денни... береги себя, я не переживу если с тобой что-то случится!

Он тряхнул головой:

— После твоего исчезновения Чаки совсем обезумел. Я позвонил своему шефу, что в доме скоро произойдет убийство, но мне сказали, что раньше времени пугать Чаки не стоит. Нужно накрыть его на контрабанде оружия, чтобы поймать всю сеть. Шомеру и Эльвире устроили настоящие пытки, Хасан же смотрел на все это. А затем их повесили в доме на перекладине:

— А что он сделал со Штольцем? — услышала я свой дрожащий голос.

Денни посмотрел мне прямо в глаза:

— Они застрелили его и сбросили тело в реку. Прости, я ничего не смог сделать!

Резко развернувшись он ушел. Я повалилась на влажную сырую землю и тихо скуля валялась по ней. Мне хотелось кричать, но мое горло словно сжали тески. Вместо крика из моего рта вылетало лишь сдавленное рычание. В голове билась мысль: 'Из-за меня! Они все умерли из-за меня!'

Ночью я не легла спать, а вместо этого сидела в кресле, смотря на огромный диск желтой луны. Как же хорошо звездам! Они светят себе в холодной дальней галактике, вращаются в тишине во мраке бесконечной пустоты и никакие тревоги их не касаются. Как было бы хорошо, хоть на какое-то время потерять чувствительность, впасть в беспамятство, уснуть глубоким сном без сновидений.

В это время в мою дверь кто-то тихо постучал. Это был Денни. Ничего не говоря он прошел в комнату и быстро вставил флешку в компьютер и выделив фото скопировал их. Краем глаза я увидела свои снимки, которые снимала, когда гуляла в одиночестве по качающейся на зеленых волнах Венеции. Как же давно это было!

Дальше все было как в детективном фильме. На следующий день Денни предупредил меня, что судя по информации сегодня приезжает для крупной сделки один важный человек и было принято решение брать их прямо в нашем доме. Поэтому вечером лучше не выходить из своей комнаты.

Целый день я жутко нервничала, но Чаки был также погружен в свои мысли, что не заметил как я дергаюсь. Поздно вечером приехала машина, выглянув в окно я узнала итальянского продюсера Диего, с которым мы познакомились на опере. Он шел легкой походкой неся под мышкой чемодан, который был наручниками пристегнут к руке. Я поняла, что Денни про этот визит мне и говорил, поэтому на всякий случай пошла собирать свои вещи. Долго ничего не происходило, но потом раздались звуки выстрелов и я поняла, что начался штурм. Выглянув в окно я увидела как люди в касках штурмуют наше здание. Двое охранников лежали застреленными. Среди них был один из тех, который насильничал Оливию. Также вокруг дома лежали тела застреленных собак. Их мне было жалко больше всего.

Солдат было много и через какое-то время в мою комнату выломали дверь. Я молча сидела в кресле, на меня один из солдат наставил пистолет, но я не шевелилась, поэтому он быстро приказал мне выйти из комнаты с поднятыми руками.

Когда я вышла, то на лужайке уже стояло несколько человек прислуги. Через какое-то время вывели Чаки и Диего. Диего шел чертыхаясь и кроя омонцовцев на своем итальянском языке. Думаю ничего хорошего он им не говорил, но его длинная без переходов речь казалась арией. Чаки шел молча. Его волнение выдавали бледность и сжатые губы.

Через какое-то время из дома вышел Денни и о чем-то поговорил с командиром. После этого, командир отдал команду отпустить меня и прислугу. Я крикнула Денни, что здесь нет Родриго. Солдаты начали еще раз осматривать дом и участок, но его нигде не было. Через какое-то время один из солдат сказал, соседи видели как какой-то человек перепрыгнул забор и через их территорию выбежал на улицу. Пару омонцовцев побежали в сторону, где скрылся Родриго.

Потом был суд, на который меня несколько раз вызывали, но его основную часть я смотрела по телевизору. В ходе суда всплыли многие махинации которые проворачивал Чаки, в них даже были замечены высокопоставленные лица и несколько голов слетело с плеч. Но, видимо сверху поняли какой они разворошили улей и Чаки экстрадировали по запросу Китая. Его запрашивали также Россия, Швейцария, Германия и Италия, но им было отказано, почему я узнала позже. Через пару месяцев в Китае его казнили без особой помпы, журналистом об этом сообщили только на следующий день. Все сразу стало на свои места, чиновники боялись Чаки и также то, что может еще всплыть, так что они его отправили в страну, где он будет казнен.

Я должна была испытывать удовлетворение, что он понес заслуженное наказание, но мне почему-то было даже как-то жаль его. Эта противоречивая женская натура, которая ненавидит и мечтает о мести, а затем в последний момент жалеет и хочет, чтобы все осталось как есть. А еще с уходом Чаки в моей измученной душе поселилась пустота. Чаки уже не было и вместе с его смертью прошла ненависть, которая питала, давала силы и стимул чтобы жить дальше и встречать новый день.

Все имущество Чаки было опечатано и его забрало государство.

Денни получил повышение по службе и даже пытался хлопотать за меня, чтобы мне дали хоть какое-то наследство, но его никто не услышал. Этому я даже была рада. Мне не нужны были деньги добытые на крови, я даже не забрала драгоценности и платья, которые он мне дарил. Я собрала свои вещи и переехала в родительский дом.

Здесь все дышало любовью и памятью. Через какое-то время я пересилила себя и позвонила Оливии, они с мужем как раз вернулись из заграничного турне. Мы вместе поехали на кладбище. В моих руках были любимые мамины цветы и всю дорогу я ужасно нервничала. За это время я убедила себя, что они живы и просто уехали и поэтому сейчас мое прозрение было тяжелым. Мы стояли с сестрой обнявшись и тихо плакали над могилой. Мне было тяжело, потому что я ехала как на свидание, а получилось, что их нет, а мне нужно жить дальше и строить на руинах былого свою жизнь.

Через какое-то время Оливия уехала. На кладбище я еще долго плакала смотря на серый памятник, но с другой стороны, это были очищающие слезы.

Через несколько дней я встретила с нотариусом, чтобы наконец-то вступить в наследство Корнелии. Ее квартира продана быстро. Себе я только оставила на память фотографии ее и Константина, а также револьвер.

Больше в этой стране меня ничего не держало и я решила уехать во Францию. Деньги у меня были, потому что Штольц позаботился об этом и я могла начать жизнь заново. Что я и сделала.

Я купила небольшой домик в пригороде Парижа. Это было тихое место в окружении лип с небольшим заросшим садом.

Риэлтор, ищущий мне жилье показывал мне шикарные квартиры и дома, но этот маленький домик приглянулся мне сразу. Он был чем-то похож на мой родительский дом — также дышал какой-то спокойной уверенностью и добротностью.

От предыдущих хозяев в нем осталась старинная деревянная мебель, которая очень мне нравилась. Я оставила все как есть лишь покрасив стены свежей краской и помыв окна. А еще я завела собаку, если это можно было так назвать. Это был большой черный мохнатый пес со спутанной шерстью и большими грустными глазами. Он просто пришел к моему дому

и долго сидел возле калитки смотря в окно. Я так поняла собака здесь жила раньше, потому что как только я открыла калитку, она зашла внутрь и залезла в собачью будку с надписью "Сатана", которая стояла под старой липой. Мне было очень одиноко, поэтому я приняла пса, несмотря на то, что как хозяйку он меня не признавал и когда я пыталась погладить его по лохматой голове, он рычал ощерив зубы. Но мою кормежку ел, так что надежды подружиться с ним я не теряла.

Первое время после переезда я почти все дни проводила дома, потому как совсем не знала языка, но потом наняла толкового репетитора. Ее звали Луиза и она очень была похожа на мою Розу. Такая же подвижная и веселая. Она любила круасаны и после наших занятий мы еще долго сидели в саду, пили кофе и болтали обо всем на свете.

Вот и сегодня мы сидели под деревом и пили чай, обедаясь сладостями и булками. Луиза допив чашку поправила платье:

— Дорогая, еще пару месяцев и я не влезу в свою машину.

Я засмеялась:

— Будешь приезжать ко мне на автобусе, делов-то!

Она похлопала себя по широкой груди:

— В твоих словах есть здравый смысл, моя подруга со своим мужем в метро познакомилась. Может быть и мне попробовать, как думаешь?

Я грызла шоколад:

— Конечно, попробуй! Как мужчинам еще с тобой знакомиться, когда ты целый день на машине? Не домой же к тебе приходить.

Луиза засмеялась:

— А что, напишу график: 'С понедельника по пятницу — я знакомлюсь после двадцати ноль ноль, а в выходные как получится!'

Мы смеялись глядя как вечереет и воздух наполняется ароматами осени. Луиза глянула на лежащего неподалеку Сатану:

— Вылитый ты. Такой же грустный и нелюдимый. Зачем ты его взяла?

Я пожав плечами посмотрела на пса:

— Он мне нравится и потом он похоже жил здесь раньше, не выгонять же беднягу.

— Что-то непохоже, что ты ему нравишься.

— Это неважно. Возможно когда-нибудь он меня полюбит.

Луиза усмехнулась:

— Ну конечно! Он ведет себя как любой мужик, живет в твоём доме, ест твою кормежку и рычит на тебя! Поздравляю подруга, ты почти что замужем.

Мы посмеялись и я проводила Луизу, Сатана лежал отвернувшись и делая вид что не замечает меня. И даже когда я заходя домой позвала пса, он и ухом не повел.

Через полгода я уже сносно разговаривала по-французски. Деньги заканчивались и я начала искать работу, но мне не хотелось больше работать гримером.

В это время во Франции как и в остальной Европе царил кризис и с работой было тяжело. Как-то приехав домой после долгих поисков я усталая сидела под своим деревом и рассматривая желтую листву на земле. И тут заметила, что Сатаны опять нет. Днём его постоянно не было дома и первое время я на это не обращала никакого внимания, но сегодня я поняла, что он уходит утром и приходит ближе к вечеру.

В этот момент рядом проходила моя соседка с которой я познакомилась только

недавно. Я решила познакомиться поближе, заодно разузнать про живших здесь людей, поэтому я окликнула ее:

— Здравствуйте, мисс Мерье! Сегодня чудесная погода, неправда ли?

Она улыбаясь остановилась у калитки поправляя рукой седые волосы, которые были заправлены под кокетливую шляпку:

— Здравствуйте, погода просто удивительная! Как вы, обжились?

Я кивнула:

— Вроде бы, потихоньку привыкаю!

Она улыбнулась мне теплой улыбкой:

— Я не сомневаюсь, что вам здесь понравится, к тому же у вас чудесный дом!

— Да, дом мне очень нравится, он мне чем-то напоминает дом моих родителей...

Скажите, а вы хорошо знали прежних хозяев, что они были за люди?

Мисс Мерье неопределенно пожала плечами:

— Здесь жил один вдовец. Его звали Жан Робен. Кажется он был писателем. Он был довольно нелюдимым, поэтому мы почти не общались. Все время он проводил со своей черной собакой. Мы часто видели как он гулял с ней. Соседи говорили, что у него не все дома. Иногда он читал собаке книги в саду.

— Вы тоже думаете, что он был сумасшедшим?

Она покачала головой:

— Я думаю он просто был несчастным и одиноким. После смерти жены, они с дочерью поругались и много лет не разговаривали. Я слышала, что на каждое Рождество он отправлял ей открытку, но она ему ни разу не ответила.

— А от чего умерла его жена?

— Она разбилась на машине после их ссоры. Думаю он всю жизнь винил себя в случившемся.

— Просто ужас! Как он умер?

— Как-то после Рождества не дождавшись открытки от дочери он сильно напился и пошел на почту. Был поздний вечер и все было закрыто. Он упал недалеко от своей калитки и уснул. Собака прибежала к соседям и громко лаяла, но все подумали, что она просто лает на чужих собак и никто не вышел. Утром его нашли недалеко от дома. Возле него лежал Сатана, стараясь его согреть, но хозяин был уже мертв.

Она вытерла слезы:

— Дочь оплатила похоронную церемонию, но сама не приехала. Его хоронили соседи и чужие люди, а также его пес.

Я сказала:

— Так вот куда ходит Сатана...

Мерье кивнула:

— Он ходит туда днем, а вечером смотритель закрывает ворота кладбища и выгоняет собаку, поэтому она приходит домой... Собака тоже нелюдимая, вы ее не боитесь? Она на всех рычит. Одно время ее хотели усыпить, но потом пожалели, ничего плохого она не делает, просто никого к себе не подпускает. Потом ее несколько раз забирали в приемник, но она оттуда постоянно сбегает.

В это время зазвонил мобильный соседки и мы от неожиданности обе подпрыгнули. Это были ее дети и они со мной быстро распрощались.

Я же пошла в сад и нарвала цветов, а затем пошла на кладбище.

На местном кладбище я была впервые и хоть соседка объяснила мне как искать могилу, тем не менее я бродила довольно долго, пока не увидела спину Сатаны. Он лежал возле могилы молча смотря на памятник. Я подошла к небольшому памятнику и положив цветы села на колени. Мне ужасно хотелось с кем-то поговорить, поэтому я начала говорить псу:

— Знаешь, мне тоже очень тяжело и я тоже скучаю. Временами просыпаясь утром мне кажется, что мне все приснилось. Но затем я оглядываю стены и понимаю, что все это случилось со мной. И что прежней жизни уже не будет...

Сатана смотрел на меня положив морду на лапы и довольно трудно было понять как он относится ко всему вышесказанному.

Я что-то говорила очень долго, а затем протянула руку и хотела погладить собаку. Он зарычал, но в его рыке уже не было злости. После этого, я поняла, что рано или поздно я смогу завоевать его расположение.

На следующий день я поехала в магазин и купила краски, мольберт, кисти и все остальные аксессуары необходимые художнику. Утром я взяла все это добро и поехала в город на Монмартр. Там собирались уличные художники, которые подрабатывали тем, что рисовали прохожих. Я боялась, что меня не примут, но художники оказались неплохими людьми и пустили меня в свои ряды.

Так я начала работать на улице, рисуя незнакомых людей. Первое время я очень нервничала перед каждым портретом, но потом с каждым разом уверенность в себе росла. В каждом человеке я улавливала его особенности и характер. Портреты получались как живые.

Как-то раз, когда я рисовала очередного клиента, возле меня остановился один пожилой мужчина, который смотрел как я рисую. Я сначала не заметила его, но он стоял очень долго. Когда довольный клиент ушел и я вытирала руки от краски, мужчина подошел:

— Разрешите представиться, меня зовут месье Пауль Нораво. Я владелец галереи.

Он протянул мне визитку, которую я взяла дрожащими руками:

— У вас есть какие-то картины кроме тех, что вы здесь рисуете?

От волнения у меня пересохло во рту и я лишь кивнула.

— Если вы не против, я бы хотела посмотреть ваши работы. Можно?

Я написала на клочке свой адрес:

— Буду дома после восьми вечера, приезжайте я угощу вас пирогом с яблоками по маминему рецепту.

На этом мы разошлись. Домой я засобиралась раньше обычного. Мне предстояло много дел — не каждый день ко мне приходит владелец картинной галереи!

Дома я металась между комнат, убирая разбросанные вещи и готовя пирог. Сатана лежал на кухне смотря на мои нервные прыжки.

— Не смотри на меня так, Сатана, я знаю, что выгляжу как сумасшедшая, но сегодня у меня особый день. К нам придет гость!

Могу поклясться собака усмехаясь закатила глаза. Я не удержалась:

— Вот увидишь! Тnbsp;как что веди себя прилично и сделай вид что ты воспитанная собака. Ладно? Для меня это очень важно!

Лохматый паршивец спрятал свою улыбку, уткнувшись мордой в хвост.

В одной из комнат я расставила свои картины, которых к моему удивлению скопилось очень много. Свободное время я занималась только рисованием и даже в выходные ездила в

город, чтобы нарисовать что-то новое. Это были люди в кафе, солнечный лучик, который отражался от модной витрины, улицы после дождя и так до бесконечности. А еще было много портретов. Мне очень нравилось рисовать людей. Любимым был портрет Штольца, который я рисовала по памяти, но он вышел очень хорошо. Вечерами я наливала себе кофе и садилась в старое потертое кожаное кресло и часами смотрела на его портрет, потягивая обжигающе-горячий черный кофе. Мне казалось, что это он сидит рядом и смотрит на меня своими серыми умными глазами.

Еще я рисовала то, что видела раньше: как Шомер наклонившись так что видна одна лишь широкополая шляпа подрезает розы, румяное лицо Эльвиры под лучами солнца, моя мать рядом с букетом крупных белых пионов и так далее. Много было картин про Мексику — пыльные улицы и цветастые платья простых женщин, две собаки лежащие возле старого забора, закат солнца над горами и так далее.

Бросив взгляд на часы я увидела, что уже двадцать минут девятого. В душе все оборвалось: 'Как я могла подумать, что могу быть ему интересна!'. Уронив голову на руки я горько заплакала. С картины на меня смотрели грустные глаза Алекса.

В этот момент сзади меня кто-то покашлял:

— Хм: Простите, Мария! Я долго стучал, но видимо вы не слышали, поэтому я набрался наглости и вошел.

Я вскочила вытирая слезы:

— Ой! Простите! Я думала вы не придете!.. А как вы прошли мимо собаки?

Пауль улыбнулся:

— Как вы могли подумать что я не приду? Я чуть дождался восьми. Представляете мое разочарование, когда мне никто не открыл!.. А пес лишь лениво на меня поглядел.

Мы рассмеялись. После этого он начал рассматривать картины. Мне было не ловко и поэтому я пошла накрывать на стол. Его долго не было, поэтому когда он молча пришел и ничего не говоря сел за стол, я уже умирала от ожидания, но все же его торопить не собиралась.

Пауль, а именно так он приказал его звать, сказал:

— Да: Я думал, что мне уже открытия не предстоит. А сегодня, Бог услышал мои молитвы и я встретил вас!

Мои щеки зарделись:

— Вы мне льстите!

Схватив кусок пирога Пауль быстро отправил его в рот:

— Поверьте, деточка! Я в этом бизнесе уже почти пятьдесят лет. Эту галерею еще мой отец открыл. И если я говорю, что у вас талант, так оно и есть! Вы где-то учились? — и не дождавшись пока я отвечу. — Хотя чего я спрашиваю! У вас самобытный стиль, которому нигде не научат.

Мне стало не ловко:

— Я недолго училась в детстве, а так вы правы. Образования у меня нет.

— Это плюс! — воскликнул он. — Кстати, у вас еще и кулинарный талант! Ваши пироги просто прелесть!

— Это любимый рецепт моей мамы.

Он кивнул, но я видела, что он вряд ли слышал меня. Затем он внезапно рассмотрел мой дом:

— Мне нравится ваше жилье. Многие бы назвали его старомодным, но в этом что-то

есть. Оно отражает вашу индивидуальность. Все просто и на взгляд простого обывателя примитивно, но на самом деле — изыскано! Не каждый способен оценить ваш интерьер, но я вижу что и здесь вкус вас не подвел.

Дальше мы долго разговаривали про что угодно, кроме живописи. Я рассказала ему про то как жила в Мексике, избегая затрагивать тему про Чаки. А Пауль рассказал мне про свою семью. Жену он потерял десять лет назад, дети выросли и теперь живут в Америке.

Уходил он уже далеко за полночь. Я вышла проводить его к машине, уже садясь в нее он сказал:

— Я сделаю вам хорошую рекламу и вы обязательно станете знаменитой. Я доверяю вам выбрать лучшие на ваш вкус двадцать картин, а через неделю мы сделаем выставку.

А потом уехал. Я долго стояла возле своего забора, глядя ему в след и не в силах поверить в происходящее. В последнее время у меня было так мало хорошего, что я настороженно относилась к любым переменам и плохим, и хорошим. За мной из своей будки наблюдал Сатана.

Подготовка к выставке была одним из самых напряженных моментов моей жизни, у меня практически пропал сон. Порой, я вставала ночью и передвигала картины. Их было уже довольно много и я не могла ничего выбрать. Сегодня мне нравились одни, завтра другие. В конце концов, за пару дней до выставки я позвонила Паулю:

— Я в отчаянье!

— Что случилось?

— Я не могу ничего выбрать! Вы мне не можете помочь?

На том конце провода была тишина, затем он начал говорить и я чувствовала, что он улыбается:

— Этот выбор должны сделать вы и никто другой. Иначе это будет мой взгляд на вашу живопись, а это ваша первая выставка. Именно по ней будет формироваться отношение к вам как к художнику.

— Пауль, а вы уверены, что мои картины достойны выставки? Я ведь не настоящий художник. Я просто люблю рисовать для себя.

— Вы достойны, мон шерри! Отбросьте эти глупые сомнения и позвольте себе поверить в то, что вы прекрасный кристалл, который дождался своей оправы. А теперь позвольте мне закончить разговор, я готовлю залы к принятию ваших картин. Завтра к вам приедет машина и заберет вас и ваши нетленные холсты. Увидимся!

Он положил трубку, а я все стояла и прислушивалась к себе. Затем я пошла и выбрала картины.

— Так-то лучше! — сказала я лежащему недалеко Сатане. Он же только задумчиво рассматривал мой выбор. Глядя на его морду я не удержалась:

— А может все-таки другие?

Его галерея оказалась не очень большой. Но она находилась в самом центре и славилась как изысканное место, где были открыты имена многих современных художников, а также самые именитые мэтры не гнушались там выставляться. Одним из них был Миодраг Джурич. И то что я буду одной из них наполняло меня гордостью. Этот процесс увлек меня и я совсем перестала стесняться и когда уже были повешены мои картины, сделала несколько замечаний по их местоположению, за которые Пауль меня похвалил.

Когда он меня спросил какая картина будет основной, я без сомнений указала на портрет Александра. Пауль удовлетворенно кивнул:

— Отличный выбор! Мы назовем твою выставку... 'Касаясь реальности:'.

— Мне нравится!

— Тогда готовься, через два дня будет день твоего авторского рождения!

Затем мы долго разговаривали обсуждая детали и цены на картины. Я сказала, что согласна продать все картины, кроме портрета. Он для меня память об одном человеке. Пауль кивнул соглашаясь. В ценах я ничего не понимала, поэтому попросила действовать на свое усмотрение.

В день выставки я жутко нервничала и поэтому встала очень рано. Пока я собиралась, я успела надоест Сатане своими стенаниями, в итоге он тяжело вздохнув показательно пошел на улицу в свою будку. Я пошла за ним и еще минут пятнадцать стенала рядом. Но паршивец закрыл глаза и притворился спящим, мне пришлось капитулировать ни с чем.

На выставку я приехала в сопровождении Луизы. Мои ноги подкашивались от страха и если бы ни она, я бы наверное сбежала:

— Дурочка! — тащила она меня смеясь. — Не бойся, они тебя не съедят!

— Откуда ты знаешь? — мои зубы выбивали чечетку.

Луиза поправила мое платье:

— Давай же! Будь умничкой, и после выставки я куплю тебе мороженное!

— Ладно, я хочу мятное с шоколадом! — проворчала я.

— Обжора!?

И в этот момент мы вошли внутрь. На мое удивление народу было много. На входе нас встретил официант с шампанским:

— И почему я раньше не посещала такие мероприятия? — сказала Луиза сгребая два бокала и протягивая один мне. Мои руки от страха тряслись так, что я не решилась взять фужер. Пожав плечами, Луиза шепнув мне: 'Пойду прошнырнусь!' проплыла в зал. Я растерянная осталась на входе.

Рассматривая ценники на картины глаза у меня лезли на лоб. В этот момент меня увидел Пауль и провел в самый центр:

— Ну как ты?

— Я просто умираю от страха! Эти ценники ты поставил? С ума сошел? Я же не Микеланджело!?

Он засмеялся:

— Ты не поверишь мой Микеланджело, то выставка только началась, а уже купили три твои картины.

Мои глаза расширились:

— Не верю!

Пауль улыбнулся:

— Даю зуб, до конца выставки продам еще десять!

— Если ты так будешь обещать всем авторам, у тебя зубов не останется, — смеясь проговорила я.

И тут нас заметили фотографы, Пауль меня всем представил и они защелкали затворами. Затем меня попросили:

— Встаньте вон там, — показывая в сторону картины Алекса и вывеской с названием

выставки.

Я встала рядом улыбаясь, пока свет от их вспышек мелькал как миллион ночных огней.

Выставка прошла отлично и я неплохо заработала, но в целом моя жизнь особо не изменилась. Я конечно же, стала более узнаваемой и даже дала несколько интервью, но каждый день я ездила на Монмартр и садилась на свое место, рисуя прохожих.

Домой я теперь старалась приходить раньше. Я ставила мольберт, брала цветы и шла на кладбище. Там мы какое-то время молча сидели с Сатаной, а затем шли домой.

Все было прекрасно и вроде бы жизнь налаживалась, но в последнее время у меня развилась шизофрения и мне постоянно казалось, что за мной кто-то наблюдает. Я рассказала про это Луизе, но она лишь смеялась, говоря, что моя популярность вскружила мне голову.

Временами я с ней соглашалась, но днем сидя на своем стуле в центре многолюдной улицы, временами съеживалась чувствуя на себе чей-то недобрый взгляд. Дома я даже переложила поближе к тумбочке револьвер Корнелии, который помог мне вывезти во Францию Денни. Перед сном я доставала его и клала на тумбочку рядом с кроватью.

Однажды ночью я услышала шаги возле дома и выглянула в сад. В тени дерева за забором стояла высокая мужская фигура. Лица не было видно, но мне казалось что в этом человеке есть что-то смутно знакомое. Я побежала в комнату и схватив револьвер опять подошла к окну, осторожно выглядывая из-за занавески. Но под деревом уже никого не было. Ночной гость исчез!

— Это тебе показалось, — твердила мне Луиза.

— Да нет! Я его видела, только: лица видно не было!

— Хотя, ты у нас теперь знаменитость и вполне возможно, у тебя появился поклонник!

После этих слов я задумалась. Может быть я и в правда лишнего драматизирую и нагнетаю ситуацию.

Как-то мне позвонили с одной студии и пригласили на передачу про тенденции современной живописи и проблемы молодых художников. Я с радостью согласилась. Мне нетерпелось снова окунуться в привычную атмосферу 'растревоженного муравейника', когда все куда-то спешили и торопили друг друга. Поддавшись порыву, я даже написала письмо Розе, в котором рассказала о своей новой жизни, расспрашивая ее о ней и о Рамиросе.

Днем я не поехала на Монмартр, а поехала в Булонский лес. Пауль предложил мне в ближайшем будущем сделать еще одну выставку и мне нужны были новые картины, поэтому за впечатлениями я поехала в это загадочное место. Он располагается в том месте, где а старину был лес Руврэ. Самым излюбленным местом в лесу является парк Багатель с красивым садом, ровными дорожками и небольшими водопадами. Кроме того, лес имел очень интересную историю, которая мне как художнику давала немалую долю вдохновения.

В начале четырнадцатого века король Франции Филипп совершил паломничество в Булонь-сюр-Мер, после чего он отдал приказ о строительстве Церкви Булонской Божьей Матери. Именно с тех времен появилось название Булонского леса. В ходе столетней войны солдаты под предводительством герцога Бургундского сожгли большую часть леса, но во время правления Людовика XI, лес был восстановлен. А по приказу Наполеона в лесу были проложены многочисленные аллеи, созданы водные каналы и озера, высажено около

четырёхсот тысяч деревьев.

Место было и вправду очень живописным и я там провела почти весь день. Домой я возвращалась уставшая, голодная, но очень довольная, ведь мне удалось перехватить атмосферу этого места, а также игру красок и отражение солнца с листве раскрашенных всеми цветами радуги деревьев.

Когда я приехала домой, то Сатаны еще не было. Я открыла дверь в столовую, то первое на что обратила внимание — это была сдвинута фотография на полке возле входа, но я сначала не обратила на это внимания. На ней я была сфотографирована вместе с родителями за пару лет до их смерти. Тогда мы были счастливы и поэтому я так это фото любила. Уже проходя в столовую, я почувствовала чье-то присутствие, но решила не подавать виду, так как телефон я оставила в сумочке возле входной двери, а кричать было бесполезно, соседи все равно не услышат. Поэтому я сняла пальто и поставив на стол пакет с продуктами пошла в комнату, чтобы забрать револьвер.

Незнакомец напал на меня внезапно, когда я выходила из кухни. Чьи-то руки схватили меня за лодыжку и резко дернули. Я тяжело упала больно ударившись. Он схватил меня за шиворот и поднял. Это был Родриго. Его лицо было рассечено большим шрамом, который проходил через левый глаз и щеку. Отчего он был похож на Франкенштейна:

— Привет, шлюха! — сказал он, отвесив мне тяжелую оплеуху. — Не ожидала меня увидеть? Думала тебе все сошло с рук!

После этих слов он опять швырнул меня на пол:

— Говорил я Чаки, нравится — трахни и дело с концом, но у него из-за тебя крыша поехала. Даже женился! — после этих слов он сплюнул. — Я смотрел по телевизору суд и видел фото из Венеции. Тогда все сразу встало на свои места. Если в начале я во всем винил этого дурака Денни, то теперь было понятно, кто еще приложил к этому свою руку. А теперь ты умрешь, потому что заслужила!

В его руку появился огромный нож с зазубренным лезвием и канавкой, такие бывают у охотников. Ими удобно разделять добычу и через канавку выходит лишняя кровь, что не дает мясу быстро портиться.

От ужаса у меня крик застрял в горле, а тело словно парализовало. Своей фигурой от закрыл мне отход из кухни. Я боялась встать и побежать, потому что бежать было некуда, а если бы я все же прорвалась через него, тогда получила бы удар в спину. Поэтому я только отползала от него, когда его могучая фигура наступала. Его рука была уже совсем близко. Я даже видела собственное отражение в клинке. Но решила сражаться до последнего.

Родриго не торопился, осознавая значимость момента, а также то, что мне уже ничего не поможет. Он стоял наблюдая как мое лицо искажается от страха. В какой-то момент я увидела, что недалеко от меня на столе стояла довольно увесистая настольная лампа. Я кинулась к ней как утопающий к спасательному кругу. Но, он тоже не спал. Он сделал легкий выпад и клинок распорол на руке мою рубашку и через разрез начала проступать кровь.

— Решила поиграть? Давай, крошка!

— Не называй меня так, грязный ублюдок! — выкрикнула я.

Он засмеялся:

— Что, голос прорезался? Ничего, скоро я отрежу твой поганый язык и скормлю его собакам!

— Ты я вижу тоже порезался, — проговорила я обходя стол. — И морда у тебя сейчас

такая, что ни одна баба к тебе не подойдет!

Он зарычал и попытался достать меня через стол:

— Это по твоей вине! Когда я убежал от солдат в тот день, то выпрыгнул из окна на острый край козырька крыши.

— Жалко, что эта крыша не разрежала твою тупую башку! — крикнула я.

Я все понимала, что этим рою себе могилу. Но он меня все равно убьет, поэтому лучше умереть достойно.

— Вон в углу стоит то, что тебе нужно, — сказала я, указывая в угол позади него.

Он невольно обернулся. В этот момент я звериным прыжком оказалась у него за спиной и помчалась к лестнице. Родриго настиг меня на лестнице, схватив рукой за рубашку. Я услышала треск ткани и упала навзничь. Он помял меня под себя, душа своими огромными ручищами. "Это конец!?" — мелькнуло в голове.

Но не успела я попрощаться со своим бранным телом, как его хватка ослабла.

Я увидела как ему в ногу впился Сатана яростно рыча. Его густая черная шерсть поднялась на загривке, отчего он являл довольно страшное зрелище. Родриго тряс ногой и Сатана прыгнул снова на него, целясь зубами в горло, но Родриго сделал рассекающий удар клинком и Сатана упал в прыжке из его ноги текла кровь, он лежал тяжело дыша.

— Сатана! — закричала я и невольно рванулась к собаке. Я подбежала и положила его голову себе на колени. Из раны текла кровь и мои руки и ноги были в крови. Я плакала, глядя его по большой лохматой голове.

Родриго подошел громко смеясь и рывком дернул меня:

— Сатана умер, скоро и ты умрешь, ведьма!

Он схватил меня за горло и начал душить. Какое-то время я дергалась, но скоро совсем ослабла, чувствуя, что еще немного и я потеряю сознание, но его руки внезапно разжались. Открыв глаза я не поверила в то что видела. Родриго дрался с каким-то мужчиной. И этим мужчиной был: Штольц!

Я сидела на лестнице, трясая головой как собака, пока они рыча катались по полу. Родриго выкрикивал проклятия, Александр же боролся тихо и как я поняла берег силы. Нож у Родриго упал, когда он гнался за мной, но дотянуться до него я не могла, поэтому встав я побежала в комнату за револьвером. Больше всего я боялась, что Родриго пока ждал меня уже его обнаружил и что он у него, но открыв тумбочку, рука легка на привычную холодную гладкость метала и я успокоилась.

Схватившись я быстро побежала вниз и успела как раз во время. Родриго был сильнее и выше Алекса и он его подмял под себя. Когда я прибежала, он дотянулся до ножа и его рука с клинком уже занеслась для удара.

Задержав дыхание я выстрелила. Сначала ничего не происходило, но потом на его лице промелькнула изумление и Родриго посмотрел на меня. Из небольшой дырочке в его лбу текла кровь. Он поднял руку и удивленно вытер кровь, затем замертво упал на Штольца.

Когда я вытаскивала Александра из-под тела Родриго, мне казалось что он не дышит, поэтому я начала всхлипывать. Но затем, он открыл глаза и улыбнувшись поправил мне прядь:

— Какая же ты красивая!

После этих слов я упала ему на грудь и начала рыдать как ненормальная.

После этого мы позвонили в полицию. И пока я вызывала ветеринара, Александр,

зашивал рану Сатаны. Тот лежал молча, лишь иногда скуля, когда иголка входила в кожу.

Потом приехали полицейские, скорая. Всю ночь по моему дому ходили незнакомые люди все фотографируя, снимая отпечатки пальце и что-то обсуждая как будто меня рядом не было. Мне хватило ума дать следователю номер Денни и тут быстро выяснилось, что Родриго был в международном розыске по целой серии преступлений, которые включали убийства, торговлю оружием и наркотиков, организацию международной преступной сетью. После этого меня перестали замечать, а ближе к утру они все уехали, оставив обведенное мелом пятно на полу гостиной.

Сатану мы положили на коврик в гостиной и сейчас он спал. Ветеринар сказал, что собаке очень повезло, что ее вовремя зашили, иначе она бы умерла от потери крови, но были задеты мышцы и теперь она будет хромать. Я сказала, что главное, что он жив.

Мы с Александром долго ждали момента, чтобы остаться вдвоем. Я обратила внимание, что у него практически не двигается правая нога. Нам нужно было многое обсудить, но сейчас мы молчали. Говорили наши тела. Мы жадно целовали каждый сантиметр тела друг друга. Пусть все слова будут потом, а сейчас было наше время.

Позже, когда мы лежали утомленные бессонной ночью и любовной страстью, я заставила его все мне рассказать. Мы лежали на моей большой кованной кровати, разметавшись по белым простыням. В окно только заглядывали красные лучи восходящего солнца, окрашивая комнату в розовый цвет.

Он начал свой рассказ:

— Про то, что меня похитили люди Чаки ты уже знаешь. Среди них был Родриго. Они увезли меня за город к реке и расстреляв из пистолета, столкнули мое тело в реку. Мне повезло и пули прошли далеко от важных органов, но я потерял много крови. Выстрелов было много, — он показал мне на уже зажившие раны от пуль, которые я принялась целовать, пытаясь хоть как-то взять на себя часть его боли. — Мое тело было буквально изрешечено, поэтому они даже не стали оглядываться и проверять жив ли я. С такими ранами не живут, и тем более невозможно выплыть из воды. Сев в машину они уехали.

Я чувствовал, как с кровью у меня выходит жизнь, но я не хотел умирать, потому что у меня теперь была ты. И я нес за тебя ответственность. Собрав силы я выбрался на берег и какое-то время пытался идти, но потом видно потерял сознание.

Когда я очнулся, то вокруг все было незнакомое. На стуле рядом со мной спал какой-то старик, его звали Хосэ и он был местным врачом. Я пошевелился, но он остановил меня. Он мне сказал, что видел как в меня стреляли и знал что это были за люди. Старик сначала боялся и хотел уехать, но затем вернулся и подобрал меня.

А через какое-то время охранники Чаки вернулись. Высокий, это он видимо рассказывал про Родриго, ругаясь бегал по берегу. Старик слышал, что их кто-то отругал, что они бросили тело. Они долго искали меня, а когда не нашли, поехали в деревню. Хосэ меня спрятал и долгое время про меня никто не знал. У меня не было сил чтобы вставать и почти все время я спал. Он лечил меня и заботился обо мне. Но, про меня постоянно кто-то пытался узнать, поэтому на мои просьбы позвонить близким, он качал головой. И так я был у него полгода, пока все не утихло. Я уже мог вставать, но после ранения в ногу, одну из мышц пришлось удалить и теперь я ходил с трудом. Он научил меня заново передвигаться и дал мне кров, а когда я выздоровел, то он ночью отвез меня в город на квартиру друга.

Уже там я узнал, что Чаки расстреляли, а ты куда-то уехала и про тебя никто не знает. Я продал дом, часть денег в благодарность за помощь я отправил Хосэ и начал твои поиски.

Мои детективы долго не могли взять твой след, — он улыбнулся. — Денни хорошо постарался!

Но через какое-то время один из детективов сообщил, что ты в Париже и что работаешь уличным художником и недавно у тебя прошла очень удачная выставка. Когда мне показали твои фото, я чуть не умер от счастья и бросив все я поехал к тебе. Но когда я тебя увидел на улице, то внезапно заробел. Прошел почти год как мы не виделись, я не был уверен, что у тебя не началась за это время новая жизнь. Я не хотел чтобы из-за угрызений совести ты отказывалась от своего счастья, поэтому просто наблюдал за тобой. Пытаясь понять есть ли у тебя кто-то и обрадуешься ли ты мне.

Через какое-то время я заметил, что наблюдаю за тобой ни я один. Недалеко всегда был высокий мужчина в больших темных очках и в пальто со стоячим воротом. Его лица не было видно. Тогда я принял верное решение узнать кто он и что. Я начал следить за ним и однажды ночью, когда он стоял возле твоего дома, я даже спугнул его.

— Я помню ту ночь! Я тоже видела его!

Он кивнул. Я видел тебя в окно, и он похоже тоже. Единственное, за что я себя виню, что долго тянул, потому что чуть не потерял тебя!

— Ты все правильно сделал! Ты мог бы его спугнуть, а так он получил по заслугам!

Алекс перевернулся ко мне, глядя мое лицо:

— Ты у меня была как заправский ковбой! Не каждый мужчина способен так хорошо стрелять!

Я хихикнула:

— Он был большой мишенью и промахнуться было трудно!

Затем мы еще долго валялись в постели и разговаривали на разные темы. Мы не виделись почти год и каждому хотелось поделиться тем, что у него было. Я рассказала про то как был штурм и арестовали Чаки, как я переехала в Париж и про свое знакомство с Паулем и Луизой.

Затем не удержавшись я его спросила:

— А когда ты понял что любишь меня?

— С самого первого взгляда!

— Когда я пришла к тебе в кабинет?

Он хитро улыбувшись покачал головой:

— Это был уже не первый раз, — видя мое удивление он продолжил. — Первый раз было на званном приеме в беседке. Ты тогда еще кинула свой фужер в пруд.

Его признание удивило меня. Не даром у меня все время было чувство что я его уже знаю и где-то видела. Мои глаза расширились:

— Так это был ты?! Помнится ты предлагал тогда сделать мне искусственное дыхание, если мне станет плохо.

Алекс наклонился глядя мою грудь и целую в шею:

— Я же врач, я и сейчас тебе это предлагаю!

После этого мы снова занялись любовью, но на этот раз очень медленно, словно смакую друг друга.

После всего что случилось, мы начали жить тихой загородной жизнью.

Сатана поправился, но стал хромать на правую лапу. Глядя в окно, как они с Алексом гуляют, оба похрамывая, мое сердце наполнялось любовью.

К нам пару раз в гости приезжала Оливия с мужем и мы подружились семьями. Роза ответила на мое письмо и даже обещала летом приехать вместе с сыном в гости, чему я была несказанно рада. Про Рамироса она сообщила, что он 'глубоко женат' и после работы мчится домой не оглядываясь по сторонам. В конце Роза написала 'и вообще, он стал скучным добропорядочным типом'. На этих строках я улыбнулась, вспоминая Рамироса и его бывшие любовные похождения. Кто бы мог подумать!?

А летом, я узнала что жду ребенка и испытала просто неземное счастье.

В один теплый солнечный день, мы с Алексом купали во дворе Сатану, я сообщила ему, что беременна. Александр услышал новость заплакал, на что я ему сказала, что плакать полагается беременным, а не их мужьям. Но мы были оба очень счастливы и помыв собаку, начали бегать вокруг лоханки и плескаться водой друг в друга. Вокруг нас с радостным лаем носился Сатана. Временами он начинал отряхиваться, при этом делая нас мокрыми с головы до ног. Мы гладили его по мокрой голове и мне почему-то казалось, что он тоже улыбается. Я поняла, что долгая темная ночь, которая была в моей жизни закончилась, и теперь меня ждет новый день. А также любимый человек, который делает меня счастливой!

Больше книг на сайте - Knigolub.net